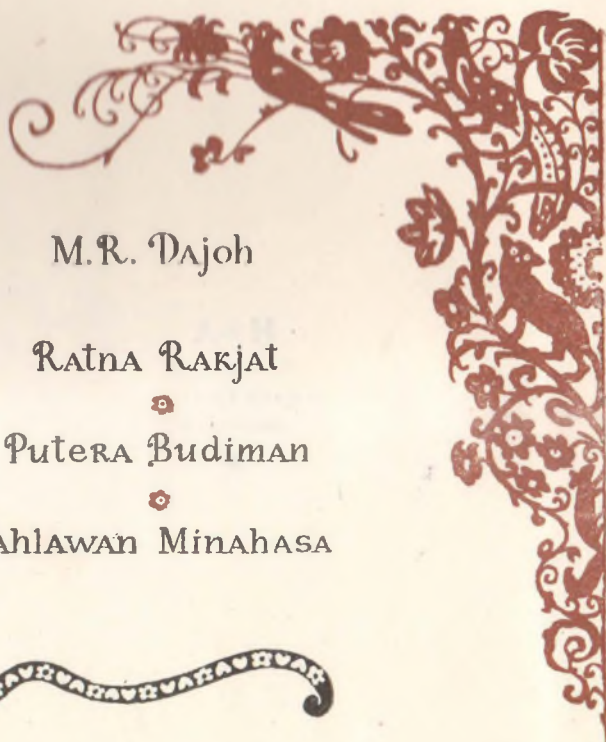

Индонезийские
сказки
и легенды

M.R. Dajoh

Ratna Rakjat

Putera Budiman

Pahlawan Minahasa

Djakarta 1951

М.Р. Дайо

Индонезийские
сказки
и легенды

Перевод с индонезийского

Л. Колосса

Издательство
иностранной литературы
Москва 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

В. Важдева

РЕДАКТОР

К. Северова

СКАЗКИ ОДНОГО ИЗ ТРЕХ ТЫСЯЧ ОСТРОВОВ

Чего только не бывает в сказках: видимое становится невидимым, один герой перевоплощается в другого, животные разговаривают, как разумные люди, герои сказок переносятся по воздуху через горы и моря, в таинственных морских глубинах стоят коралловые дворцы, где властвуют столь всесильные раджи, что им подчиняются народы, живущие на островах... А в далекой и необычной стране, породившей такие чудесные сказки и легенды, три тысячи тоже сказочных островов!

Но это уже не сказка и не фантастика. Как ни поразительно это, сколь ни трудно нам, живущим в государстве, простершем свои земли от северного океана и до южных морей, от восточной окраины азиатского материка, через всю Азию и до середины Европы, сколь ни трудно нам, жителям такого обширного государства, не уместившегося в одной части света, а разметавшегося на двух материках, представить себе страну бесчисленных островов и ее жизнь,— страна эта не сказка, она существует со своим особым жизненным укладом, историей и неповторимой культурой.

В далеких просторах Индийского океана, как своеобразный «мост», протянувшийся от юго-восточной оконечности Азии и до Австралии, находится самая большая в мире группа островов — Малайский архипелаг. Всех островов в архипелаге три тысячи. И среди них такие известные нам с детства, как Борнео (Калимантан), Суматра, Ява, Целебес (Сулавеси) и многие, многие другие.

Здесь живет восемьдесят два миллиона человек. После Китая, Индии, СССР, США и Японии самая большая в мире страна по количеству населения — это Республика Индонезия.

Сложной была история этого многострадального государства, история борьбы за объединение и независимость страны...

Уже две тысячи лет назад народы Индонезии имели систему мер и весов, умели обрабатывать металлы, строили ирригационные сооружения, были отличными мореплавателями. Известно, что основное население острова Мадагаскар, так далеко отстоящего от Малайского архипелага, составляют мальгаша — потомки индонезийцев, которые в те далекие времена сумели достичь другого конца океана, у берегов Африки, и основать там свои поселения!

Прекрасна индонезийская земля. Бесчисленны на ней рощи кокосовых пальм, непроходимы фантастические заросли джунглей. Там водятся дикие звери — тапиры, крокодилы, стройная карликовая лань — пеландук, или канчиль, там живут — и нигде больше на земле, кроме Индонезии, не встречаются — человекообразная обезьяна орангутанг, летающая лягушка и бабирусса...

Но не могучие тигры и человекообразные обезьяны и не летающие лягушки издавна привлекают в эту страну пришельцев. Нет! Богатства ее земли и недр превращают острова Индонезии в мечту для многих и многих завоевателей.

Райская земля: она дает пряности, копру, пальмовое масло, тростниковый сахар, чай, хинин, каучук...

Неисчерпаемая кладовая богатств: недра этой страны хранят нефть, уголь, золото, олово, никель, алмазные россыпи. Вот что привлекает взоры чужеземных завоевателей.

Ну какое, казалось бы, сопротивление мог оказать индонезийский народ, разбросанный по островам, разобщенный существованием многих мелких феодальных княжеств, которые на время то объединялись в более крупные, то рассыпались снова, дробились, ослабляемые внутренней борьбой? Ведь даже единого языка не было у этого народа, и не только на отдаленных друг от друга островах, но даже на одном острове говорили на разных языках. Как это многоязычие ослабляло и разъединяло народы Индонезии! Например, на Яве говорят на яванском, сунданском и мадурском языках, на Суматре — на батакском, ачех, лампунг, ниас, ментавай и других, на Целебесе — на языках тораджа, мандар, бутон, бугис, мангкасар, тондано, томболо, тонтандеран, горонтало...

В общем Индонезия — страна множества островов и множества языков!..

И вот в начале XVI века в Индонезии появляются первые колонизаторы — португальцы, а за ними голландцы. С этого времени начинается ожесточенная борьба индонезийцев за свою национальную независимость.

Характерно, что только в XIX веке в Индонезии произошло двадцать семь крупных восстаний против чужеземных колонизаторов. Поистине удивительны и неиссякаемы силы народа, стремящегося к свободе и независимости!

Эта борьба — колонизаторов за колонии, а индонезийцев за освобождение от колониального рабства — продолжалась в течение веков, вплоть до наших дней.

Триста лет сопротивляется слабая, раздробленная Индонезия! И все же в 1904 году Голландия захватывает страну островов. Но не надолго: восстание следует за восстанием. Меняются колонизаторы — на место голландских приходят японские (1942 г.), а после разгрома германско-японского фашизма появляются английские капиталисты, которые, не имея возможности удержать колонию у себя, используют обстановку для того, чтобы помешать национально-освободительному движению народов Индонезии и снова передать страну в руки Голландии.

Но все ухищрения империалистических держав оказываются на этот раз тщетными: 17 августа 1945 года Индонезия, руководимая президентом Сукарно, становится независимой республикой.

Перед правительством свободной Индонезии возникла сложнейшая задача — ликвидировать колониальную структуру экономики и вывести государство из разряда так называемых слаборазвитых стран. Для этого и был разработан первый пятилетний план развития Индонезии.

Сразу после завоевания независимости был установлен наконец в Индонезии единый государственный язык — могучее средство объединения народов, населяющих страну.

В республике началась борьба за грамотность, увеличение школ, высших учебных заведений, за развитие национальной индонезийской культуры. Число грамотных возросло в Индонезии с 6 до 50%, вместо 3595 начальных школ теперь насчитывается 32 000.

Понятен и усилившийся в Индонезии интерес к национальной культуре, к богатейшему народному творчеству — фольклору, к сказкам и сказаниям. Ведь в них воплоща-

ансь мечты и чаяния простого народа этой древней страны, его стремление к счастью, его высокие нравственные идеалы, глубокая вера и торжество справедливости, добра и свободы.

Советский читатель уже знаком с фольклором этой страны по книге «Индонезийские сказки»^{*}, в которой дан цикл яванских сказок о хитроумном канчице — карликовой лани, популярном герое индонезийского фольклора, а также яванские легенды и сказания.

Предлагаемый сборник принадлежит перу прогрессивного индонезийского писателя М. Р. Дайо, который в своем художественном пересказе знакомит читателя с образами фольклора, бытующего на острове Сулавеси (Целебес).

В книге представлены сказки и легенды.

Раздел сказок невелик.

Здесь читатель встретится с своеобразным решением сказочных сюжетов, известных и другим народам за пределами Индонезии. О том, как маленькая пичужка не только перехитрила, но и проучила зазнавшегося владыку пернатых, говорится в сказке «Орел и Воробей». Использован и известный сказочный мотив: способность героя своим прикосновением превращать предметы в золотые («Сказка о перепелочке и двух мальчиках»). Из веселой, остроумной сказки «Кот и Обезьянки» мы узнаем, что кот, как персонаж индонезийского фольклора, не похож на своего русского и европейского собрата: он озорник и хитрец, скорее напоминающий по характеру нашу лису.

Особое внимание заслуживает «Остров Корабль», хотя и отнесенный автором к сказкам, но по всей своей специфике — идейной, сюжетной и речевой — представляющий характерный образчик сказания, легенды. Сын бедной женщины отправился в далекие края искать счастья. И вот спустя много лет, разбогатев на чужбине, он вспомнил о родном поселке и решил навестить его. На своем собственном корабле подплыл он к родным берегам. Сына ждет мать, она вышла к нему в рубище, рот ее ввалился — у нее уже не осталось зубов. Она несет своему разбогатевшему сыну немного вареной картошки — больше ей нечем угостить его. Но богатч сын отказался от матери. Он при-

^{*} «Индонезийские сказки», перевод и предисловие В. А. Островского, М., Гослитиздат, 1956.

творился, что не знает этой старой нищей женщины, и прогнал ее прочь. Тогда она прокляла своего сына. Боги выполнили волю старой матери: поднялась буря, корабль затонул, а ничтожный сын превратился в птицу. Он обречен вечно летать над этим островом и кричать одно и то же: «О моя мать! О моя мать!»

В легенде «Остров Корабль» заложен глубокий смысл, она несет в существе своем глубокую подлинно патристическую идею. Если нарушается связь человека с его родной землей, если человек забывает о своем первейшем долге сына своей матери-родины — он обречен на гибель.

Народ Индонезии, который так долго вел жестокую борьбу с колонизаторами за свободу своей родины, и раньше и в эти дни не прощал измены тем, кто, всеми правдами и неправдами выбившись на гребень жизни, во имя собственного благополучия забывал о родине и переходил на сторону колонизаторов. Предатели не лучше этого разбогатевшего сына, который отрекся от своей нищей старой любящей матери! И разве они не заслуживают проклятия и наказания! Вот что ждет всякого, кто изменит своему народу, своей родине! — говорит легенда. Она воспитывает, она грозно предупреждает.

Основное место в книге занимают два сказания, значительных и по содержанию и по размеру: «Сказание о мудром юноше, или Принц-Чародей» и «Герой Минахасы» *. Это, по существу, героические повествования. Но оба они резко отличаются от большинства произведений подобного жанра, характерных для фольклора других стран.

Герои индонезийских сказаний не ставят своей целью завоевание других народов, не ведут бесчисленных захватнических походов, кровавых схваток с соседними государствами. Они сражаются тогда, когда враг напал на их землю и вынудил поднять оружие. Так, например, Ленгконг ведет поединок с Вантианом, как благородный воин. Выбив оружие, он отдает противнику свое, снова продолжает поединок и, победив врага, с гордостью восклицает: «Потомки горы Келабат — не убийцы, как ты!»

Герои индонезийских сказаний наделены, как и их иноязычные собратья, персонажи героических эпосов других народов, умом, храбростью, сказочной физической силой.

* Минахаса — полуостров в северо-восточной части острова Целебес (Сулавеси).

Они решительны и мужественны, смело вступают в борьбу и сражаются на смерть. Но характерно, что они всегда пытаются сначала уладить дело миром. Вот почему Ленгконг-Вуайя, по совету старейшины, идет навстречу вторгшемуся на земли народа Келабат врагу, идет один, а не с войском, чтобы попытаться без войны, дружбой, остановить нашествие.

Стремлением к миру, к доброму соседству народов проникнуто «Сказание о мудром юноше, или Принц-Чародей».

Таинственный герой Принц-Чародей хочет, «чтобы повсюду воцарился мир, потому что он несет с собой дружбу и спокойствие, процветание и счастье всех людей». И поэтому-то сказание заканчивается тем, к чему стремятся его герои, «страна Востока и страна Запада не будут больше воевать между собой, мир и дружба связывают их в единое целое!»

По своим художественным достоинствам «Сказание о мудром юноше» значительно интереснее, чем «Герой Минахасы». Оно более разнообразно по системе приемов, исполнено тончайшего лиризма и поэтичности.

Несколько непривычной будет для нашего читателя выпренность авторского слога, требуемая, впрочем, самим жанром. Однако своеобразие повествовательной манеры, необычность фантастических образов и событий определяют особую поэтичность индонезийских сказаний. В их прозаический текст зачастую органически включаются многочисленные стихи. Сказочные мотивы возникают с поразительной непосредственностью, как само собой разумеющееся. Герой, например, просто провел руками по своему телу и... стал невидимым. Или, пожелав, он вдруг тотчас начинает расти и превращается в великана. Превращение героев имеет свое внутреннее обоснование. Так, мы узнаем, что учитель Рае-Римае, раджа Серак Тасик и ряд других положительных героев сказания — это все тот же Принц-Чародей, лишь принимавший различные облики, что коварная служанка, богатый спорщик в петушином бою и другие отрицательные персонажи — это все те образы, в которые перевоплощался злой сын раджи Менаи-Сендангана! Мотив сказочного перевоплощения имеет в своей основе реальную внутреннюю общность характеров всех этих внешне разных героев. По сути дела, сказание дает два реалистических типа — отрицательный

и положительный, воплощая каждый из них в нескольких масках.

Характерно для стиля индонезийских фольклорных произведений звукоподражание. То шумит ветер, то крикнет сова... И хотя иной раз звукоподражания локальны и кажется, что дождь у нас не говорит: «Тери-тик-тик-тик!..», но все же как бы прислушиваешься к звукам крупных капель тропического дождя, веришь в них так же, как и в то, что гонг, когда по нему ударяют, восклицает: «Гунг, гунг, гунг!»

«Сказание о мудром юноше» — это повесть о том, как индонезийский Ромео ищет свою Джульетту, только здесь героя зовут принц Герадус, а героиню — Норани.

Поиски возлюбленной — вечная тема у всех народов. Но здесь, в индонезийском фольклоре, она раскрывается с особой поэтической прелестью. Героические подвиги совершаются не силой оружия — раджу Унтэпан-ни-ендо победить силой оружия невозможно. «Победить его можно только силой Любви и Дружбы, которые покоряют сердца, как сияние полной Луны, радующее все живое на земле».

В образе принцессы Норани, такой прекрасной, что красота ее стала вечной приманкой для раджей, готовых силой оружия — войной! — завоевать прекрасную девушку, народ воплотил свою беспредельную любовь к родной земле — Индонезии.

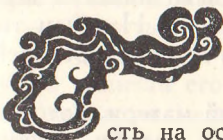
Но народ верил — прекрасная Норани соединится со своим избранником, и тогда прекратятся войны, разобщенные индонезийские народы сольются в одну могучую семью: «Если объединятся раджи Севера и Юга, Востока и Запада, если будут связаны они миром и дружбой, если будут царить среди них доверие и уважение друг к другу — как много счастья и покоя принесет это каждому человеку!» — мечтает главный герой сказания. Его дума — это дума всего индонезийского народа.

Вековая мечта трудовых людей, которую они воплощали в поэтических сказаниях и легендах, теперь сбылась. Индонезия сбросила оковы колониализма.

В. Важаев.

СКАЗКИ

1. ОСТРОВ КОРАБЛЬ

сть на острове Белитунг река Черучук, а на реке — несколько маленьких островков; один из них называется Корабль. О том, как появился этот островок, жители Белитунга сложили легенду. Вот она, эта легенда.

Рассказывают, что в давние времена жила одна бедная-бедная семья: отец, мать и сын. Отец умер, когда мальчик был еще совсем маленький, и матери одной пришлось растить сына, а ведь это очень нелегко.

Когда мальчик подрос, он ушел из дому, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Сначала он стал лодочником — перевозил на лодке через реку Черучук людей и всякую кладь. За это ему платили, и он мог жить без нужды.

А в это время его бедная старая мать ютилась у чужих людей в поселке; она стала совсем слабой и уже не могла следить за своей хижинкой, хотя это и была всего-навсего лишь крохотная лачужка. Мать очень любила своего сына, а он совсем забыл о ней, отправился в дальнейшее плавание по морям, и много лет она ничего не слышала о нем.

Сын старушки был прилежен и старателен в труде, всегда угождал людям, которые давали ему работу. Он постепенно копил деньги и, наконец, приобрел корабль и нанял матросов. Став капитаном корабля, он женился на очень красивой девушке, которая плавала вместе с ним по морям и океанам.

Но вот однажды этот человек вспомнил о родном поселке на острове Белитунг и повел свой корабль вверх по реке Черучук. Как только корабль остановился около поселка и бросил якорь, среди жителей разнеслась весть, что капитан этого корабля их земляк, что раньше он был очень бедным, а потом разбогател и что мать его и сейчас живет здесь, в поселке.

Услышала старая женщина эту весть, узнала, что сын ее, которого она столько лет ждала, вернулся на родину на большом корабле. Не помня себя от счастья и гордости за сына, поспешила она к кораблю и, прибежав на берег, попросила, чтобы ей помогли взойти на корабль, к ее сыну.

— Сын мой,— говорила она,— я твоя мать. Так долго я не видела тебя, так долго о тебе не было никакой весточки, что я даже не знала, жив ты или нет! Наконец ты вернулся домой с удачей и счастьем, и я хочу поскорей обнять тебя.

Услышал капитан корабля голос своей матери, которая звала с высокого берега реки, вышел на палубу и увидел на берегу старушку — платье на ней старое, рваное, все в заплатках, не разберешь уже, какого цвета, лицо покрыто морщинами, беззубый рот ввалился, и голова совсем белая от седины. Старушка держала в руках котелок с вареной картошкой — она принесла ее, чтобы угостить своего сына.

Вышла на палубу и красивая жена капитана, посмотрела на берег и спросила мужа:

— Кто это зовет тебя?

И матросы, и друзья капитана, богатые торговцы, тоже высыпали на палубу, чтобы посмотреть на эту старую женщину.

Стыдно показалось капитану признать в этой женщине свою мать, и перед лицом всех этих людей он крикнул:

— Эй, уходи отсюда! Ты не моя мать, я никогда не жил под одной крышей с тобой!

И ответила ему старушка:

— Слушай, сын мой, не поступай жестоко со своей старой матерью. Ведь я ждала тебя так много лет, и так радуется сейчас мое сердце, что ты вернулся.

Но капитан не стал ее слушать. Он приказал одному из матросов сойти на берег и повторить этой старухе, чтобы она убиралась отсюда и не мешала людям разгружать и нагружать корабль.

Тогда мать перестала плакать, разгневалась и прокляла своего сына.

— О аллах, исполни мою просьбу! — воскликнула она. — Человека этого я родила и выкормила своим молоком, а теперь проклинаю, чтобы не было ему в жизни ни

счастья, ни удачи! Пусть же потонет его корабль, пусть пойдет ко дну все, что есть на нем!

В одно мгновение поднялась буря, полил проливной дождь, и, как пожелала старая мать, корабль пошел ко дну. Ее сын взобрался на верхушку мачты, еще видневшуюся над водой. Он плакал и, обращаясь к старой женщине, стоявшей с простертыми к небу руками на высоком берегу реки, кричал:

— О мать моя! О мать моя!

Он долго звал ее, но все было напрасно. Корабль утонул, а капитан его превратился в ночную птицу. Она летает над этим местом и все время кричит, повторяя одни и те же слова:

— О мать моя! О мать моя!..

А затонувший корабль превратился в небольшой островок, который с тех пор и называют остров Корабль.

2. КОТ И ОБЕЗЬЯНКИ

днажды шел по дороге Кот и дурачил всех, кто попадался ему на глаза. Повстречались Коту две Обезьянки.

В это время Обезьянки увидели осиное гнездо на ветке большого дерева. Они спросили Кота:

— Слушай, Кот, что это за штука висит на дереве?

Кот им ответил:

— О-о, это гонг моего дедушки.

— А громко он звучит? — спросили Обезьянки.

— Конечно! — сказал Кот. — Если по нему ударить, вся страна услышит его звук.

— Можно нам попробовать?

— О-о, нет, нельзя, а то мой дедушка рассердится, — ответил Кот.

— Но ведь его здесь нет, — убеждали Кота Обезьянки.

— Правильно, дедушки нет. Но он поручил мне охранять гонг, чтобы к нему никто не прикасался.

— Ну разреши нам ударить по нему хоть разочек. Нам так хочется послушать, как он звучит.

— Нет, нет, нельзя, а то всполошится вся страна!.. — Но Обезьянкам очень хотелось ударить в гонг. И они снова стали просить Кота:

— Мы только разок ударим, разреши нам!

— Ну, раз уж вы так настаиваете, — согласился Кот, — ладно, ударьте. Но сначала я уйду отсюда, а то дедушка на меня разгневается. Если он узнает, что я был здесь и не запретил вам прикасаться к гонгу, мне попадет за это.

— Хорошо, — обрадовались Обезьянки, — убегай скорее, а мы ударим по этому гонгу.

— Эй, эй, эй! — крикнул, убегая, Кот. — Подождите,

пока я не уйду. Когда меня уже совсем не будет видно, можете ударить.

— Беги быстрее!

— Подождите еще! Не торопитесь! — кричал Кот.— Меня еще видно...

— Быстрее! — кричали ему вслед Обезьянки.

Когда Кот скрылся из виду. Обезьянки нашли палку и ударили ею по осиному гнезду, которое висело на ветке дерева.

Обозленные осы и в самом деле загудели, как большой гонг. Гнездо, заполненное осами, упало на землю. Обезьянки от удивления даже рты разинули. Но вот целый рой ос поднялся в воздух...

И... что это? Осы принялись яростно жалить Обезьянок в головы, в уши, в спины, в шеи... Не помня себя от боли, Обезьянки бросились бежать, но осы не отставали.

...Увидев пруд, Обезьянки нырнули в него с размаху. Им пришлось долго сидеть под водой, пока осы не улетели. Как только затихло вдали гуденье осиного роя, Обезьянки вынырнули из воды.

Видят: сидит на берегу Кот, тот самый, что одурачил их и убежал. А Кот, поджидая Обезьянок, прислонился к стволу маленького кустика, на котором рос красный перец; стручки перца уже созрели.

Подошли к Коту Обезьянки и спрашивают его:

— Слушай, Кот, что ты здесь делаешь?

— Теперь я сторожу сад моего дедушки, чтобы никто не рвал фрукты.

— Что? Фрукты? А нам можно их попробовать?

— Можно, только я сначала уйду. Если мой дедушка узнает, что я разрешил вам это сделать, он разгневается на меня.

Подождали Обезьянки, пока Кот скрылся из виду, потом нарвали много-много стручков красного перца, набили ими себе полные рты и стали жевать...

И вдруг... словно пожар начался у них во рту! На глазах у Обезьянок выступили слезы, губы распухли от красного перца!..

А Кот был уже далеко...

3. КОЛЬЦО

ва мальчика — братья Хаду Хина и Мада — шли в соседнюю деревню на большой праздник. Им очень хотелось попасть туда: ведь на праздниках бывает так интересно и весело.

Был полдень, и жара стояла необычайная. Мальчики шагали по сухой, каменистой, пустынной дороге. Лишь изредка по краям ее попадались деревья, листья на них поблекли от зноя и засохли... По такой дороге трудно идти босиком — это все равно, что ступать по горячей, раскаленной золе.

Вдруг Мада увидел двух Змеек; почти мертвые от палящих лучей полуденного солнца, они свернулись колечком и лежали на обочине дороги. Мальчик сказал своему старшему брату:

— Знаешь, что я сейчас видел? На краю дороги лежат две Змейки, они умирают от жары. Давай отнесем их в тень, и они опять оживут.

— Ладно, — согласился Хаду Хина. — Где они?

— Сзади, мы еще не далеко отошли.

— Тогда вернемся... Ну где же?

— Вот, здесь!

— Давай возьмем две палочки, подцепим Змеек и отнесем вон к тому дереву!

Нашли мальчики две палочки и отнесли Змеек в тень. И Хаду Хина сказал:

— Живые они или мертвые, все равно мы сделали доброе дело.

И мальчики отправились в деревню, где люди справляли большой праздник.

А обе Змейки через некоторое время ожили и по-

ползли к своей норе. Там они рассказали своему Отцу Змею о том, что с ними случилось:

— Отец, какой-то человек избил нас палкой, и мы уже едва дышали. Но потом пришли два мальчика, отнесли нас в тень, и мы опять ожили.

Спросил их Отец:

— Вы сможете узнать этих мальчиков?

Ответили ему Змейки:

— Если мы их увидим, то узнаем.

Тогда Отец сказал:

— Если так, то подождите их у дороги. Когда они будут проходить мимо, вы им скажите: «Пожалуйста, зайдите на минутку к нам домой, Отец хочет вас видеть».

Вскоре мальчики, возвращаясь с праздника, подошли к дереву, где оставили Змеек. Один из них сказал:

— Надо посмотреть наших Змеек — мертвые они или живые.

Подошли братья к дереву, но Змеек там уже не было.

— Конечно, они ожили и уползли отсюда. Но куда же они могли уползти?

А Змейки, ожидавшие мальчиков, услышали их разговор, подползли к ним и спросили:

— Это вы нам помогли?

Мальчики ответили:

— Мы.

Тогда Змейки сказали:

— Пожалуйста, зайдите к нам домой, вас пригласил наш Отец.

Мальчики ответили:

— Мы боимся к вам идти.

— Не бойтесь, пойдемте, — настаивали Змейки. — Мы будем ползти впереди. Когда вы подойдете к входу в наш дом, идите точно по нашим следам. Тогда не рассердится наша злая собака Кабоата. А когда войдем в дом и Отец предложит вам рис, из чистой корзины не берите, из грязной корзины не берите, с тарелки не берите, с медного подноса не берите, а из глиняного кувшина берите. Если Отец подарит вам лошадей — не берите, слуг — не берите, золотую цепочку — не берите. Вы должны отвечать одно: «Мы хотели бы иметь лишь кольцо, которое у вас на пальце».

Змейки поползли, а братья пошли за ними, ступая точно по их следам. Войдя в подземелье, мальчики все сде-

дали так, как научили их Змейки: рис они взяли только из старого глиняного кувшина, от лошадей, слуг и золота отказались.

Тогда спросил их Отец Змей:

— Что же вы хотите получить в награду?

Мальчики ответили:

— Мы хотели бы иметь лишь кольцо, которое у вас на пальце.

И сказал им Отец Змей:

— Если я отдам это кольцо, я от этого умру. Но если бы вы не спасли моих детей, они могли бы погибнуть, и после меня не осталось бы потомства. А теперь благодаря вашей помощи дети мои живы. Поэтому я выполняю вашу просьбу. Берите кольцо!

Снял он со своего пальца кольцо, отдал его мальчикам, и они пошли в свою деревню.

Придя домой, мальчики были очень удивлены. И было отчего: к чему бы ни прикоснулся Хаду Хина, у которого было кольцо, — все превращалось в золото! Взялся он за косяк двери — косяк стал золотым; взял корзинку — корзинка стала золотой; взял платок, одеяло — и они стали золотыми. Волшебное кольцо все превращало в золото.

Через некоторое время приехал в их деревню чужеземный ювелир. И сказал ему Хаду Хина:

— Мне очень хочется узнать, что это за кольцо, из чего оно сделано.

Ювелир взглянул на кольцо мальчиков и увез его с собой. Когда он плыл на корабле по морю, захотелось ему примерить кольцо. Надел он его себе на палец и увидел, что все, к чему он прикасался этой рукой, становилось золотым. И задумал ювелир оставить кольцо себе, не возвращать его мальчикам. А Хаду Хина он послал совсем другое кольцо, обыкновенное.

Очень опечален был Хаду Хина потерей кольца. Ведь теперь он опять стал бедным. Днем и ночью думал он об утраченном чуде. И решил его младший брат Мада найти это кольцо. Попросил он помощи у Кошки, а та — у Мышки. И вот поплыли Кошка с Мышкой через море, в ту страну, где жил ювелир, укравший кольцо Хаду Хина. И стали они там искать волшебное кольцо. Без труда они входили в дома людей и выходили оттуда, и в каждом доме Мышка прогрызала дырочки в сундуках и смотрела, нет ли там кольца.

И вот наконец они разыскали его и поспешили домой. Когда они плыли по морю, Кошка захотела примерить кольцо и уронила его в море. Но Мышка нырнула в воду и достала кольцо со дна морского.

Когда они приплыли к своему берегу, Мышка сказала: — Я понесу кольцо.

Но Кошка ей ответила:

— Нет, лучше будет, если его понесу я.

И взяла кольцо у Мышки. Но в пути оно выпало у нее из лапок и закатилось в узенькую трещинку в земле. Опять пришлось звать на помощь Мышку. Разгребла Мышка лапками землю, вырыла норку, юркнула в нее и достала кольцо. Положила она его себе на спинку и принесла Хаду Хина.

Обрадовался мальчик, увидев свое кольцо. И опять он стал богатым, потому что все вещи, к которым он прикасался, превращались в золото.

4. ОРЕЛ И ВОРОБЕЙ

реди всех птиц самая большая — Орел. Его можно назвать царем пернатых. Клюв у него огромный, страшный. Крик его слышен далеко-далеко. Когда Орел летит, раздается такой шум, будто дует сильный ветер. Все птицы — и лесные, и те, что водятся в прибрежном кустарнике, и те, что летают над рисовыми полями или в горах, — все почитают и уважают Орла, а многие просто боятся его.

Когда все птицы собираются вместе, слышится только речь Орла, а остальные с уважением прислушиваются к нему и лишь изредка осмеливаются вставлять замечания, робко подают свои голоса, несравнимые, конечно, по силе с голосом Орла.

И вот как-то раз на птичьем сборище воскликнул Орел:

— Эй вы, птицы, летающие над сушей и над морем! Кто из вас сумеет крикнуть так же громко, как я?

Никто не ответил Орлу. Все знали, что у Орла самый сильный и самый громкий голос.

Тогда опять заклекотал Орел:

— Эй вы, птицы! А кто из вас осмелится сразиться со мной? Я могу всех вас, одного за другим, заклевать до смерти. Никто не устоит передо мной!

Опять никто не ответил Орлу: птицам страшно было даже взглянуть на огромный желтый орлиный клюв, который без труда мог поглотить любую птицу.

И снова Орел обратился к пернатым:

— Кто из вас сможет съесть так же много, как я? Сегодня утром я съел на завтрак двух Канареек.

И опять птицы безмолствовали. Они знали, что именно Орел — самый большой обжора.

— А кто из вас сможет залететь выше меня? — продолжал свою речь Орел. — Я уверен — никто!

И вдруг... послышался голос крохотного Воробья:

— Я смогу!

Все птицы, что были на птичьем сборище, презрительно посмотрели на Воробышку и сказали ему:

— Ты самый маленький среди всех нас, как же ты осмеливаешься утверждать, что залетишь выше Орла?!

А Воробей ответил:

— Да, осмеливаюсь.

Тогда Орел предложил:

— Ну, так давай держать пари!

Засмеялись птицы над маленьким Воробьем, собиравшимся держать пари с самим Орлом. Куда ему!..

Воробью стало обидно, что птицы так презрительно относятся к нему. Расхрабрился он и крикнул:

— Да, я готов состязаться с Орлом! Не смотрите, что я маленький!..

И поспорили Орел с Воробьем — кто из них залетит выше. Взмахнул Орел крыльями и устремился ввысь, все дальше и дальше от земли...

А Воробей? Он с самого начала незаметно прыгнул на спину Орла, уселся там поудобнее и, очень довольный, так и полетел на Орле...

Когда Орел долетел до самых облаков, он крикнул:

— Эй, Воробей, где ты?

Взлетел Воробей со спины Орла и ответил сверху:

— Здесь я, Орел!

Очень удивился Орел и поднялся еще выше. Горы и облака были уже под ним, стало холодно. Опять спросил Орел:

— Эй, Воробей, где ты?

И опять взлетел Воробей над его спиной и ответил:

— Здесь я, над тобой.

Еще больше удивился Орел, напряг свои последние силы и поднялся так высоко, что внизу уже виднелся только туман. Но Воробей все время сидел у него на спине. И как ни спросит его Орел, он ему отвечает.

Кончились у Орла силы, не выдержал он и, мертвый, камнем полетел на землю.

А Воробей раскрыл свои крылышки и медленно стал спускаться.

5. СКАЗКА О ПЕРЕПЕЛОЧКЕ И ДВУХ МАЛЬЧИКАХ

или-были два очень бедных мальчика. И мать и отец их умерли. Был у них только дядя, который по закону той страны должен был растить и воспитывать сирот, но он о них совсем не заботился. Он даже не приносил им никакой пищи, а мальчики были еще слишком малы, чтобы самим зарабатывать себе на жизнь. Поэтому не было у них ни еды, ни одежды.

Вот и приходилось мальчикам ходить по деревне за подаванием с чашками, сделанными из скорлупы кокосовых орехов. Если мальчики видели людей, молотивших рис, то просили дать им немножко мякины. Потом они очищали ее, собирали листья, которые могли бы заменить им овощи, перемешивали их с мякиной и все вместе варили. Даже сковородки у мальчиков не было, вместо нее они каждый раз делали большую чашку из широкого ствола бамбука.

К счастью, жизнь тогда не была такой трудной, как в наше время в городах. Бамбук, росший по берегам рек, в те времена еще принадлежал всем людям, а не кому-либо одному, поэтому мальчики могли брать его сколько хотели. Не нужно было покупать, как в городе, и дров — в лесу было много валежника. Огонь и вода тоже ничего не стоили.

Однажды, когда мальчики срезали бамбук, они услышали пение Перепелочки:

Пипикау, пипикау!

Слушайте меня! Слушайте меня!

Поймайте меня! Поймайте меня!

Отнесите меня домой! Отнесите меня домой!

Я буду нестись! Я буду нестись!

Мальчики раскрыли рты от удивления, а старший даже перестал резать бамбук.

— Как странно поет Перепелочка! — сказали мальчики.

Когда они вдоволь насладились пением птички, которая много раз повторяла свою песню, — поняли они, чего она хочет от них.

И сказал один из мальчиков:

— Давай поймаем ее и отнесем домой.

Другой ответил:

— Конечно! Она же сама просит нас об этом.

Мальчики без труда поймали птичку и принесли ее к себе домой. Потом они воткнули в землю бамбуковую палку, привязали к ней за ножку Перепелочку, как привязывают кур, и дали ей немножко мякины, чтобы она поела.

Вскоре они услышали, как их Перепелочка запела:

Пипикау, пипикау!

Посадите меня в корзинку!

Посадите меня в корзинку!

Я буду нестись! Я буду нестись!

Она повторяла эту песенку до тех пор, пока мальчики не сделали так, как она хотела.

Они взяли корзинку с крышкой, посадили в нее Перепелочку и закрыли крышкой, а сами пошли по деревне собирать подаяние и вернулись домой уже вечером. В эту ночь они уснули голодными. Дядя их не пришел к ним: он совсем не заботился о мальчиках. Рано утром мальчики проснулись и опять услышали пение Перепелочки:

Пипикау, пипикау!

Посмотрите на меня! Посмотрите на меня!

Я уже снеслась! Я уже снеслась!

Птичка повторила свою песенку несколько раз. И сказал старший мальчик своему младшему брату:

— Пойди посмотри, может быть, и правда снеслась наша птичка. Тогда мы сможем поесть.

Младший брат пошел посмотреть. Снял он с корзинки крышку и вдруг закричал:

— Братец, иди сюда, смотри! Корзинка полна риса!

Старший брат подошел, заглянул в корзинку и увидел рис. Очень удивились мальчики такому чуду, несказанно обрадовались их сердца. Стали они от радости прыгать и танцевать, потому что теперь у них была еда. Больше не нужно было им бродить по деревне, выпрашивая мякину у людей, молотивших рис.

А на другой день повторилось то же самое. Перепелочка сначала просила посадить ее в корзинку, а когда наполняла ее рисом, подзывала мальчиков. Они пересаживали ее в другую корзинку.

Когда у мальчиков уж не осталось пустых корзин, они стали сыпать рис прямо на пол в комнате. А в один прекрасный день Перепелочка попросилась со двора в дом. Она пропела:

Пипикау, пипикау!
Возьмите меня в комнату!
Возьмите меня в комнату!
Я буду нестись! Я буду нестись!

Принесли ее мальчики в комнату, а сами ушли и закрыли дверь. И когда вся комната наполнилась рисом, Перепелочка позвала мальчиков. Увидели они, что комната полна рисом почти до самого потолка, и перенесли птичку в другую.

С тех пор мальчики ни в чем больше не нуждались. Все, что им нужно было, они выменивали на рис.

Прослышали в деревне, что у мальчиков-сирот очень много риса, больше, чем у самых богатых людей. Узнал эту новость и дядя мальчиков. Пришел он к ним и спросил:

— Правда ли, что у вас много риса?

— Правда, отец.— Они называли его отцом.— Ты можешь посмотреть в доме.

Вошел дядя в дом, и душу его охватила зависть при виде такого богатства. У мальчиков риса было больше, чем у него.

И он спросил их:

— Где вы взяли столько риса? Я ведь знаю, что вы не сажаете его в поле. Вы не украли его?

— Нет, нет,— ответили мальчики. И они рассказали дяде, как им посчастливилось встретить Перепелочку. Захотел дядя посмотреть на эту чудесную птичку. Мальчики ему сказали:

— Подожди немножко. Скоро комната наполнится рисом, и перепелочка запоеет — ты услышишь.

Дядя стал ждать. И правда, вскоре птичка запела:

Пипикау, пипикау!
Перенесите меня! Перенесите меня!
Здесь уже полно! Здесь уже полно!

Вынесли мальчики птичку из комнаты во двор, чтобы дядя посмотрел на нее. Удивился дядя, увидев Перепелочку. Неужели такая маленькая птичка может снести так много риса! И попросил он мальчиков:

— Дайте мне эту птичку на несколько дней!

— Ладно, отец,— ответили мальчики.— Только ты хорошенько ухаживай за ней!

— Не беспокойтесь! — сказал им дядя и унес Перепелочку к себе.

Дома он стал ждать, когда Перепелочка запоеет. И она запела:

Пипикау, пипикау!

Посадите меня в корзинку!

Посадите меня в корзинку!

Я буду нестись! Я буду нестись!

Быстро взял дядя корзинку, посадил в нее птичку и закрыл крышкой. Через несколько часов послышался голос:

Пипикау! Пипикау!

Дядя, который все время сидел во дворе, подбежал к корзинке, а Перепелочка в это время пропела:

Пипикау, пипикау!

Посмотрите на меня!

Посмотрите на меня!

Я уже снеслась! Я уже снеслась!

Торопливо открыл дядя крышку корзинки, думая, что корзинка уже полна риса. Но там была только рисовая шелуха, перемешанная с мякиной.

Досадно стало дяде, что Перепелочка его обманула. Ведь он уже забыл, что его племянники-сироты долгое время питались только рисовой шелухой и мякиной, потому что он о них совсем не заботился. Рассердился он и свернул птичке голову, а потом ошипал ее, сварил и съел.

Несколько дней мальчики ничего не знали о своей Перепелочке. Тогда пошли они к дяде спросить, что с их птичкой.

А дядя им сказал:

— Она совсем перестала нестись рисом и заполнила корзинку шелухой, поэтому я убил ее и съел. Уже несколько дней назад съел. Не думайте вы больше об этой обманщице.

Заплакали мальчики, жалко им стало свою Перепелочку, и спросили у дяди, куда он дел ее кости и перья.

Дядя ответил:

— Перья ее я сжег, а кости смешал с золой около моего очага.

Отыскиали мальчики кости Перепелочки, собрали их и унесли с собой, а потом с любовью похоронили в кустах позади своего дома.

Через три дня решили они взглянуть на эту могилку. И увидели, что из ямки, в которую они закопали кости Перепелочки, тянется вверх растение, и уже появились на нем маленькие листочки, острые, как ножи.

Еще через три дня снова пошли мальчики к могилке. Растение стало уже высокое, похожее на молодое деревцо, а ствол у него был твердый, как железо.

Прошло еще три дня, и деревцо покрылось широкими шелковистыми листьями. Обрадовались мальчики, сорвали несколько листочков и отнесли к себе домой.

Каждые три дня ходили мальчики смотреть на свое удивительное дерево. И вот однажды расцвела на нем роза с лепестками из настоящего золота. Постепенно распустилось много таких золотых роз. Мальчики собирали опадавшие с них лепестки и скоро сделались богачами. Появились у них разные дорогие вещи — медные, серебряные и золотые, бриллианты и другие драгоценности.

И разнеслась весть о богатых мальчиках так далеко, что слышал о них сам раджа. Никак не хотел он поверить, что у каких-то мальчиков — его подданных — больше богатства, чем у него самого. И решил раджа:

— Богатство это принадлежит не им, а моему царству-государству.

Приехал раджа посмотреть на чудесное золотое дерево и приказал своим солдатам срубить его и отвезти в свой сад. Но ствол у этого дерева был словно железный, поэтому только затупились у солдат топоры, а оно так и не поддавалось им.

Тогда сказал раджа мальчикам:

— Попробуйте вы срубить это дерево. Если оно послушается вас, значит в самом деле принадлежит только вам.

Взяли мальчики острые бамбуковые ножи и только дотронулись ими до ствола золотого дерева, как оно рухнуло.

Сказание
о мудром юноше,
или
Принц-Гародеи

1. О ЛЮБВИ

Дождь, хэй, Дождь, ты шумишь и шумишь,
Ты шепчешь о чем-то, по крышам стучишь,
Поешь и гудишь, как встревоженный лес.
Ты падаешь с радуги или с небес,
Где боги и нежные феи живут?
Какие же вести с тобой они шлют?

Дождь, хэй, Дождь, ты посланник богов,
И фей, и богинь — несравненных цветов
Небесного сада. Красив и цветист
Роскошный твой хвост, он блестящ и лучист

И яркими перьями пышно покрыт,
Как хвост райской птицы, сверкает, блестит.
Так спой же мне, Дождь, о загадках своих,
О тайнах небес и о тайнах земных!..

Откуда доносится эта песня?

Как нежно и красиво звучит ее мелодия, словно поет соловей!..

Медленно и плавно льются звуки песни. Они волнуют сердце, как песня матери, любовно убаюкивающей ребенка.

Откуда ветер приносит песню?

Но какой же это ветер! Это просто легкий, влажный зефир, который тянет с моря, тихо нашептывая, будто намекает, что ему известны все тайны и загадки вселенной. Он веет с востока.

Это он доносит сюда чудесный голос неведомой певички. И, заслушавшись им, как в приятной и сладкой дремоте, задумчиво раскачивая листвою, кивают своими могучими кронами кокосовые пальмы.

Слушайте эту песню, этот несравненно красивый голос!
Но кто же так прекрасно поет?

Широко-широко раскинулась по небу радуга, блестит и переливается всеми цветами. Недаром ее называют «царской пряжей». Нигде еще не видели глаза человека такого богатства красок!

Правда ли, что на радуге живут боги и ангелы?

Правда ли, что радуга — это рука Всевышнего, протянутая к земле?

А вот и девушка, которая пела песню. Как она очаровательна!

От нее невозможно отвести глаз. Как полная луна или восходящее солнце щедро озаряют все своим светом, так и эта девушка излучает сиянье своей красоты. От одного взгляда на нее радуется сердце, сладко кружится голова.

Девушка сидит на берегу озера, вода которого так прозрачна и спокойна, что кажется огромным зеркалом.

Но вот вдруг рядом с девушкой появилась еще одна, точно такая же, — это лицо красавицы отразилось в зеркальной глади озера. Да и не только лицо — вода отражает и синее небо, и сверкающую радугу, и деревья на берегу, и красивую узорную беседку — любимый уголок девушки-певуньи.

Но кто же она, эта девушка?

Это принцесса Норани. Славятся красота и доброе сердце принцессы в царстве богатого раджи Танак-ни-во-ендо, ее отца.

Велик и могуч, добродетелен и мудр раджа Танак-ни-во-ендо. Он владеет всеми землями страны Восходящего Солнца.

Кто не знает справедливости раджи Танак-ни-во-ендо? Кто не знает, как он умен, как он добр к своему народу?..

Тишина... Не слышен больше чудесный голос принцессы Норани, будто его поглотила радуга, на которую она так пристально смотрит. Чуть приоткрыт рот девушки, с восторженным удивлением любителю красота «царской пряжи». Душа ее полна дум и стремлений, которые еще выше и прекраснее, чем сама радуга.

— О аллах!.. — вздохнула Норани, и по ее розовым щекам, орошая белоснежную шею, покатились слезы.

Разве не сожмется от жалости сердце при виде горя принцессы?!

Поблекли от слез румяные девичьи щеки, покраснели глаза ее, украшенные тонкими черными бровями.

Кто обидел прекрасную Норани? Почему она так печальна?

— Клянусь аллахом,— скажет любой мужчина,— кто бы ни был обидчик этой девушки, пленившей мое сердце, я накажу его...

Невдалеке послышался треск сухих веток. Кто это приближается к девушке? Плачет принцесса Норани, тяжело вздымается и опускается ее грудь, и она то и дело смахивает с лица набегающие слезы. Ее длинные черные волосы мягкими волнами спадают на колени.

— Норани! — слышится нежный и взволнованный мужской голос. — Норани, сестра моя! Что ты здесь делаешь? Отец и мать ищут тебя! Мать послала меня за тобой. Иди же сюда!.. Почему ты не хочешь смотреть на меня? О-о, твои щеки влажны, у тебя красные глаза... Ты плакала, Норани? Скажи мне, что случилось?

Услышав ласковые слова брата, еще больше опечалилась Норани. Склонила она голову и, дрожа всем телом, разрыдалась.

— Скажи мне, Норани, кто обидел тебя? Я или мать? Или отец? Расскажи мне все, сестренка! Не надо плакать. Разве могу я быть спокойным, видя тебя в печали!

Но девушка не могла сдержать слезы.

— Ну, хорошо, поплачь! Поплачь, а я посижу здесь, рядом с тобой. Когда ты успокоишься, то расскажешь мне, что с тобой случилось.

Так успокаивал принц Герадус свою сестру Норани. Он шептал ей ласковые слова, целовал ее, вытирал ей слезы, и наконец исчезла печаль из сердца девушки, и она затихла, как, охлаждаясь, затихает в котле кипящая вода.

— О Герадус! — промолвила она наконец. — Ты уже знаешь?

— Что? — спросил юноша голосом, в котором чувствовалась необычайная нежность.

— Отец хочет выдать меня замуж за... — Не смогла Норани договорить до конца и опять заплакала, не выдержав боли, которая, будто острый нож, кольнула ее душу.

— За кого? — спросил Герадус, от возбуждения широко раскрыв глаза, — ему хотелось скорее узнать причину горя своей сестры.

— Ах, брат мой, я еще не видела его,— ответила Норани.— Это сын раджи Менан-Сендангана, что правит царством к югу от нас.

— Это он хочет жениться на тебе? — печально вздохнул Герадус, и лицо его стало мертвенно бледным.— Значит, скоро мы должны будем расстаться? О сестренка моя, Норани!..

Когда увидела Норани печальное лицо брата, от любви и жалости к нему забыла она о своем горе. И она стала утешать Герадуса:

— О брат мой Герадус, тебе первому открыла я сегодня эту важную тайну. Я знаю, ты не захочешь, чтобы мы так скоро расстались. Уже семь раз предлагали мне свои сердца сыновья раджей, что владеют землями вокруг нашего царства. Никогда я и словом не обмолвилась тебе об этом: боялась, что ты станешь грустить, думая о нашей разлуке. Ты всегда был так ласков со мной! Во время наших игр ты... Но что с тобой, Герадус, милый? Ты побледнел и поник... Дай я обниму тебя! Не бойся, я не выйду за этого принца Менан-Сендангана!.. Посмотри, радуга тускнеет, она уже почти исчезла, кончается дождь!..

Так нежно утешала Норани своего любимого брата.

— Да,— сказал Герадус, подняв голову и смотря в лицо Норани,— когда дождь перестает, радуга исчезает.

— Взгляни, как она похожа на хвост райской птицы!..

— Ах, сестренка,— задумчиво проговорил Герадус,— люди думают, что наша жизнь, жизнь детей раджи,— это только радость и веселье. А на самом деле она, как эта радуга: издали очень красива, а подойдешь полюбоваться на нее поближе — ее уже нет, она исчезла... Так же призрачно и наше счастье! Судьба детей раджи полна горя и печали. Ведь мы не можем жить так, как нам хочется.

— Нет,— покачала головой Норани.— Я всегда буду следовать только велениям своего сердца! Я никогда не сделаю того, чего оно не захочет!

— Напрасно ты так думаешь, сестренка! Ведь если ты не станешь женой сына раджи Менан-Сендангана, то между нашими царствами разразится война. Не забывай, что силен раджа Менан-Сенданган и неисчислимо его войско!

Услышав слова брата, вновь разрыдалась принцесса Норани.

— Лучше тебе знать правду, Норани, я не хочу скрывать ее от тебя. Жизни наши мы должны принести в жертву ради мира и спокойствия нашей родины, нашего народа. Тяжела судьба детей раджи! Не могут взять они себе в мужья или жены того, кто полюбит их сердцу! Радуга... Смотри, она уже исчезла! Так же и наши души, наши жизни...

— Я лучше убегу! — простонала Норани. — Я не вынесу таких мучений!..

— Убежишь? Куда? — спросил Герадус.

— Куда-нибудь, все равно! Бежим, Герадус!

— Куда бы мы ни скрылись, нас везде настигнет войско нашего отца... или раджи Менан-Сендангана!

— Как я ненавижу его! — сказала Норани, сжав свои маленькие кулачки, и глаза ее гневно сверкнули.

— Тебе уже шестнадцать лет, сестренка! — сказал Герадус. — Ты не сможешь больше откладывать своего замужества. Отец разгневается на тебя.

— А ты? Тебе уже двадцать один год!

— И я тоже должен буду жениться на...

Но он не закончил фразы, потому что задрожал весь от гнева и горя, подумав о своей несчастной судьбе.

— Не надо, брат... — быстро сказала Норани, желая подбодрить Герадуса. Она почувствовала, что и его гнетет какая-то тайная печаль.

Поглощенные своей невеселой беседой, Норани и Герадус не заметили, что кто-то приближается к ним.

Судя по походке, сразу можно было сказать, что это старик: он шел, опираясь на палку. Все ближе подходил он к детям раджи, и вот уже можно было разглядеть его лицо. Конечно же, это старик. Одежда на нем очень длинная, брови его нахмурены; кажется, будто он обдумывает какое-то очень важное дело. Левой рукой он поглаживает свою бороду.

— Кхе, кхе!.. — слышалось покашливание старика, но ни Герадус, ни Норани этого не слышали.

Тогда старик кашлянул еще раз, громче. Вздрогнули дети раджи и обернулись с испугом, но тут же, едва увидела Норани старика, быстро поднялась она ему навстречу и радостно воскликнула:

— О учитель!..

То же сделал и Герадус. Оба они очень любили своего старого учителя.

— Садитесь, дети мои! — сказал старик, ласково улыбаясь им. И они уселись втроем.

— Что делают здесь мои дети? О Норани... Что с тобой? Ты плачешь? Вы поссорились?

— Нет, учитель! — быстро ответила Норани.

— Если вы не поссорились, значит есть что-то другое, что волнует сердца моих детей, не так ли? Может быть, вы поделитесь со мной своим горем?

— Отец запретил мне говорить об этом, — тихо ответила Норани.

— Ну что ж! — произнес учитель. Видно было, что он немного огорчен недоверием Норани. — Что ж... Я думал, что смогу найти лекарство для моей дочки, если буду знать, отчего болит ее сердце! Но если это важная тайна... тогда не надо рассказывать. Разве могу я принуждать моих детей раскрывать мне свои тайны!..

Услышав эти слова, Норани даже покраснела от стыда. Кому же еще довериться, если не их доброму старому учителю! Разве может кто-нибудь лучше него утешить ее сердце? Разве не он самый мудрый из всех мудрецов? Разве не ему так доверяют ее отец и мать, не его так уважают все живущие во дворце раджи Танак-ни-во-ендо?..

И все-таки страшно было Норани нарушить запрет отца, и она, ища поддержки у брата, взглянула на Герадуса. Тот понял ее взгляд и ободряюще кивнул ей. Тогда Норани решилась и рассказала обо всем своему учителю.

— Раджа Менан-Сенданган? — спросил старик, выслушав Норани. — Хм, хм!.. Вот что, дети мои, успокойтесь! Неодолима сила справедливости и мудрости. И, начиная с этого дня, пусть справедливы будут обычаи раджей, пусть счастливы будут судьбы их детей и каждого человека на земле! Ни одна женитьба не должна свершиться под знаком насилия и принуждения. В любви сердце человека должно быть свободно. Только оно имеет право выбирать, кого ему любить, и просить благословения аллаха. И это право обязаны уважать все. Поклянемся же во всем и всегда следовать стремлениям и желаниям наших чистых, честных сердец! Союз двух людей не должен быть несчастным с самого начала. Насильственный брак, дети мои, толкает людей в пропасть горя и в огонь страданий. Видит аллах!..

Старик умел говорить красиво, и обычно слова плавно текли из его уст... Но на этот раз речь его была такой

гневной и быстрой, что он чуть не задохнулся. Потом старик вдруг стал чихать изо всей силы, и это было очень смешно. Герадус и Норани заботливо помогли старому учителю сесть на скамейку. Успокоившись, учитель стал смеяться над собой, потому что чихал он долго и очень громко. Вслед за ним рассмеялись и дети раджи, и печаль из их сердец исчезла.

— Ну вот вы и опять смеетесь! — сказал учитель детям раджи. — А о вашей печали я еще как следует подумаю. Забудьте ваши тревоги, все будет хорошо!

2. СЕРДЦЕ ПРИНУЖДАТЬ НЕЛЬЗЯ

Наступил новый день...

— Лури!.. Лури!.. Лури Пинкель!..

Это Норани зовет своего попугая. Попугай очень красив, весь покрыт разноцветными перышками. К тому же он умеет говорить: Норани научила его, когда он был еще маленьким. Норани очень любит его. Если ее сердце чем-нибудь опечалено, она ищет Лури, чтобы тот утешил ее.

Лури так хорошо понимает принцессу, что кажется, будто ум у него не птичий, а человеческий.

— Принцесса! Принцесса! Принцесса Норани! — откликается Лури таким же нежным и приятным голосом, как голос его госпожи. Ведь он искусно подражает любимым голосам.

— Лури! Лури! — шепчет Норани, поглаживая головку попугая. — Послушай мою новую песню. Я хочу, чтобы ты выучил ее.

Попугай затих и внимательно стал смотреть на принцессу своими черными глазками, словно хотел сказать, что он весь обратился в слух, что он как можно лучше выучит песенку, которую споет ему принцесса.

И Норани запела тихим и очень нежным голосом:

Свободно сердце выбирать,
Кого ему любить.
А если сердце принуждать,
То лучше и не жить.

Направил голубь свой полет
Через вершины гор.
А сердце о любви поет!..
Вступая с ветром в спор,

Стремится ввысь и ввысь! И вот
На радугу он сел,
И сразу пестрый хоровод
Им шумно завладел.

Вокруг — Мечты, Мечты, Мечты
Танцуют и поют!..
В саду Любви и Красоты,
В Раю мой голубь тут!

...Из клетки вырвавшись, взлетел
Он к звездам высоко.
И песню о Любви запел,
Что где-то далеко.

Ведь даже боги в небесах
Пьют всласть вино Любви.
Что ж говорить о голубях —
У них Любовь в крови!

Готов до неба долететь,
Коль там она живет.
Пусть труден путь — он будет петь!
Подругу он найдет!

Кончив петь, Норани ласково проговорила:
— Когда ты выучишь все это наизусть, я отпущу
тебя!

И она повторила свою песенку несколько раз, пока
Лури не смог пропеть ее без запинки с начала до конца.

— Прекрасно, Лури! — радостно сказала Норани. —
Чудесно! Я отпущу тебя, но ты обязательно спой эту
песню моему отцу.

Лури Пинкель закивал своей головкой, как бы го-
воря принцессе Норани, что охотно выполнит ее же-
лание.

В это время в зал вошел отец Норани, раджа Танак-
ни-во-ендо. Хотя годами раджа был уже стар, телом он
был еще крепок и силен. Седина лишь слегка тронула
его вьющиеся волосы и длинную бороду. Он шел, вели-
чественно ступая, словно полководец, только что выиг-
равший сражение.

— Отец мой! — ласково воскликнула Норани, в знак
приветствия почтительно сложив и вытянув вперед руки.

Обычно раджа был весел и разговорчив, но на этот раз не ответил дочери. Казалось, он был погружен в глубокое раздумье.

— Чем опечалено сердце моего отца? — спросила Норани, хотя знала, что не любит раджа, когда ему мешают думать. Но опять ничего не ответил раджа, ни одно слово не сорвалось с его сомкнутых уст. Повернулся он, чтобы уйти, но в этот момент вошла его супруга.

— Что случилось, господин мой? — спросила она, взглянув на его лицо.

Ни слова в ответ. Раджа молча, погруженный в свои думы, продолжал расхаживать по залу.

Принцесса Норани и ее мать удивленно переглянулись.

— Мать моя, — спросила Норани, когда раджа все так же молча удалился в свои покои, — ты уже видела сына раджи Мена-Сендангана?

— Самого раджу видела, а сына его еще нет, — ответила супруга раджи.

— Почему же он не хочет показаться мне на глаза?

— Норани! Такие вопросы задают только маленькие дети. Разве ты не знаешь обычаев раджей?

— О мать моя, но ведь такой обычай неразумен и несправедлив!

— Справедлив он или нет, никто не может его изменить.

— Почему моя мать так сурова со мной? — заплакала принцесса Норани — слишком мягким и чувствительным было ее доброе сердце.

— Норани, ты уже взрослая и должна все понимать. Сын раджи Мена-Сендангана — человек очень смелый и решительный, в руках его — большая сила. Горе нам, дитя мое, если мы не уступим его просьбе!

— О! — воскликнула принцесса, и ее прекрасное лицо вспыхнуло гневом. — Почему моя мать обращается со мной, как с вещью для продажи?!

В этот момент в зале вновь появился раджа Танакни-во-ендо.

— Что я слышал? — грозно спросил он свою супругу и, обращаясь к дочери, добавил: — Норани, с этого момента ты начнешь готовиться к свадьбе с принцем Мена-Сенданганом. Через неделю он будет здесь!

— О отец мой!..— снова заплакала принцесса Норани.

— Замолчи! — крикнул с гневом раджа Танак-ни-во-ендо.— Ты сделаешь все, что я тебе прикажу!

Этот разговор услышал принц Герадус. Войдя в зал, он спросил:

— Кто будет здесь через неделю, отец? Принц Мена-Сенданган?

— Молчать! — оборвал его раджа.

— Хорошо, отец. Но знай, что я буду все время на страже. Принцу Мена-Сендангану не удастся вступить в наш дворец, он не сделает здесь ни шагу! Клянусь аллахом,— обнажил он свой длинный кинжал,— что этим кинжалом я убью принца Мена-Сендангана, если он осмелится приблизиться к моей сестре!

— Герадус! — вскричал раджа Танак-ни-во-ендо.— Как смеешь ты противиться моему желанию! Сейчас я говорю с вами не только как ваш отец, но и как ваш раджа! Пойми это, Норани. А ты, Герадус, возьми свои слова обратно!

— Ни одного своего слова не возьму я обратно, отец! Как сын, я буду делать все, что ты скажешь. Но как подданный, как самый маленький твой слуга, я осмелюсь выступить против этого приказания, будь оно не только приказанием раджи Танак-ни-во-ендо, но даже раджи земли и неба, раджи всей вселенной! Ради нашей чести, ради справедливости я готов пожертвовать своей жизнью! Знаменито и прославлено людьми царство Танак-ни-во-ендо. Почему же раджа его хочет принести своих любимых детей в жертву прихоти человека, даже недостойного уважения? Этот принц Мена-Сенданган известен только тем, что сделал несчастными уже многих женщин. Повсюду проклинают его ненавистное имя!

— Замолчи, Герадус!

— Не унижительно ли для нас, отец, показать всем, что мы боимся этого раджу южных земель? Я, твой верный слуга, охотно возглавлю войско, чтобы сразиться с раджой Мена-Сенданганом, если он вздумает воевать с нами!

— Довольно, Герадус, замолчи! — гневно приказал раджа Танак-ни-во-ендо.— Я понял, чего ты хочешь!..

— Нет еще! Сейчас я говорю с тобой как принц. Почему же ты не удовлетворишь эту маленькую просьбу

принца? Разве я хочу плохого? Почему этого проклятого сына раджи Мена-Сендангана ты так стремишься сделать своим зятем?

— Никогда еще я не слышал, чтобы у раджи были столь невежественные дети, как ты, Герадус! Разве ты не знаешь наших обычаев? Как смеешь ты не подчиняться своим родителям! Этому научил тебя твой учитель?

— Отец!..

— Молчи! Не желаю больше слышать ни одного твоего слова!

— Отец!..

— Ты не хочешь замолчать? Хорошо!.. Эй, стража! — вскричал раджа Танак-ни-во-ендо.

Тотчас же вбежали в зал семь стражников, а во главе их — самый храбрый и лучший из всех военачальников раджи Танак-ни-во-ендо.

— Взять! Схватить его! — приказал раджа, указывая на принца Герадуса.

— Остановись! — крикнул Герадус военачальнику. — Остановись! Ты забыл, кому подчинен? Ты должен повиноваться моим приказам!

Тот в замешательстве остановился и растерянно взглянул на раджу Танак-ни-во-ендо. Раджа понял его взгляд.

— Принц Герадус, я лишаю тебя звания Первого военачальника! — сказал раджа и обратился к страже: — Теперь, хэй, стража, схватить этого мятежного раба!

— Взять его! — крикнул военачальник, и стражники двинулись на Герадуса.

— А-ай! — вскрикнула принцесса Норани. — Не трогайте моего брата! Отпустите Герадуса!..

— Берегитесь! — яростно крикнул принц и, отпрыгнув назад, стал отбиваться от наседавших на него стражников. Как искусно он дрался! Как ловко лавировал между стражниками, нанося им один за другим тяжелые удары своими кулаками. И не прошло много времени, как все стражники вместе с их начальником лежали распростертыми на полу.

— Вот теперь мы хорошо узнали друг друга! — насмешливо смотря на них, сказал Герадус. — Хотите драться еще?

— Нет, нет, довольно, хватит! — вскричала Норани

и, подойдя к брату, крепко поцеловала его. А супруга раджи тревожно взглянула на мужа.

В зале воцарилась тишина. Ожидая, что скажет раджа, все молчали, будто у них были зашиты рты.

Тишину нарушили чьи-то медленные, шаркающие шаги, и вскоре показалась согбенная фигура старика, который шел, покашливая, по дворцовому саду к приемному залу раджи Танак-ни-во-ендо.

В это время Лури Пинкель вдруг запел своим нежным голосом:

Свободно сердце выбирать,
Кого ему любить.
А если сердце принуждать,
То лучше и не жить!..

Вздрогнул раджа Танак-ни-во-ендо.

Изумленно взглянула на попугая супруга раджи.

Стало светлее на душе у принца Герадуса.

А принцесса Норани, услышав эту чудесную песню, улыбнулась.

Снова послышалось покашливание старика, однако он был еще в саду.

И снова запел Лури:

Свободно сердце выбирать...

— Правильно, правильно, Лури! — сказал принц Герадус.

— Прекрасно! — воскликнула принцесса Норани.

В это время появился в зале старик. Войдя, он с почтением поклонился семье раджи Танак-ни-во-ендо.

Как только увидела его супруга раджи, воскликнула она с радостью:

— О учитель! Садитесь, учитель!

— Прошу! — сказал раджа.

Обрадовались приходу старика и дети раджи.

— Чего желает учитель? — спросил, усаживаясь на свой трон, раджа Танак-ни-во-ендо.

— Слова слуги твоего — для раджи и семьи его, но не для других людей, — ответил старик.

— Хорошо! Военачальник, стража, покиньте нас! — приказал раджа.

Стражники вышли, еще дрожа от страха перед мо-

гучей силой принца Герадуса и удивляясь его искусству сражаться.

— Все, что твой слуга знает, и все, что думает,— почтительно начал старик,— он должен сообщать радже, который до сих пор всегда верил словам учителя своих детей, своего министра и советника...

Учитель на мгновение задумался и замолчал.

— Продолжай! — нетерпеливо сказал раджа.

— Уже десятки лет,— снова заговорил учитель,— во всем мире славится это царство величием, добротой, умом и справедливостью своего раджи. Свято почитают раджу и повинуются ему все соседние владыки. Славятся также и ум, способности и мудрость детей раджи. Но красота их может ввергнуть это царство в пучину несчастий! И причиной тому будет принцесса Норани. Не раз из-за принцессы может вспыхнуть война. Взять ее в жены захочет один принц, а полюбит другой, и так будет все время... Сколько искушений и мучительных страданий ожидают принцессу! Слишком щедро наделена она красотой.

Услышав эти слова, содрогнулась мать Норани, тревожно и горестно забилося ее сердце.

Раджа Танак-ни-во-ендо стал бледным, как цветок камфоры. Его потрясли слова учителя — ведь он чувствовал, что все это — правда.

«Что же делать?» — подумал он.

— Выдать Норани за принца Менан-Сендангана? — как бы угадав его мысли, продолжал старик.— Но ее руки будет настойчиво добиваться и другой принц. Тогда разразится ужасная война. Если мой господин не уступит желанию сына раджи Менан-Сендангана, царство его подвергнется нападению войск этого раджи, потому что принц Менан-Сенданган безумно хочет жениться на принцессе Норани.

Выслушав это, раджа произнес:

— Довольно, я уже понял, чего хочет учитель. Но я желаю задать ему один вопрос. Что заставило учителя прийти сюда, в этот зал? Я ведь еще не призвал его для совета. Почему он появился здесь так неожиданно, словно хотел застать нас врасплох и выведать какую-то тайну?

Раджа так сурово говорил с учителем совсем не потому, что гневался на него. Нет, причиной его гнева были Герадус и Норани. А может быть, в его сердце за-

кралось подозрение, что учитель проведал тайну принцессы.

— Слуга твой,— ответил ему старик,— пришел сюда не как учитель твоих детей, а как твой министр, звездочет и доверенный советник, который несет тяжкую обязанность — неослабно и зорко следить за всеми делами твоего царства и сейчас, и в будущем. Прости же своего слугу за то, что он пришел не вовремя. Но разве не обязанность его поспешить к своему господину, если узнает он об опасности, грозящей жизни и спокойствию царства?

Старик замолк. И ответил ему раджа:

— Спасибо тебе, мой верный советник, министр и звездочет! Завтра мы обсудим это дело вместе с остальными министрами.

После этого учитель ушел.

А в сердце принцессы Норани зародилась надежда, что, может быть, благодаря мудрости своего учителя она избежит нависшей над ней опасности.

3. ОНИ ХОТЯТ НАРУШИТЬ ОБЫЧАЙ РАДЖЕИ

Дождь, хэй, Дождь, ты шумишь и шумишь,
Ты шепчешь о чем-то, по крышам стучишь,
Поешь и гудишь, как встревоженный лес.
Ты падаешь с радуги или с небес?..

Тихо и печально поет принцесса Норани: тоска и грусть давят ей на сердце. Она сидит у высокого решетчатого окна, горестно подперев голову правой рукой; левой рукой вытирает слезы, которые медленно скатываются по ее щекам.

Закрытое облаками солнце уже клонится к западу. Капли моросящего дождя стучат по крыше и, стекая по ней, падают на землю. Шум дождя так же печален, как голос принцессы Норани, а капли его — как ее слезы...

Дождь усиливается.

Радуга, что рдела, как знамя, на западном склоне неба, все больше закрывается плотной пеленой дождя, становится все тоньше и бледнее. Сгущаются и чернеют тучи... И вот раздаются оглушительные раскаты грома. Гроза!..

От неожиданности принцесса Норани испуганно

вскрикнула, но голос ее потонул в шуме проливного дождя. Потемневший воздух сотрясаясь от раскатов грозы.

Норани хотела выбежать из комнаты, но не тут-то было: дверь была заперта снаружи. Как голубь в клетке!.. Раджа запретил принцессе выходить из ее комнаты до тех пор, пока не начнется празднование ее свадьбы с принцем Менан-Сенданганом.

Еще три дня...

Принцесса Норани вздохнула в отчаянии.

«Лучше я умру, чем стану его женой!» — решила она.

Совет раджи...

— ...Взгляни на небо и на блеск молнии, о господин мой, повелитель мира! Разве не подтверждает все это слова твоего слуги? Если господин мой не прислушается к моим советам, погибнет наше царство! Молния, которую мы только что видели, предвещает мир, счастье и красоту. Но красота обычно вызывает зависть, обратная сторона всякого счастья — несчастье. И человек всегда должен быть готов к этому. Мудрые люди говорят: готовь зонтик перед дождем! Вы видите, молния пронзает облака, сотрясается от грома земля, гроза приводит в ужас все живые существа! Так же ужасна черная сила, которая притаилась сейчас, как тигр перед прыжком, стремясь нарушить наше благополучие. Принцесса Норани — вот кто источник нашего счастья. Но она же и источник всех наших бедствий и несчастий. Красота ее явится причиной жестокости многих принцев, которые пожелают жениться на ней. Таково мнение твоего слуги, господин мой, и ты сам убедишься в этом!..

Все, кто присутствовал на Совете раджи, были восхищены красноречием старого учителя. И каждый был согласен с тем, что тот сказал. Раджа смотрел на учителя безмолвно... Дождь постепенно стих. В зале воцарилась тишина...

И в этот момент вдруг послышался голос Лури:

Свободно сердце выбирать,
Кого ему любить.
А если сердце принуждать.
То лучше и не жить!..

Обернулся раджа Танак-ни-во-ендо на голос попугая и выслушал песню до конца.

А когда Лури умолк, вздохнул глубоко раджа, и глаза его покрылись тенью скорби и печали. Песня эта потрясла его до глубины души, и понял он смысл ее, понял, как несправедливо поступил со своей дочерью. Раджа незаметно смахнул с глаз непрошенные слезы и, словно очнувшись от дурного сна, громко спросил:

— Хэй, мои министры и советники, хэй, учитель Рае-Римае, каков же ваш совет?

Тихо-тихо стало в зале: учитель Рае-Римае, задумавшись, опустил голову; неподвижно, как статуи, застыли военачальники и министры. Молчали все, молчал и учитель.

И охватило душу раджи Танак-ни-во-ендо отчаяние. Тяжело вздохнул он и спросил:

— Учитель Рае-Римае, что говорят тебе звезды? Сумеем ли мы отразить нависшую над нами опасность?

— Э-э... хм, хм! — произнес старик, потом медленно поднялся и сказал:— Прости, господин мой! Слуга твой просит, чтобы пришли на наш совет принцесса Норани и принц Герадус. Как ни велика мудрость мудрых, они тоже могут ошибаться! Прошу я, чтобы выслушали мы здесь принца и принцессу, а также госпожу нашу!

— Хорошо! — сказал раджа Танак-ни-во-ендо и приказал позвать супругу свою, Герадусу и Норани.

И вот предстали они перед Советом раджи.

— Что скажешь ты, Герадус? — спросил раджа. Но едва успел он вымолвить это, как Лури Пинкель, слетев со своей жердочки, уселся на руке принцессы Норани и запел:

...Направил голубь свой полет

Через вершины гор.

А сердце о Любви поет!..

Вступая с ветром в спор,

Стремится ввысь и ввысь! И вот

На радугу он сел...

Снова все изумились, услышав песню попугая. А принцесса Норани любовно и ласково погладила Лури.

Посмотрел раджа на свою дочь, и во взгляде его было столько жалости и нежности! В эту минуту подумал он о

несчастной судьбе своей дочери. «Как я люблю тебя, Норани!» — прошептало его сердце.

Непорочная красота и целомудренная скромность принцессы вызвали неподдельное восхищение всех, кто был в этом зале, привлекли их сердца

— Пой дальше, Лури! — шепнула Норани.

Из клетки вырвавшись, взлетел
Он к звездам высоко.
И песню о Любви запел,
Что где-то далеко.

Готов до неба долететь,
Коль там она живет!
Пусть труден путь — он будет петь,
Подругу он найдет!

Пораженные министры и военачальники, раскрыв от удивления рты, вытягивали шеи, чтобы разглядеть как следует, кто же это так чудесно поет — птица или человек...

— Отец! — промолвил принц Герадус. — Все, что хотел сказать твой слуга, уже пропел Лури Пинкель! И высокочтимый Совет, конечно, понял мое желание. Выпусти детей своих из золотой клетки! Освободи их от обычаев раджей!

— Довольно! — прервал его раджа. — Я понял тебя. Что скажешь ты, Норани?

— То же, что сказал мой любимый брат Герадус! И еще...

— Хватит!.. Вы должны говорить здесь не как мои дети, а как мои подданные. Я — ваш раджа, и на этом Совете обсуждаются не наши семейные дела, а дела всего царства! Вы поняли меня?

— Да благословит аллах нашего господина! — сказали одновременно принцесса Норани и принц Герадус, почти-тельно склонив головы.

— Учитель Рае-Римае! — мягко произнес раджа Тана-к-ни-во-ендо. — Что скажешь ты еще?

— Я не могу не согласиться со словами принца и принцессы, господин мой! — ответил старик. — Это самый лучший путь к тому, чтобы избежать угрозы войны.

— О мой отец!.. — заплакала принцесса Норани, забыв от горя, где она находится и что сказал ей раджа. — Раз-

реши мне уехать отсюда! Я так хочу посмотреть все, чем богат и красив мир!..

На самом же деле она хотела избавиться от ненавистного ей принца Мена-Сендангана.

Разгневался раджа Танак-ни-во-ендо и повелел:

— Покиньте нас, хэй, Норани и Герадус!

— Что скажет мой Первый министр? — спросил еще раз раджа у учителя Рае-Римае, когда принц и принцесса удалились.

— Быть наготове! — ответил тот.

Все остальные министры встретили эти слова с одобрением.

— А ты, Второй военачальник?

— Воевать, воевать, мой господин! Храброе и отважное войско раджи Танак-ни-во-ендо, раджи страны Восходящего Солнца, бесстрашно ринется в бой с врагами и завоюет себе славу!

Все военачальники вскочили со своих мест и обнажили мечи, желая подтвердить, что они охотно и смело пойдут воевать.

— Успокойтесь! — провозгласил раджа.

Учитель Рае-Римае предостерегающе поднял руку, как бы упрекая военачальников за то, что они жаждут войны.

— Прости, господин мой! — воскликнул он, когда все успокоились. — Но ведь цель нашего Совета — найти путь, как избежать войны! Почему же господа военачальники так стремятся броситься в атаку? Не разумнее ли просто быть готовыми к защите? Хэй, господа военачальники! Всем известна ваша храбрость и преданность своей родине, ваша готовность достойно защищать ее мир и спокойствие, но вложите ваши мечи в ножны!

— Мудры слова учителя Рае-Римае, — сказал раджа Танак-ни-во-ендо. — Теперь идите, дети мои, и будьте внимательны, чтобы мы смогли избежать угрожающей нам опасности!

— Да благословит аллах нашего господина! — ответили военачальники и покинули дворец, недовольные тем, что не исполнилось их желание воевать.

— Спасибо и вам, министры мои и советники! Идите!

— Да благословит аллах нашего господина!

Остались в зале раджа, супруга его и Рае-Римае.

Глубоко задумался о чем-то старый учитель. Раджа сидел молча, опершись подбородком на правую руку, в которой держал он свой тяжелый золоченый скипетр из слоновой кости. Печалью и скорбью веяло от его согбенной фигуры.

Супруга раджи хотела что-то ему сказать, но словно сжалось у нее горло, и она не промолвила ни слова.

Горестной представлялась радже и его супруге судьба принцессы Норани. Не знали они, что и думать о странном желании их дочери покинуть свою страну, чтобы посмотреть на мир.

И закралось в сердце раджи Танак-ни-во-ендо страшное подозрение.

Почему перестали Герадус и Норани повиноваться ему? Как могли осмелиться они выступить против обычаев раджей?

Наверное, думал он, все это — плоды воспитания Рае-Римае. Учитель хочет погубить его детей, погубить его самого, раджу Танак-ни-во-ендо!

Зачем? О, у него черная, подлая цель! Он мечтает сесть на этот трон, захватить этот дворец, завладеть этим царством! Он не брезгует ничем, он призвал на помощь черную магию, все свои знания и способности, чтобы добиться отвратительной цели — уничтожить всю семью раджи Танак-ни-во-ендо!..

4. ЧАРОДЕИ

Семь раз семь — полная луна.

Семь раз семь — забудешь навсегда!

Семь раз семь — уже разлучены!

Тогда и теперь, теперь и тогда!

Невнятно бормоча, учитель Рае-Римае мрачным голосом семь раз повторил эти магические слова. Он был похож на злого духа: руки его простерлись над чашей, в которой курился фимиами; дымок кольцами вился в воздухе. Длинные и широкие рукава халата Рае-Римае походили на огромные крылья, и казалось, будто искусный чародей хочет улететь куда-то вслед за поднимающимся дымком.

Но вот учитель достал из кармана пять маленьких деревянных фигурок.

Одну из них он поставил на самый дальний от себя угол стола, две другие — рядышком, поближе, и оставшиеся две — около себя.

— Хэй, самая дальняя фигурка! — прошептал он.— Двигайся!

И фигурка зашевелилась.

— А теперь двигайтесь все, чтобы я знал, что вы входите в души!

Ожили все фигурки. Чародей сел, скрестив ноги, надел на голову согнутый пальмовый лист и взял маленькую палочку.

Потом он тихо запел, сопровождая пение ударами палочки о пол.

Закончив петь, учитель Рае-Римае протянул руки к курильнице и подбросил в огонь фимиама. Курильница задымилась, точно раздуваемая огненным духом. Клубы дыма заматались во все стороны, словно плотные облака, разгоняемые ветром.

— Теперь я вымою руки! — прошептал учитель и стал медленно потирать рука об руку, как будто он мыл их водой.

Потом он взял одну за другой все фигурки, повертел каждую из них в дыму фимиама, погладил и поставил на прежние места, а сам, подняв свою палочку, как бы вызывая кого-то на бой, обратился к самой отдаленной фигурке:

— Принц Менан-Сенданган...

Семь раз семь — полная луна.

Семь раз семь — забудешь навсегда!

Семь раз семь — уже разлучены!

Тогда и теперь, теперь и тогда!

Фигурка зашевелилась, потом потянулась, точно человек, встающий ото сна, и вдруг заходила взад-вперед, мотая головой, как ходят пьяные.

— Танцуй! — приказал ей чародей.

Фигурка начала танцевать, а он снова запел, ударяя палочкой по полу в такт пению.

— А сейчас, — промолвил Рае-Римае, — танцуйте все! Раз, два, три!

И фигурки вдруг зашумели, захлопали в ладоши, засмеялись и стали танцевать. Комната чародея наполнилась неразборчивым гулом голосов. Но никто, кроме старика, не смог бы услышать их. Такова сила магии: лишь тот, кто вдыхает запах волшебного фимиама, может видеть эти танцующие фигурки и слышать их голоса.

Чего же хочет чародей?

Вот он достал красный платок и подержал его над курильницей, пока тот не пропитался волшебными парами фимиама, которые кружились в воздухе, извивались, ползли, как змеи, быстро устремлялись вверх, потом вниз, блуждали во всех направлениях, как птица, сбившаяся со своего пути.

Очень искусен и мудр учитель Рае-Римае. Не долго живет он в царстве раджи Тана-ни-во-ендо, но все, кто видел его, поражаются его знаниям, удивляются его учести и уму.

Никто не знает, откуда он родом.

Не знал этого и сам раджа Тана-ни-во-ендо. Но очень скоро он стал доверять учителю Рае-Римае и во всем следовать его советам.

И с тех пор как Рае-Римае стал Первым министром и советником раджи, увеличилось богатство и слава царства Тана-ни-во-ендо. В нем стали процветать науки, прославлялись Добро, Сила и Красота...

Рае-Римае поднялся, взял свои фигурки, завернул их в красный платок и положил в карман.

Тук-тук-тук! — постучал кто-то в дверь.

Чародей чуть вздрогнул, взглянул на дверь и вдруг... исчез.

В дверь продолжали стучать... Затем она открылась.

В комнату медленно вошла женщина. Лицо ее было закрыто чадрой. Платье на ней было грязное и рваное, как на нищей. Сгорбленная фигура и расслабленная, шаркающая походка делали ее похожей на старуху. Время от времени она надсадно кашляла.

Вдохнув запах фимиама, женщина закашлялась еще сильнее.

Через открытое окно в комнату ворвался ветер. Женщина быстро захлопнула дверь и закрыла окно. И тут же снова закашлялась.

Внезапно в комнате появился старик.

— Не бойся! — ласково сказал он вошедшей женщине. — Чего ты хочешь, мое дитя, и почему пришла сюда одна?

— О!.. — тяжело вздохнула женщина. — Еще один день... Завтра... он будет здесь!..

— Успокойся, дитя мое, не надо печалиться, — сказал старик. — Все будет хорошо. Спокойно жди завтрашнего

дня!.. Горюет сердце? Не верит оно в магическую силу своего учителя? Раджа богов сильнее, чем люди. Он правит всей вселенной. И если мое дитя верит в него, пусть оно забудет свое горе. О, как ты похудела за эти шесть дней!.. Ты так сильно кашляешь! Что случилось?..

— Страдания и скорбь господствуют в этом мире! О! — громко зарыдала женщина, сокрушаясь о своей несчастной судьбе.

Тук-тук-тук! — опять послышался стук в дверь.

— Дитя мое, ты должна пока уйти отсюда! — зашептал ей старик. — Иди в другую комнату... Или нет, подожди... Пойди сюда, встань в этот угол, только не двигайся; вдохни фимиам и... Ну вот, тебя уже не видно... Очень хорошо... Исчезла!..

Тук-тук-тук!

— Войдите! — крикнул старик.

— Мир и счастье, учитель Рае-Римае, — входя, приветствовал старика военачальник — это он стучал в дверь.

— Мир и счастье! — ответил учитель. — Чего хочет господин? Почему он так спешил сюда, что едва переводит дыхание? Входи же, садись!

— Нет времени, учитель. Принц Герадус приказал мне идти сюда, чтобы сообщить о прибытии принца Менан-Сендангана.

— Я знаю. Завтра он будет здесь.

— Со своим войском, учитель!

— Да.

— Должны мы... подготовиться? — спросил военачальник.

— Не нужно, — ответил учитель Рае-Римае.

— А принцесса Норани?

— Я беру ее под свою защиту. Так же, как и все царство Танак-ни-во-ендо, — твердо и решительно сказал учитель.

Военачальник, поклонившись старику, ушел.

— Ты слышала наш разговор? — спросил Рае-Римае «исчезнувшую» женщину.

— Да! — ответила принцесса Норани, ибо это была она. Действительно, в старом платье, с закрытым чадрой лицом, принцесса была неузнаваемой. Она очень похудела, но все равно оставалась красивой, а ее чуть ввалившиеся от слез и бессонницы глаза по-прежнему излучали сияние.

— О отец, значит, этот принц...

— Хэй, дитя мое! — сказал учитель Рае-Римае. — Тому, кто не верит в мою магическую силу, я не смогу помочь. Не надо так убиваться, дочь моя, от слез может поблекнуть твоя красота...

Вдруг опять раздался стук в дверь. Принцесса Норани быстро спряталась, а учитель Рае-Римае исчез.

Медленно-медленно растворилась дверь, и в комнату вошел человек.

— Пусто! — удивленно произнес он. — Но я только что слышал здесь голоса.

— С какой целью сын мой пришел сюда? — слышался позади него голос учителя Рае-Римае.

Принц Герадус вздрогнул от неожиданности и обернулся.

— Учитель!.. Э-э... Только что я слышал... Где же?..

— Здесь! — ответил старик и, засмеявшись, спросил: — Почему сын мой так испугался?

— Я ищу Норани, ее нет во дворце! Сын раджи Менан-Сендангана завтра утром прибывает в наше царство! Я хочу увезти свою сестру куда-нибудь далеко отсюда, чтобы спасти ее от этого чудовища. Учитель, помогите! Все царство Танак-ни-во-ендо будет уничтожено, и первой жертвой станет принцесса Норани. Если я ее найду, мы сейчас же убежим. Потому что, когда сын раджи Менан-Сендангана вступит на эту землю, настанет наш смертный час.

— Спокойно, спокойно, Герадус, сын мой! — медленно промолвил учитель Рае-Римае.

И в тот же момент появилась принцесса Норани. Принц Герадус вздрогнул, не сразу узнав ее. Но как только принцесса приподняла чадру, он быстро подошел к ней и, с нежностью и любовью взяв ее за руки, сказал:

— О сестренка! Идем же быстрее, идем!..

Принцесса Норани взглянула на учителя Рае-Римае, словно желая спросить его, как ей поступить.

Понял старый учитель ее взгляд, улыбнулся и сказал:

— О дочь моя, у тебя такой вид, будто уже завладели тобою дух испуга и дьявол трусости. Куда же хотите вы бежать, дети мои? Вы — как две капельки воды в огромном и бурном море жизни! Кто защитит моих детей от опасностей и смерти, если она захочет поглотить ваши души? Я охотно дал бы вам совет и помог бы во всем, но вы очень мало доверяете мне. Что ж, если вы все-таки не

хотите слушать советов вашего учителя, отправляйтесь в путь!..

Стыдно стало детям раджи, и они виновато потупили взгляды перед своим учителем.

5. КАК ПРИНЦ МЕНАН-СЕНДАНГАН БЫЛ С ПОЗОРОМ ИЗГНАН РАДЖОЙ НЕБЕС

— Мир и счастье, принц Менан-Сенданган!

— Кто ты? — грубо спросил принц.

— Куда ты собираешься идти? — не обращая внимания на грубость принца, спросил человек, который только что приветствовал его.

— Хэй, кто ты такой, что осмелился войти ко мне? — гневно закричал сын раджи Менан-Сендангана.

— Человек, который хочет дать тебе совет. Ты собрался идти воевать?

— Убирайся отсюда! — сказал принц, и голос его задрожал от ярости. — Я не желаю слушать твоих советов, хэй, негодяй и неуч! Сейчас же убирайся, иначе я...

— Спокойней, спокойней, хэй, надменный и глупый принц, осторожнее выбирай слова!

— Что?! — разъяренно крикнул принц Менан-Сенданган и быстрым взмахом руки обнажил свой меч...

И вдруг этот неизвестный принцу человек стал расти на его глазах; старая, истрепанная одежда незнакомца превратилась в золотую, его глаза засверкали огнем, а огромные руки протянулись к шее принца... Страшен был его вид!

— Хэй, проклятый и подлый принц, не очень-то хвастайся передо мной! Я могу сделать с тобой все, что захочу!.. Небо и земля, огонь и вода подчиняются моей власти и моим желаниям. А ты, жалкое существо, ты даже недостойн того, чтобы на тебя смотрели глаза человека! Хэй, принц, преступный во всех своих делах, нарушающий все законы людей и богов, как смеешь ты бросать мне в лицо грязные и дерзкие слова?! Как добыл ты себе богатство? Каким путем увеличил ты свое царство? Уничтожая всех и разрушая все! Пар моего дыхания может превратиться в тучи, из которых хлынет такой дождь, который затопит все царство Менан-Сендангана. Огненные лучи моих глаз могут превратить тебя в пепел. Одного моего слова достаточно, чтобы собрать миллионы небес-

ных воинов, всех джинов, завоевать и уничтожить все, что тебе принадлежит! Куда же ты собрался идти? Сейчас ты в моих руках, злосчастное существо!..

Всем телом, словно в лихорадке, затрясся принц Менан-Сенданган, кровь застыла у него в жилах, а лицо так побледнело, словно не осталось в нем ни одной кровинки. Волосы на голове принца встали дыбом, и вся его важность исчезла от страха перед этим свирепым духом.

— А теперь мы должны познакомиться как следует, — сказал дух. — Ты должен знать, кого ты оскорбил!

Еще больше испугался принц Менан-Сенданган, потому что вместо одного духа он вдруг увидел слева, справа, впереди и сзади себя миллионы точно таких же духов.

— Я раджа в царстве богов — в царстве всех храбрых воинов. Теперь, хэй, подлое существо, ты узнал силу небес — моего царства!

— Тысяча извинений! Прости меня! — вскричал принц Менан-Сенданган. — Если я в чем-нибудь виноват, то...

— Ты опять смеешь лгать мне? Разве ты не знаешь, что делаешь и чего хочешь? Разве ты не знаешь, что сейчас пытаешься обмануть меня? Так лучше я задушу тебя, чтобы...

— Прости, прости меня, раджа небес, прости! — кричал трусливый принц.

— Сначала покаянись, что...

— Хорошо, хорошо... Все, что скажет раджа небес, слуга твой сделает, все, что он прикажет — исполнит!..

— Хорошо! Тогда ты должен сказать мне, куда ты собрался.

— Предложить свою руку и сердце принцессе Норани!

— Зачем же ты берешь с собой такое большое войско? Ты хочешь воевать?

— Нет!

— Ложь!.. Разве нужно снаряжать войско, чтобы предложить руку принцессе Норани? Неужели не достаточно взять с собой несколько министров?

— Слуга твой хотел показать принцессе Норани величие и силу царства Менан-Сендангана, чтобы она... с охотой...

— Лжешь!.. Хэй, животное хуже червяка, сейчас кончится мое терпение, если ты...

— Прости, прости, господин мой, повелитель мира, раджа небес, слуга твой хотел...

— Перестань извиваться, говори прямо и ясно!.. Ага, боишься? Стыдно?.. Я — слышишь ты, злобный, подлый и отвратительный принц — я знаю все твои помыслы! Я знаю, как шевелится каждый волосок на твоей голове! Я знаю, как течет каждая капля твоей крови! Сейчас я заставляю тебя сказать мне все до конца! Ты видишь этот длинный меч? Ты видишь этот острый кинжал? Ты видишь лук со стрелами, висящий у меня на плече?

Принц Менан-Сенданган обезумел от страха и наконец сознался, что хотел напасть на царство Танак-ни-воэндо и насильно увезти с собой принцессу Норани.

И он был изгнан раджой небес и вернулся в царство Менан-Сендангана вместе со своим войском.

6. СОВЕТ УЧИТЕЛЯ РАЕ-РИМАЕ

Рассвет, хэй, Рассвет, ты небом рожден,
Ты послан на землю богами...
И вот уже мир озарен, освещен,
Обласкан твоими лучами!

Красив ты, Рассвет, ты, как жемчуг, блестяшь,
Лучи твои весело скачут.
Ведь ты еще маленький, добрый глупыш...
Ты видишь — глаза мои плачут?

Наверное, это от счастья, Рассвет,
А может быть, и от горя...
Я шлю тебе песню — мой грустный привет.
Часами сижу я у моря,

Слагаю стихи. О тебе. О себе.
Открой мне, что будет со мною?
Скажи, не таясь, о моей судьбе,
И я свою тайну открою.

Какую же весть мне Рассвет принесет?..
А я б — за моря улетела!
Да, море!.. Оно меня властно зовет,
Влечет мою душу и тело!..

Труба, возвещающая рассвет, давно уже отзвучала под окнами покоев принцессы Норани.

Время от времени слышатся пение петухов, щебетанье птиц.

Небо на западе еще покрыто облаками, но на востоке воздух все более светлеет. Лучи восходящего солнца разгоняют нависший над землей туман, тысячами стрел они сбивают с деревьев сонных духов. Пронизанные этими лучами, словно окаймленные золотом и бриллиантами, блестят слоистые облака, как ковер раджи богов, усыпанный перламутром и драгоценными камнями.

Все ярче сияет рассвет, все ослепительнее его краски. Роса на цветах сверкает, как отшлифованный алмаз, отражая миллионы лучей, которые словно из рога изобилия щедро расточает рассвет.

Под лучами солнца все вокруг кажется радостным и сияющим, веселее становится на сердце.

Залитые солнечным светом дома, разбросанные далеко-далеко на отлогом взморье, кажутся слитками золота, а прибрежные волны сверкают, точно серебряный пояс, разделяющий сушу и море.

Волны!.. Они весело и шумно гонятся друг за другом, играют с лучами солнца. Море блестит!.. Глаз не оторвешь от этой красоты!

И вот уже сияют небеса, заливая ослепительным светом все вокруг.

В этот чудесный утренний час, словно благословляя очарование расцветающего дня, вдруг послышался откуда-то издалика нежный и чистый голос поющей девушки! Она сама слагает стихи, сама сочиняет мелодию, и в мелодии этой ясно слышатся то звуки веселого танца, то любовное воркованье двух голубков, то нежный разговор юноши и девушки...

Но вот наступает тишина!

Гордо возвышается перед принцессой Норани царская пальма. Ветер, дующий к морю, раскачивает стройный ствол пальмы, и листья ее колышутся, как руки человека, который словно зовет кого-то насладиться красотой моря.

Принцесса Норани сидит на морском берегу, погруженная в свои невеселые думы. Неотступно преследуют ее тяжкие грусть и печаль, это они прорезали чистый лоб принцессы жестокими морщинами. Мысли принцессы бе-

гут куда-то, переплетаются в причудливый, запутанный клубок.

Устремлены ли глаза ее на море или на царскую пальму, к своему дворцу или даже к небесам — ни в чем не может она найти утешения!

Когда тоскует сердце, печален и весь мир вокруг. Так всегда кажется человеку...

Что-то неразборчиво шепчет ветер...

Вдруг вздрогнула принцесса Норани: послышались громкие, частые звуки гонга. Наверное, это прибыл сын раджи Мена-Сендангана. Мертвенной бледностью покрылось лицо девушки. Быстро побежала она во дворец и, как насмерть перепуганная птица, забилась в углу своей комнаты.

Гунг!.. Гунг!..

Норани показалось, будто кровь в ее жилах остановилась и только сердце бьется сильными-сильными толчками. Задрожала она и взмолилась:

— О, горькая моя судьба!..

— Не бойся, сестренка! — услышала неожиданно Норани голос своего брата и рванулась навстречу Герадусу, горя нетерпением узнать, какую новость он принес ей.

— Тебя повергли в страх звуки гонга? — спросил ее принц Герадус.

— Да! Где принц Мена-Сенданган? — задыхаясь от волнения, спросила Норани.

— Заболел!.. Он уже прибыл сюда, но вдруг вынужден был вернуться: он сошел с ума!

— От кого узнал ты эту новость?

— От посланца самого раджи Мена-Сендангана! Пойдем скажем об этом учителю!

— Отец будет гневаться!.. О брат мой, если принц Мена-Сенданган заболел, это лишь отсрочит мою гибель. Когда он выздоровеет, я должна буду...

И заплакала принцесса Норани, не в силах сдержать своих слез. С тех пор как узнала она, что сын раджи Мена-Сендангана хочет на ней жениться, она каждый день испытывала такие муки, будто пальцы ее протыкали булавками.

— Успокойся, сестренка, — ласково сказал ей Герадус. — Не надо так плакать. Ведь несчастье еще не случилось, а ты уже так горюешь. Прогони же печальные мысли, вырви из своего сердца тревогу! Что скажет учи-

тель Рае-Римае, если увидит тебя сейчас? Поверь, он хочет помочь тебе...

— Правильно, принц Герадус, правильно, сын мой,— послышался голос за дверью.— Разумны твои слова.

Герадус и Норани вздрогнули от испуга.

— Ха-ха-ха! Ты, видно, не доверяешь мне, хэй, дочь моя Норани. Сомнения и подозрения, которые рождаются в уме, объятom слепым страхом, могут сделать несчастным любого человека.

— Учитель, учитель! — радостно воскликнули принц и принцесса, с любовью и нежностью взяв старика за руки.

И рассмеялся Рае-Римае, потому что радостно стало у него на сердце.

— Подождите,— сказал он,— я поговорю с вашими отцом и матерью.

— Как это было бы хорошо, учитель! — сказали вместе Герадус и Норани.— Мы хотим уехать отсюда!

— Хэй! Куда же вы хотите уехать? — спросил Рае-Римае.

— Далеко-далеко!.. — возбужденно ответил Герадус.— Хотим плыть по морям и океанам... Посмотреть мир... Поискать счастья... Как в ваших полных чудес рассказах о мужественных людях и искусных чародеях!..

С ласковой улыбкой взглянул учитель Рае-Римае на принца Герадуса, как бы одобряя его прекрасные стремления.

— Я тоже хочу этого! — мечтательно проговорила принцесса Норани, в порыве нежности и признательности крепко сжав руку учителя.

Но тут лицо старика стало мрачным, потому что знал он, как трудно будет ему выполнить просьбу детей раджи Танак-ни-во-ендо.

— О отец наш и учитель! — просили Герадус и Норани.— Обещай помочь нам...

Рае-Римае глубоко вздохнул и сказал:

— Дети мои, насладимся сначала вдоволь нашим цветущим садом, утренней прохладой! Дайте мне получше обдумать вашу просьбу. Охладите ваши горячие головы и посмотрите внимательно вокруг себя! Вот ветерок сбрасывает с листьев капельки росы. Как они сверкают!.. Слышите? Это перекликаются птички... Но запомните, дети мои: как ни красив, как ни прекрасен мир — таится в нем много и плохого. Жизнь — это борьба между Добром и

Злом, но все живое на земле прославляет великую силу Жизни. Жизнь и Смерть — сестры. Так же неразлучны Любовь и Ненависть. В мире не существует только хороших или только плохих вещей или существ. Глаза наши часто обманывают нас. То, что издали кажется красивым, вблизи оказывается уродливым, и наоборот. Или то, что прекрасно снаружи, внутри оказывается гнилым, как червивый плод, а раскроешь неказистое или даже скверное на вид — и найдешь в нем что-нибудь чудесное!.. Детей моих влекут красота, богатство и разнообразие мира, но они забывают, что дети раджи связаны долгом заботиться о благе своей страны. Справедливо ваше желание, чтобы уважалась свобода каждого живого существа. Но есть разница между обыкновенными людьми и детьми раджей. Вольна и свободна птица в воздухе, но многочисленные беды подстерегают ее, потому что много на земле охотников... Велика власть раджи, но велики и его обязанности перед народом. И они ограничивают его свободу.

Притихли дети раджи, слушая своего учителя, а он смотрел на них с великой любовью.

— Одно зло порождает другое,— добавил старик,— и в конце концов убивается тоже злом. Крепкая дружба превращается во вражду. Так устроен мир... Вы хотите увидеть и узнать его. Но, дети мои, он настолько же полон опасностей и испытаний, насколько полна спокойствием ваша жизнь в этом дворце. Я не хочу и не могу запретить вам следовать вашим желаниям, но ведь недаром говорят мудрые люди: «Прежде чем сделать что-нибудь, подумай, что у тебя получится. Жалеть потом будет поздно». И вы хорошо обдумайте все. Путь сердцу освещает разум.

— Но мы хотим узнать мир, учитель!

— Правильно, дети мои. Мир полон удивительных и чудесных вещей, но он полон также зла и зависти. Одни люди отвечают на хитрость обманом, другие — на обман отвечают хитростью. Но очень мало на свете людей, которые на зло отвечают добром. Поэтому хорошие люди часто становятся жертвами подлости. Однако того, кто осторожен, находчив и мудр, очень трудно затянуть в сети обмана. И если на него обрушивается несчастье, он всегда найдет способ справиться с ним. Поэтому, дети мои, если вы все же хотите покинуть это спокойное царство ради бурного моря Жизни — охраняйте себя искусно и мудро!

— Спасибо, учитель!..

7. ПЕРЕД ПОБЕГОМ

Дует легкий, влажный ветерок! Он несет на своих крыльях какие-то вести, доносит чью-то песню.

Слушайте все...

Но ветер ли это поет таким нежным, приятным голосом?

Юноша, юноша! Тайну далекую
Северный ветер несет —
То во дворце за оградой высокого
Девушка песню поет.

Песня ее — это восточка нежная;
Юноша, счастье лови!
Сердце ее — это море безбрежное
Щедрой девичьей любви.

Восточка эта, как жемчуг сверкающий,—
Дар от принцессы богов.
Юноша, страстью ответной пылающий,
Выйдешь ли ты на мой зов?..

Тишина!.. Ветер стих. А песня?.. Принц Герадус влюбленно смотрит на лучистую звезду, сияющую высоко в небе.

Все короче становятся солнечные лучи, все темнее и темнее небо на востоке и севере...

Что это? Опять чуть слышно доносится далекий голос! Это вновь подул ветерок. Тихо и плавно льется мелодия, и она ласкает сердце Герадуса; юный принц чувствует приятную, освежающую прохладу... Бурлит его горячая, молодая кровь; принц полон страсти...

Его нареченная!.. О, она здесь, совсем близко!.. Вот она садится рядом с ним... Гладит, ласкает его щеки... его руки, ноги... его губы, глаза, лоб... О, как она прелестна!.. Как сладко и томно, с какой любовью шепчет ему что-то его девушка, его принцесса, его фея!.. Шепчет и поет, ласкает и целует его и опять поет:

Юноша, юноша! Где же ты, где ты?
Ищешь меня? Не найдешь?
Странствуешь ты, словно рыцарь, по свету.
То на восток ты идешь,

То ты на север стремишься, мечтая
Там свою фею найти.
Звездочка ярко на небе сияет —
Ты не собьешься с пути!

Фея твоя — это звездочка ясная,
Что так призывно горит!
Слышишь? Доносится песня прекрасная,
Голос знакомый звучит!..

Небо, Земля, вся Природа ликует,
Славя принцессу богов.
Юноша! Принц! Твоя фея тоскует.
Где ты? Приди на мой зов!..

Сильнее подул ветер, и словно громче зазвучала песня.
Ветви деревьев гнулись, как бы призывно раскачивая ли-
ствою... Принц Герадус закрыл глаза, вздохнул полной
грудью и... услышал:

Юноша, здесь я! Иди же скорее!
Видишь, с лучистой звезды я сошла.
Слышишь, на розе поет твоя фея.
Счастья любви я тебе принесла!..

Сердце Герадуса воспламенилось страстным, жгучим
любовным желанием!..

А небо совсем потемнело. Плотные облака затянули
его, скрыв от взоров принца все небесные красоты.

Исчезло солнце, «раджа Запада», а вслед за ним
исчезла и прекрасная, лучистая звезда — фея Герадуса,
его принцесса, его любовь!..

Ветер крепчает. В воздухе запахло дождем. И вот за-
гремел гром: танг-тунг-танг!.. Шум грозы, многократно
повторенный лесным эхом, заглушил все!..

Принц Герадус очнулся от своих мечтаний. Промокнув
до костей под проливным дождем, он вошел во дворец.
Брови его сердито хмурились. Что разгневало Герадуса?..

— Откуда пришел мой брат? — спросила его прин-
цесса Норани.

— Тише!.. Иди сюда!

Герадус привлек сестру к себе, и они о чем-то тихо-
тихо заговорили, так что со стороны нельзя было разо-
брать ни одного слова.

Дождь лил как из ведра, он шумел все сильнее и сильнее, словно споря с раскатами грома. Молнии сверкали одна за другой. Гудел и ревел ветер, и под его порывами беспомощно гнулись деревья... Как бесконечно разнообразны звуки грозы!

Что задумали дети раджи Тана-ни-во-ендо?

Широко раскрыты глаза принцессы Норани, сияет ее лицо. Вот она от радости даже захлопала в ладоши. Чему она так радуется?

Узнала какую-то чудесную тайну?

Только что была такой печальной... а сейчас веселая и возбужденная!..

— Решимся? — спросил Герадус, и в голосе его слышалась твердая воля.

— Решимся! — ответила Норани.

Брат и сестра крепко сжали друг другу руки.

Потом они пошли в свои комнаты, но внезапно оба остановились: перед ними стоял учитель Рае-Римаел..

Как он попал сюда? Как он проник во дворец, все двери которого в это время заперты?

— О чем вы тут шептались? — спросил старик.

— Ни о чем! — ответила принцесса Норани.

— Что ж, значит, вы опять мне не доверяете! — с обидой сказал учитель и... исчез так же неожиданно, как и появился.

— Что это может значить? — растерянно произнесла Норани.

Герадус задумался. Потом, крепко сжав кулаки, он сказал:

— Пусть шпионов так же много, как звезд на небе; пусть злых духов столько же, сколько листьев на деревьях, — я ничего не боюсь! Ты видишь этот кинжал? Целыми и невредимыми приведет он нас куда угодно! Еще раз я спрашиваю тебя, сестренка: решимся?

— Решимся! — твердо ответила Норани, поверив в силы своего брата, столь искусного в сражениях с врагами.

8. В МОРЕ

Р-р-р-р! Р-р-р-р!..

Сильный ветер дует, не переставая. Море бушует. Ветер и море словно воюют друг с другом. Огромные волны бросают корабль, как игрушку, и он бьется в цепких ла-

пах налетевшего шторма. Как сильна эта грозовая буря! Как оглушительно перекликаются громовые раскаты! Гроза, словно злобный, жестокий дух, хочет поглотить все земные существа, стереть с лица земли все живое.

Ужасен вид моря, суши и неба. Буря!.. Запуганные, дрожат от страха перед нею и природа и люди.

Да, люди дрожат от страха, кроме тех двух, что идут к берегу моря, взявшись за руки и наклонившись вперед, чтобы противостоять сильному встречному ветру.

Неужели они не боятся этой гневно бушующей стихии? Ведь в любую минуту их может ударить молния!.. А тут еще хлынул дождь! Тяжелые струи воды швыряет на землю раджа небес. Раскачиваются деревья; одни из них ломаются, другие, вырванные прямо с корнем, с грохотом падают на землю... Кажется, все силы природы сговорились задержать двух путников. Но они идут и идут, с трудом преодолевая ветер и дождь, и наконец все же достигают берега моря!..

Тот, что идет слева, поднимает правую руку, сжимающую рукоятку длинного кинжала, и размахивает им в воздухе, словно поражая невидимого врага... еще и еще раз! Второй путник, остановившись, спокойно и внимательно наблюдает за движениями своего друга. Они совсем не обращают внимания на непогоду...

Но неожиданно затих гром, перестала сверкать молния. Прекратился дождь, улегся шторм, успокоились волны. Сталкиваясь друг с другом, быстро расходятся тучи, и вот уже небо над головами двух путников светлеет; становится так тихо и спокойно, будто не было ни бури, ни грозы.

Выглянула луна, озарив землю своим ласковым светом, а рядом с ней зажглась яркая звездочка; она словно с почтением благословляет стоящих на берегу моря двух неземных существ. Да, неземных, скажет каждый, взглянув на их чудесные, одухотворенные лица, озаренные лунным сиянием, от которого вокруг светло как днем.

Конечно, это двое мужчин! К тому же они очень похожи друг на друга, словно родные братья!

На рыбацкой лодке плывут они к стоящему недалеко от берега кораблю, на который как раз в это время садятся матросы.

Двое путешественников также поднимаются на борт корабля. Наверное, они тоже матросы.

Подул освежающий западный ветер. Корабль почти

был готов к отплытию, матросы приготовились уже поднять якорь, как на корабль поднялся какой-то старик.

Раздался свисток капитана. Громко и весело распевая песни, матросы натянули паруса, закрепили тали и подняли якорь.

В этот момент один из путешественников подошел к капитану и спросил его:

— Капитан, куда направляется этот корабль?

— Разве ты не знаешь? — удивился тот. — Все матросы корабля слышали вчера мой приказ. Кто ты такой?

— На юг или?.. — продолжал спрашивать незнакомец.

— Убирайся-ка ты отсюда, пьяница! — гневно и презрительно сказал капитан. — Ты выпил на берегу слишком много вина!

Тогда отошел этот человек к своему другу, стоявшему в сторонке, и они стали очень тихо о чем-то разговаривать.

— О чем вы там шепчетесь? — настороженно спросил капитан, смотря на этих двух матросов.

— Говорю, что луна сегодня светлая, — ответил один из них. — В такую ночь приятно глотнуть ветерку!

— Неправда! — недоверчиво сказал капитан, и в сердце его закралось подозрение: уж что-то очень странно вели себя эти матросы. — Хэй, люди, ко мне! — крикнул он, подзывая матросов, что были поблизости. — Схватить их!

Тогда один из незнакомцев, более высокий, выпрямился и гневно сказал:

— Друзья, не трогайте нас!

— Взять их! — приказал еще раз капитан.

— Берегитесь! — громко сказал высокий матрос и шепнул своему другу: — Не бойся!

— Взять! — крикнул опять капитан.

И завязалась ожесточенная драка. Как тигр, искусно и храбро дрался неизвестный матрос, защищая себя и своего спутника. Проворно и ловко наносил он нападающим тяжелые удары по головам и спинам, по рукам и ногам, отбрасывал их одного за другим в разные стороны, и они так и не смогли схватить его.

Капитан корабля стоял, с изумлением наблюдая за этой схваткой. Впервые видел он такого сильного, смелого и искусного в драке человека.

— Прекратить! — закричал наконец он.

Жалко было смотреть на пятерых матросов корабля, дравшихся с одним человеком! Они тяжело дышали от усталости и стонали от боли, тела их были покрыты синяками и кровоподтеками.

— Кто ты? — спросил капитан неизвестного. — И ты? — добавил он, обращаясь ко второму. Но тот, второй, вместо ответа вдруг запел:

Не сердись, капитан, улыбнись, капитан!
Разве дружбе ты цену не знаешь?
И лицо, и душа красивей, капитан,
Если людям добра ты желаешь!
Подозрениям, вражде места нет, капитан,
В сердце чистом, большом, благородном.
Протяни же нам руку свою, капитан!
Здесь, на море, в раздолье свободном,
Велика твоя власть, велика, капитан,
Ты — раджа корабля и матросов!
Разве ты им не друг и не брат, капитан,
Когда в бурю средь мрачных утесов
Твой корабль, словно щепку, несет, капитан,
И матросы со смертью играют?
Так послушай же добрый совет, капитан!
Человека душа украшает.
Каждый хочет тепла и любви, капитан,
Каждый страстно о счастье мечтает.
Тот красив и лицом, и душой, капитан,
Кто добра человеку желает!

Еще больше был поражен капитан, слушая эту песню. Ведь ее пела женщина! Значит, она жена того человека, что так искусно дрался здесь, только переделась мужчиной!..

Но когда услышал он совет, что дала ему эта женщина, его черное сердце вновь загорелось ненавистью, снова вскипела злобно его кровь, и он крикнул: «Проклятые твари! Негодяи! Схватить их!»

Все матросы корабля бросились к певиче и ее спутнику и окружили их плотным кольцом.

А певича очень удивилась, увидев, что капитан так разгневался из-за хорошей песни, которую она спела ему от чистого сердца.

Неужели у него каменное сердце? Неужели так не лю-

бит он слушать песни? Разве она хотела оскорбить его? О, да ведь капитан пьян! От него разит вином!..

Матросам, которые видели все, что произошло, и слышали чудесную песню женщины, очень понравился и голос певицы, и ее искусство петь. Понравилось им и то, как она держала себя — скромно и благородно. Но на корабле надо повиноваться капитану, любой его приказ должен быть выполнен. Поэтому они не могли не исполнить приказание капитана и приготовились схватить певицу вместе с ее спутником.

Капитан же смотрел на певицу взглядом, полным любовного желания и страсти. И этот взгляд больше всего испугал бедную женщину. Заметил это и друг певицы, но сердце его не дрогнуло, хотя он понимал, что им угрожает смертельная опасность.

Он верил, что сумеет справиться и с капитаном, и со всеми его матросами, сумеет защитить и свою подругу, и себя.

— Выслушайте меня! — спокойно сказал он, в то же время думая, как выйти из трудного положения. — Жена моя хотела порадовать ваши сердца своим пением. Может быть, вы желаете еще раз послушать эту песню?

— Пусть поет! Пусть она поет! — отвечали матросы.

— Нет! — закричал капитан. — Вы хотите еще раз издеваться надо мной?!

— Неправда! — ответила певица.

— Пой! — кричали, толпясь, матросы.

— Молчать! — громовым голосом приказал капитан. — Схватить их и бросить в море!

— Чем мы виноваты, хэй, подлый капитан? — вскричала певица и вдруг двинулась на него, гневно сжав свои кулачки.

Но в этот миг подскочил к капитану ее спутник, обнажил кинжал и крикнул:

— Берегись, капитан-пьяница! Ты еще не знаешь силы этого кинжала! Мы ведь хотели только плыть на твоём корабле и охотно заплатили бы за это. Что плохого я сделал, спросив тебя, куда поплывет твой корабль? Чем же ты недоволен, хэй, морская черепаха? Если я коснусь тебя этим кинжалом, ты сгоришь, как сухая трава на огне! Трижды обращаю в бегство и повергну наземь всех твоих матросов, невиновных в этой ссоре! Я могу повелевать тобой и всеми капитанами в этом царстве! Давно

уже слышал я о твоих подлостях, хэй, бешеная собака, потому и поднялся на твой корабль, чтобы самому все проверить. Разве не догадался ты, кто может сражаться так искусно? Разве не узнал ту, которая только что пела здесь? Наверное, совсем уж высохли твои мозги, спаленные винным огнем!

Услышав слова незнакомца, удивились матросы, но потом всмотрелись в лица этих молодых людей и вдруг, преклонив колена, стали целовать ноги детей раджи Танаки-во-ендо. Перепуганный капитан поспешно забормotal, принося принцу и принцессе тысячу тысяч извинений.

— Ка... ка... ка!..— послышался неожиданно птичий голос, и на борт корабля, рядом с принцессой Норани, уселся ее любимец Лури Пинкель.

Уже давно разыскивал он всюду свою госпожу, но только теперь нашел ее наконец на этом корабле... И в какой момент!.. Окруженную врагами!.. Весело вспорхнул Лури на плечо Норани.

— Хэй, капитан, надеюсь, теперь мы станем друзьями! — сказал принц Герадус, увидев, что капитан повинуетсЯ ему.

— Все приказы моего господина слуга твой выполнит! — с поклоном отвечал тот.

— Покажи, где мы можем разместиться, — сказал ему Герадус.

...Танг!.. Тунг!.. Танг!..— снова послышались вдалеке удары грома. И снова подул такой сильный ветер, что корабль стал раскачиваться, то носом, то кормой погружаясь в бурлившие волны. Быстро неслись по небу тучи. Они то и дело закрывали луну, и тогда все вокруг темнело.

Удивились матросы корабля такой быстрой перемене погоды, но долго удивляться было некогда.словно подброшенные пружинами, побежали они каждый на свое место, чтобы выполнять свои нелегкие обязанности.

9. КОРАБЛЬ ТЕРПИТ КРУШЕНИЕ

Подгоняемый попутным ветром, все быстрее несясь по морю корабль, на котором плыли принц Герадус и принцесса Норани. Гнулись и трещали высокие мачты, громко хлопали паруса, надуваемые порывистым ветром, и, не выдержав его напора, один из них с оглушительным треском разорвался.

Сердце рулевого, что вел корабль, было так очаровано пением принцессы Норани, что он небрежно делал свое дело, и корабль чем дальше, тем все больше отклонялся от курса, направляясь в те воды, куда еще никто никогда не заплывал.

Ни принц Герадус, ни принцесса Норани ничего не знали об этом. Не замечал этого и капитан, который еще не оправился от влияния винных паров и испуга перед прибывшими на его корабль детьми раджи Танак-ни-во-ендо.

Рулевой растерянно разглядывал незнакомые ему созвездия: уж очень далеко отклонился корабль от своего курса.

Пока принц Герадус беседовал о чем-то с капитаном, принцесса Норани гуляла по палубе, с интересом наблюдая, как разбивались о борт корабля волны.

Но вот кто-то медленно приблизился к ней.

Может быть, это враг?..

— Кхе... кхе... — раздалось за спиной девушки.

Погруженная в созерцание моря, Норани не обратила на это внимания.

— Кхе, кхе, — снова закашляли за ее спиной, но уже громче.

На этот раз принцесса обернулась.

— Будь осторожна! — прошептал подошедший к ней человек. — Ты не должна оставаться одна!

И сказав это, он исчез, словно испарился.

Удивилась принцесса Норани. Кто это говорил с ней?.. Она быстро пошла к своему брату.

А в это время, закончив беседу с принцем Герадусом, капитан корабля попросил разрешения уйти. Подойдя к брату, Норани незаметно подала ему знак. Он понял ее и, отпустив капитана, вместе с сестрой направился в свою каюту.

Но как только они вошли в нее, из-за огромного сундука, который стоял в углу, послышался вдруг чей-то голос:

— Будьте осторожны! Не спите!..

Принц Герадус растерянно оглянулся.

— Кто это? — испытующе смотря на сестру, спросил он.

— Я не знаю! — ответила Норани. — Он... только что... говорил и со мной! Наверное, корабль этот заколдован!

— Не бойся! — решительно произнес Герадус. — Кинжал мой при мне!

— Но... он сказал, что мы не должны спать.

— Ничего, будь спокойна!

— Тогда будем спать по очереди, — сказала Норани.

— Хорошо, — согласился Герадус. — Сначала ложись ты, а я буду на страже.

...Тишина! Не слышно людских голосов. Только свист ветра да плеск бьющихся о корабль волн доносятся в каюту. Принц Герадус, готовый в любой момент отразить нападение врагов, крепко сжимает в руке свой кинжал.

Крепким-крепким сном спит принцесса Норани.

— Кхе, кхе! — послышалось вдруг за дверью каюты.

Но принцу Герадусу, погруженному в мечтания, этот звук не показался подозрительным. Только когда звук повторился снова, с большей силой, вздрогнул Герадус и схватился за свой кинжал.

— Берегитесь! Еще раз повторяю — не спите!.. — услышал он все тот же неизвестный голос, но самого человека не было видно.

И закрались подозрения и тревога в сердце принца Герадуса. Быстро разбудил он Норани.

— О, какой чудесный сон!.. — сказала девушка, открыв глаза.

— Тихо!.. Молчи!.. — прошептал ей Герадус.

— Кхе, кхе!.. Откройте дверь! — опять послышался уже знакомый голос.

— Кто там? — спросил Герадус.

— Сначала откройте!

— Нет!

— О брат мой! — в испуге зашептала Норани. — Это все потому, что мы убежали из дому! Сколько испытаний и страданий уже выпало на нашу долю! Сколько опасностей еще ждет нас впереди! Зачем мы покинули отца и мать? О аллах!..

Но в это время перед испуганными принцем Герадусом и принцессой Норани предстал вдруг учитель Рае-Римае. Он стоял в углу каюты.

Безгранична была радость детей раджи Танак-ни-во-ендо при виде их любимого учителя и искусного чародея, но старик был печален.

— Дети мои, — промолвил он, — уже настал смертный час этого корабля!..

— Что?! — испуганно вскрикнула Норани.

— Зачем вы убежали из дворца? — с упреком продолжал учитель Рае-Римае. — Почему не спросили моего совета? Напрасна ваша затея, напрасны ваши усилия! Уже сейчас начинают угрожать вам беды и несчастья, а дальше тяжелые испытания и опасности последуют одно за другим. Смятение и тревога воцарились во дворце и во всем царстве Танак-ни-во-ендо. Отец и мать ваши в глубоком горе. Весь двор занят поисками детей раджи. Я последовал за вами. Это вызовет подозрение в сердцах ваших родителей. Из-за вашего неразумного поступка имя вашего учителя опозорено.

Мне больше не верят, потому что я не смог удержать вас от побега. Если я сейчас покажусь в нашем царстве, меня убьют. Ваши отец и мать ненавидят меня: они думают, что это я виновен во всем, считают меня предателем. О, горе мне!..

Заплакала принцесса Норани, услышав слова учителя Рае-Римае. Больно сжалось ее сердце, когда она подумала о том, что они наделали. Поник головой и принц Герадус. В душе он признавал свою вину, но вслух сказал:

— Другим путем невозможно было достичь нашей цели!..

— Дети мои! — сказал учитель Рае-Римае. — Корабль этот полон опасностей. У его капитана злое и скверное сердце. Вы не должны доверять ему. Сладки его речи, но в сладких устах — змеиный яд. Берегайте себя на каждом шагу. Ты, Норани, не думай, что здесь тебя охраняют так же, как во дворце, что твоя жизнь в безопасности и ты можешь быть беззаботна, как раньше. Твоя красота стала причиной многих несчастий, вражды, битв. Сейчас, дети мои, вы попали в пасть крокодила! Да, да, капитан этого корабля достоин прозвища крокодила, ибо он жесток и кровожаден и в море и на суше. Остерегайтесь его! Здесь, в открытом океане, он уже не будет считаться с тем, что вы дети раджи Танак-ни-во-ендо, ибо отец ваш властен лишь на суше, а в море раджа — капитан. Только магическая сила Герадуса и его кинжала спасли вас от смерти. Но сила эта не так велика, чтобы... Тсс!.. Вы слышите?..

Р-р-р, р-р-р-р-р, р-р-р-р-р! — гудел ветер.

Тери-тик-тик-тик!.. — слышались звуки морозящего дождя.

Внезапно раздался громкий стук в дверь.

— Кто там? — спросил Герадус.

— Норани! — шепнул учитель Рае-Римае. — Иди сюда!.. Я проведу рукой по твоему лицу, чтобы ты стала невидимой!

И в тот же миг, когда старик и принцесса Норани исчезли, в каюту ворвался разъяренный капитан. За его спиной толпились десятки матросов.

— Что это значит?! — возмущенно спросил принц Герадус, крепко сжимая в руке свое оружие.

— Где принцесса? — грубо крикнул капитан.

— Что тебе здесь нужно? — шагнул к нему Герадус, угрожающе подняв кинжал.

— Ха-ха-ха! — насмешливо произнес капитан. — Он вздумал пугать меня своим кинжалом! Спрячь-ка эту детскую игрушку в ножны! Говори, где принцесса? Все равно вы оба в моих руках! Теперь тебе не удастся уговорить меня. Когда я увидел твое искусство в сражении и узнал, что вы — дети раджи, я оставил вас в покое только потому, что мы были еще вблизи берегов царства твоего отца. Но сейчас мы уже в океане. Ха-ха, принц Герадус, теперь все изменилось! Ну, говори быстрее, куда ты спрятал свою сестру? Если ты повинешься мне и сделаешь то, что я пожелаю, я оставляю тебя в живых и отпускаю с миром. Отвечай же, бродяжный принц, где твоя красавица сестра!

— Я сам ее ищу! — сказал принц Герадус с болью в сердце, потому что он действительно не знал, куда исчезли Норани и учитель Рае-Римае.

— Ты отказываешься подчиниться моему приказу? Хорошо! Раз. Два. Три... Схватить его!

В каюту ворвалось несколько матросов, чтобы схватить принца Герадуса. И опять разгорелся жестокий бой. Капитан понукал своих людей дикими выкриками. Они дрались с Герадусом, сменяя друг друга; те, кого принц сбивал своими ударами с ног, с криками и воплями поднимались вновь и продолжали драться...

И вдруг корабль содрогнулся всем корпусом... От резкого и сильного толчка все, кто был в каюте, беспорядочно попадали на пол. Что случилось?

Корабль налетел на острый подводный риф, пропорол днище и стал тонуть.

Струсивший капитан вскочил и бросился бежать. Но

вода уже хлынула бурным потоком через пробоины внутрь корабля и, настигнув подлого капитана, увлекла его за борт. Бурля и рокоча, врывалась она в каюты и быстро заполняла их, неся людям ужасную гибель. Громадные волны били по кораблю, переваливая его с одного борта на другой.

А вода все прибывала и прибывала, и вскоре злосчастный корабль пошел ко дну. И вместе с ним утонули все матросы...

Принц Герадус сумел спастись. Оказавшись в воде, он ухватился за обломок толстой доски и поплыл, не зная куда.

Волны швыряли доску из стороны в сторону. Вокруг необозримо простирался океан... Несчастный принц уже начал сожалеть с своим побеге из дому. Зачем он покинул отца и мать, зачем увлек с собой Норани?..

По щекам Герадуса покатались слезы. Один, один в океане! Холодно. Терзает голод. И нет больше надежды остаться в живых... Он попробовал грести ногами. Куда там — не только грести, а даже двинуть ими он не смог — как и все его тело, они заковенели от холода.

Еще покрыто тучами небо, еще гnevаются волны, но ветер уже начинает затихать. Не одни волны гонят куда-то принца Герадуса: помогает и быстрое течение. Они относят принца все дальше и дальше от царства Танак-ни-во-ендо.

Принц Герадус осмотрелся вокруг... Океан!.. Где его учитель? Что с его сестрой? Никого не видно...

Юноше казалось, что его сердце разрывается от горя и ужаса. Уже много часов плывет он неизвестно куда... Вдруг налетела огромная волна и вырвала доску из рук обессиленного принца. Он пошел ко дну...

Но в этот момент его подхватило сильное, быстрое течение.

10. В ПЛЕНУ

Наступил рассвет.

Чье это безжизненное тело распростерто на морском берегу? Это принц Герадус, вынесенный сюда течением. Едва заметно вздымается его грудь. Он дышит, он жив!.. Но кажется ему, что он уже не на земле, а на небесах, там, где живут боги и богини...

Он уже очнулся и приподнял голову, но, увидев вокруг очаровательный уголок природы, сказал:

— О, это не земля. Это небо, и я уже стал небожителем... А Норани?.. Конечно, и она превратилась в фею! Она ведь тоже утонула, умерла... Но где же она?

Сестра моя... сестра... сестренка!.. Где ты?.. О, как болит у меня голова, будто по ней бьют молотками...

Сестра... сестренка... Норани! Иди сюда!

Как безумный, разговаривал сам с собой принц Герадус. Потом он встал на ноги, осмотрелся. Один на обширном песчаном побережье! Одежда его была мокрой, но его почему-то не знобило, и он совсем не чувствовал себя слабым.

Пристально оглядывая все вокруг, Герадус продолжал звать Норани:

— Сестренка... сестра моя... Иди ко мне!..

Из клетки выпущен, взлетел

Мой голубь высоко.

Он песню о Любви запел,

Что где-то далеко.

Поверишь ты, коль так же вот

Был в юности влюблен:

Закончив в небе свой полет,

Нашел подругу он!

— Да... Вот они, небеса!.. О принцесса моя!.. Сестра моя!.. Норани!.. Нет, это сюда идет фея... Сияющая, счастливая! Хэй, фея небес... Но где же она?.. О сестренка, позови ее, позови сюда эту фею... И давай споем:

Юноша, юноша! Где же ты, где ты?

Ищешь меня? Не найдешь?

Странствуешь ты, словно рыцарь, по свету,

То на восток ты идешь,

То ты на север стремишься, мечтая .

Там свою фею найди.

Звездочка яркая в небе сияет —

Ты не собьешься с пути!

— «Юноша, юноша!..» Где же ты, принцесса?..

— Замолчи, хэй, мятежный раб! — вдруг раздался за спиной принца Герадуса чей-то грубый окрик. Принц вздрогнул и обернулся.

Перед ним стоял военачальник — глава стражи, охраняющей это побережье.

— Кто ты, и зачем тебе понадобилась принцесса — дочь раджи этих земель?

— Я принц Герадус, — отвечал юноша. — Я зову свою сестру, чтобы она спела вместе со мной эту песню.

— Лжешь, безумец! Ты оскорбляешь своим пением и принцессу и раджу лашего царства! — сурово сказал военачальник и подозвал своих стражников.

— Хэй! — вскричал принц Герадус. — Разве ты не знаешь, кто я? Разве ты не узнал меня? Или... О, конечно, нет... Это — небо? Ты — бог?

Еще больше разгневался военачальник, ибо он подумал, что этот человек вздумал подшутить над ним.

— Хэй, безумный! — крикнул он. — Как ты сюда попал?

И принц Герадус рассказал ему все, что с ним произошло.

— Это все ложь! — воскликнул военачальник. — Ни один корабль не терпел здесь крушения. К тому же, разве дети раджи могут быть одеты так плохо, как ты? Не говори мне больше ничего. Хэй, стража, схватить его и отвести во дворец!

— Что ты сказал? — с улыбкой спросил принц Герадус. — Вы хотите схватить меня? Попробуйте!..

— Взять его! — повторил военачальник свой приказ.

Не сомневался принц Герадус в своих силах и искусстве сражаться с врагами. Но он очень ослабел от голода и истощения, поэтому без труда сумели схватить его стражники раджи Танак Менан Намиана, ибо так называлось то царство, куда он попал.

— Посадить его в тюрьму! — приказал военачальник раджи Танак Менан Намиана.

— Берегись! — крикнул ему принц Герадус. — Ты пожалеешь о своем приказании схватить меня!..

— Закрой свой рот, лжец, негодяй, хвастун несчастный!

Гонг!.. Это знак того, что раджа Танак Менан Намиан сейчас выедет из своего дворца.

Но это может также означать, что собирается Суд раджи, чтобы расследовать какое-то очень важное дело...

Со всех сторон сбегались люди к площади на Суд, чтобы узнать, кого и за что будут судить.

Туда явились уже и раджа, и все его министры и военачальники, и многочисленные воины.

Под охраной двадцати одного стражника, вооруженных до зубов, привели принца Герадуса из тюрьмы на Суд и посадили перед раджей Танак Менан Намианом. Руки юноши были крепко-накрепко связаны. Его воспаленные глаза блестели, он был в лихорадочном жару.

— Кто ты? — спросил раджа.

Принц Герадус спокойно и молча смотрел на него.

— Хэй, расскажи, что ты сделал!

Молчание в ответ.

— Правда ли, что ты поносил мое имя и имя принцессы?

И опять принц Герадус не проронил ни слова.

— Да известно ли тебе, что ты совершил тяжелое преступление и заслуживаешь за это самого сурового наказания? Знаешь ли ты, что за это вешают?

— Какой смысл вешать меня? Все равно я почти уже мертв! — с трудом ответил принц Герадус. Зубы его стучали, он дрожал в жестоком приступе лихорадки, и вид у него был, как у безумного. Однако раджа Танак Менан Намиан принял его слова за дерзость и сказал:

— Ответ твой груб и дерзок! Как твое имя?

— Я уже назвал его военачальнику, который привел меня сюда, — ответил принц Герадус.

— Лжешь, проходимец! Ты смеешь лгать и здесь, передо мною?! — вскричал раджа Танак Менан Намиан и, поднявшись, приказал:

— Эй, стража! Отвести его опять в тюрьму! Военачальник! Через семь дней... повесить!

Гунг! Гунг! Гунг! — трижды ударяет по гонгу раджа. Это означает, что приговор его изменить уже нельзя!

Но принц Герадус ничего не знал о смертельной опасности, которая нависла над ним: приступ лихорадки настолько усилился, что юноша был уже почти без сознания.

Несколько десятков стражников во главе с военачальниками вывели Герадуса из Суда раджи Танак Менан Намиана и, сопровождаемые толпами народа, повели в тюрьму.

А узнав приговор суда, возрадовались люди, зашумели, закричали, запели, стали танцевать и прыгать от радости, что достойно наказан мятежный раб. Они стали дразнить несчастного юношу и насмехаться над ним. Они прослав-

ляли храбрость военачальника, схватившего этого мятежника, мудрость и справедливость их раджи, столь разумного в правосудии, всегда заботящегося о благе царства.

Вместе со всеми радовался и военачальник и еще больше возгордился оттого, что именно он схватил преступника.

От шума и криков толпы Герадусу стало совсем плохо, и он, потеряв сознание, упал.

Люди сгрудились вокруг, чтобы посмотреть, что с ним случилось, но стражники заслонили его своими телами, подняли и отнесли в тюрьму.

— Спокойной ночи! — насмешливо крикнул военачальник, захлопывая за принцем Герадусом двери тюрьмы и запирая их на все засовы.

На каждом окне этой тюрьмы было по семь решеток; каждая дверь состояла из семи дверей, каждая стена — из семи стен; и крыша была из семи слоев. И охраняли тюрьму семь цепей стражников.

Как только Герадуса бросили на тюремный топчан, приступ лихорадки затих, и постепенно юноша пришел в себя. Теперь он уже сознавал, что стал жертвой злого рока.

Что же с ним будет? О, горе! Длинные и крепкие сковавшие его цепи, семь раз опутаны ими его руки и семь раз — ноги...

Как вырваться отсюда? Порвать цепи?.. Бесполезно! Толстые двери, окна и стены словно смеялись над ним.

И принц Герадус зарыдал в отчаянии. Не спастись ему теперь от смерти, не увидеть больше своих родителей! Перед затуманенным взором юноши проходили их дворец, лица отца, матери...

Слезы неудержимо катились по его щекам, падали на колени, но он не замечал этого... Потом он печально запел:

Налетает волна за волной,
Море бьет меня, гонит, бросает.
Я тону... Вот... уже... предо мной
Смерть объятия свои раскрывает!..

...Берег, берег! Я жив! Слово сон!..
Но Возмездье пощады не знает,
Хоть от моря я чудом спасен,
Суша гибелью мне угрожает!

Мать, отец, попрощайтесь со мной!
Нам ошибок судьба не прощает.
Спит Норани в могиле морской,
А Герадус в тюрьме умирает!..

Как только пропел принц Герадус свою песню, где-то вверху, под потолком, послышался вдруг нежный голос:

— Лу-ри, Лу-ри... Лу-ри...

Вздрогнул принц Герадус, и надежда на спасение ожила в его сердце.

— Птичка моя! — сказал он, смотря на потолок. — Лури Пинкель! Где ты?..

— Лури! — отозвался попугай, и Герадус увидел его: Лури влетел к нему через маленькое оконце под потолком, внимательно посмотрел на узника и быстро улетел обратно.

11. СПАСЕНИЕ

О госпожа, Лури помочь стремится
Спасть от смерти принцу своему.
В тюрьме в оковах он шесть дней томится,
Лишь день один осталось жить ему...

Много раз повторил Лури слова этой песни, и голос его, полный печали, волновал сердце каждого, кто слышал его.

Лури хочет помочь принцу Герадусу, освободить его из тюрьмы. Но не напрасна ли эта затея глупой птицы?

Кто может спасти пленника? Тюремная стража так многочисленна — кто осмелится напасть на нее? И кто сумеет проникнуть в тюрьму, где семь дверей, семь стен и семь решеток на окнах? Кто освободит юношу от цепей, которые сковывают его руки и ноги?

Нет, это невозможно!.. И все же Лури не переставал повторять свою печальную песню. Наконец услышала ее одна очень красивая девушка. Это была внучка раджи Серак Тасика — великого раджи морских рыб. Весело и беззаботно жила она во дворце своего дедушки, который очень любил ее.

Как только поняла эта девушка, о чем поет Лури Пинкель, она горько заплакала.

— Почему внучка моя плачет? — спросил принцессу раджа Серак Тасик.

— Дедушка,— ответила она,— послушай эту песню, послушай птичку!..

Выслушал раджа попугая и сказал:

— Успокойся, дитя мое. Не надо плакать. Мы поможем несчастному юноше! Это принц Герадус. Я знаю, что его охраняет стража раджи Танак Менан Намиана. Этот раджа приговорил его к смертной казни, думая, что он преступник... Успокойся! Мы отправимся туда, в царство раджи Танак Менан Намиана, и спасем его.

Тишина... Кажется, что ночная темнота таит в себе что-то загадочное и неизъяснимое. Небо словно покачивается над миром, навевая грезы всей природе. Луна окружена легкими облаками, как принцесса — своими служанками. Даже воздух будто насыщен фантастическими мечтами и трепетными желаниями.

В такую волшебную ночь человек чувствует себя погруженным в нежные и ласковые волны моря Любви.

Но не это волнует сейчас сердце принцессы, внучки раджи Серак Тасика: не выходит у нее из ума принц Герадус, который страдает и мучается в тюрьме в ожидании своего смертного часа.

...Неожиданно небо переменялось. Легкие облачка, окружавшие луну, превратились в плотные, темные тучи. Они совсем закрыли ночное светило. Землю окутал непроглядный мрак.

В этот момент раджа Серак Тасик и отплыл вместе с принцессой к берегам царства раджи Танак Менан Намиана. Они плыли на корабле-рыбе, и не прошло много времени, как они уже были у цели.

— Полночь,— сказал раджа Серак Тасик, обращаясь к своей внучке.— Сейчас самое подходящее время пробраться к тюрьме, где заключен принц Герадус. Она недалеко отсюда, прямо перед нами. Туман такой плотный, что ни один стражник не сможет увидеть мое дитя! Вот тебе семижильная веревка, которую я свил из своей слюны. Возьми еще семь этих чешуек. Подойдя к тюрьме, ты семь раз потрешь ее дверь и стену моими чешуйками, а цепи, что связывают руки и ноги принца Герадуса,— веревкой из моей слюны! Счастливый путь!..

Правду сказать, внучка раджи Серак Тасика не очень-то понимала, как это поможет принцу Герадусу, для чего

нужно проделывать все то, что велел дедушка. Но так как принцесса очень верила в магическую силу своего дедушки, то, не сказав ни слова, поднялась на берег и пошла по направлению к тюрьме, где томился принц.

С изумлением почувствовала девушка, что шаги ее были такими легкими и неслышными, будто она не шла, а плыла по воздуху, и дорога показалась ей очень короткой. Вот уже видны ряды вооруженных стражников, охраняющих тюрьму... Принцессе стало немного страшно, когда она проходила мимо них, но они все были такие сонные, что никто ее не заметил.

Принцесса подошла к дверям тюрьмы и несколько разanova по ним чешуйками, которые дал ей раджа Серак Тасик.

И медленно-медленно растворились все двери и распахнулись все окна тюрьмы...

Вздрогнул от неожиданности принц Герадус, увидев приближавшуюся к нему женскую фигуру.

Кто это?.. Дьявол? Злой дух?.. Или фея?..

Ему хотелось закричать, но страх сдавил его горло.

Нет, это не стража! Это... Еще больше испугался Герадус. Волосы на голове его зашевелились от ужаса, сердце застучало сильно-сильно.

Нет, не от петли он умрет, а от этого невыносимого, смертельного страха...

— Тс-с! — услышал он вдруг. — Тихо! Я освобожу тебя! Не бойся.

Принц Герадус пришел в смятение. «Это не дьявол, и не дух, и не фея. Это женщина! Но кто же она?» — мысленно спрашивал он себя.

А женщина несколько раз прикоснулась чем-то к его рукам и ногам — и все цепи, сковывавшие Герадуса, разомкнулись.

— Иди за мной! — шепнула женщина и повела его к выходу из тюрьмы.

Принц Герадус удивлялся не меньше, чем радовался; удивлялся он тому, что спасла его женщина, а радовался избавлению от виселицы.

«Необыкновенна доброта этой женщины! — подумал он. — Наверное, это дочь раджи Менан Намиана...»

Благополучно добрались они до берега моря и сели в корабль раджи морских рыб.

Можно ли описать изумление и радость принца Гера-

дуса, когда он увидел, что женщина, которая спасла его от смерти, была не кто иная, как принцесса Норани!..

— О сестренка! — воскликнул Герадус. — Расскажи мне все, что с тобой случилось!

И Норани рассказала:

— Когда корабль стал тонуть, я так испугалась, что уже не помнила себя. Потом я узнала, что меня спас от гибели раджа Серак Тасик. Это он оживил и вылечил принцессу Норани!

— А где учитель Рае-Римае? Ты не видела его? — спросил Герадус.

— Нет, — ответила Норани, и голос ее задрожал, потому что очень опечалилась она, вспомнив своего доброго учителя. И так велика была ее печаль, что она горько заплакала.

Но в это время прилетел к детям раджи Танак-ни-во-ендо их любимец Лури, чтобы своим веселым пением утешить сердца Герадуса и Норани.

12. РАССТАВАНИЕ

— Открыта!.. Тюрьма открыта!.. Преступник бежал!.. Беда!..

Так кричал на рассвете один из стражников, заметив исчезновение узника.

Десятки глашатаев распространили повсюду эту тревожную весть, и всполошилось царство Танак Менан Намиана. Гневу самого раджи не было предела. Он повелел, чтобы весь народ разыскивал сбежавшего злодея.

Но больше всех был встревожен и испуган военачальник, тот самый, что схватил принца Герадуса и чьи стражники охраняли тюрьму. Он понимал, что в случившемся прежде всего обвинят его: раз преступник сбежал — значит плохой была охрана. Упустить осужденного мятежника — это тяжкое преступление, оно карается очень сурово.

— Преступник не смог бы убежать, если б ты не помог ему! — гневно сказал военачальнику раджа Танак Менан Намиан.

— Мы охраняли тюрьму так усердно, как только могли, господин мой!

— Значит тебя подкупили золотом, и ты открыл двери тюрьмы и снял цепи с этого изменника. Я видел там следы ног двух человек! Это значит, что сначала кто-то подошел

к тебе, а потом ты... Но мне уже все ясно! Хэй, предатель, изменивший своему царству, своему радже, своему народу, если ты сегодня к вечеру не поймаешь преступника, вместо него я повешу тебя!

Иди же, ищи его, пока не найдешь!

Площадь, на которой построили виселицу, уже была заполнена народом. Услышав, что осужденный бежал, зашумели, заволновались люди, гневаясь на военачальника, главу стражи, которая стерегла преступника. Все двинулось к тюрьме...

В это время солдаты стали обстреливать участок моря у берега, где стояла тюрьма. Они думали, что сбежавший — искусный пловец, и он укрылся под водой. Потом на воду спустили несколько десятков лодок, в них сели рыбаки, умеющие глубоко нырять и хорошо плавать... Но все их поиски остались тщетными.

Тогда Главный военачальник раджи Танак Менан Намиана приказал стражникам, охранявшим тюрьму, сложить оружие.

И как только выстроенные рядами стражники сложили оружие, толпа мужчин, самых преданных своему радже Танак Менан Намиану, набросилась на них. Завязалась ожесточенная борьба.

А все люди, которые собрались на площади перед тюрьмой, громкими криками стали требовать смерти стражникам, упустившим преступника:

— Убить, убить изменников!..

Заботливо ухаживал за детьми раджи Танак-ни-во-ендо дедушка Серак Тасик, и вскоре принц Герадус и принцесса Норани совсем поправились и окрепли. Как-то раз, веселые и радостные, пошли они погулять в сад, где в изобилии росли чудесные фрукты. Вместе с ними, как всегда, полетел и Лури.

Безмятежно наслаждались они царившими в саду тишиной и спокойствием.

Вдруг перед ними в виде огромного дракона появился раджа Келабанг и закричал страшным, громовым голосом:

— Хэй, хэй! Кто посмел войти в мой сад?!

— Помогите! — в ужасе от этого страшилища закричала принцесса Норани.

И в тот же миг оказался рядом с ними раджа Серак Тасик, преобразившийся в высокого и сильного воина с оружием в руках. И сказал он грозно:

— Хэй, Келабанг, кто дал тебе право прогонять моих внуков с моей земли? Разве ты не видишь, что этот сад — рядом с берегом моря? Давно ли он стал твоим?

— Хэй, наглый и мерзкий солдат, как смеешь ты говорить так с самим раджей?! Убирайся отсюда, дерзкий хвостун, вместе со своими внуками! Эта земля принадлежит мне!

— Что-то я не помню, когда раджа Серак Тасик отдал эту землю тебе, хэй, раджа Келабанг!

— Серак Тасик — твой раджа? А я и не знал! Ха-ха-ха! Значит, от него, от этого гнусного пожирателя морских рыб, научился ты лжи и хвастовству, не так ли? Хэй, несчастный солдат, мне жаль, что ты не знал, кому можно дерзить и перед кем хвастать, но уже настал твой смертный час! Сейчас я отправляю твою душу к твоему радже!

Но едва успел раджа Келабанг произнести эти слова, как на его глазах дерзкий солдат стал преображаться: сначала он принял вид обыкновенного человека, а потом вдруг стал расти, расти... и превратился в страшного великана с невиданно длинным мечом в руке.

— Хэй, раджа Келабанг! — промолвил великан. — Покажи-ка мне теперь свою власть и силу! Собери хоть все свое войско, весь свой народ — все равно ты не избежишь гибели! Велики морские просторы, и они жаждут твоей крови и твоего тела...

Но не успел Серак Тасик договорить до конца, как в испуге бросился сломя голову раджа Келабанг бежать...

— Угроза смерти будет подстерегать вас всюду, хэй, дети мои, — сказал раджа Серак Тасик, когда принц Герадус и принцесса Норани избежали страшной опасности, грозившей им. — Из-за того, что вы покинули свое царство, все злые силы словно сговорились уничтожить вас! А мир полон зависти и злобы. Красота твоя, хэй, дитя мое Норани, обрекает тебя на испытания и страдания. Каждое живое существо жаждет красоты. Раджа Келабанг хотел схватить вас потому, что он был очарован тобой, Норани, и силой твоего стройного молодого тела, Герадус. Лучше я доставлю вас назад, к вашим родителям!

Кто еще сможет помочь вам, если мы расстанемся? Ведь учитель Рае-Римае, видно, погиб...

Услышав эти слова, заплакала принцесса Норани.

— Дедушка,— спросила она, обливаясь слезами,— скажи нам, неужели и правда утонул наш добрый и мудрый учитель?

— Этого я не знаю,— ответил дедушка Серак Тасик.

— Ах, дедушка,— сквозь слезы говорила Норани,— не надо отправлять нас домой! Отец и мать очень гnevаются на нас.

— Я не вернусь туда до тех пор, пока не достигну своей цели! — твердо сказал принц Герадус.

— Какова же твоя цель? — спросил его раджа Серак Тасик.

— Разве дедушка не знает тайных желаний молодого сердца, которое...

— О, я понимаю! И ты хочешь искать, пока не найдешь?..

— Да! Я верю, что с благословением и помощью дедушки Серак Тасика я обязательно найду то, что ищу!

— Хорошо! Но веришь ли ты в мою магическую силу?

— Да, дедушка, очень верю!

— Тогда закрой на минутку глаза.

— Хорошо, дедушка... О, что это? — воскликнул Герадус, вновь открыв глаза.

— Это волшебный платок, сделанный из моей слюны. Когда тебе что-нибудь понадобится, ты три раза покрутишь в воздухе этим платком, в то же время называя мое имя,— и ты получишь все, что пожелаешь! Понял?

— Да, дедушка!

— А теперь иди. Ты отправишься на запад. Пусть сопутствует тебе успех!

— О, я тоже хочу пойти вместе с братом! — сказала принцесса Норани.

— Нет! — ответил ей раджа Серак Тасик. — Тогда не будет вам удачи! Если вы пойдете вместе, то не достигнете своей цели. К тому же разве годится девушке самой искать... Нет, нет, ты сначала пойдешь вместе со мной, и мы найдем... Хм, хм!.. Отправляйся в путь, Герадус! И помни, что только волшебный платок, который ты держишь в руке, поможет тебе добиться того, чего ты желаешь!

И они расстались. Принц Герадус пошел на запад, а раджа Серак Тасик вместе с Норани — на восток.

13. В ПОИСКАХ ПРИНЦЕССЫ ЗАПАДА

Как превратна судьба человека! Словно путешественник на неровной дороге жизни, человек взбирается на высокую гору по узкой тропинке, залитой ярким солнечным светом Удачи, дойдет наконец до вершины Счастья и вдруг вновь низвергается в долину Несчастья, где попадает под проливной дождь Опасностей и Бед.

Только что был он так спокоен и счастлив, и вот все рухнуло!

Зеленая юность видит перед собой только блестящую, сверкающую всеми цветами радуги Удачу; свои неземные мечты она украшает земными жемчугами и золотом, и жизнь представляется ей прекрасным сном; так рождается в ее сердце и расцветает пышным цветком, заслоняя собой все остальное, чудесная, манящая мечта...

Не такова ли и судьба принца Герадуса, в которой причудливо переплелись удачи и неудачи, счастье и несчастье?

Разве не была раньше его жизнь спокойной и счастливой?

Но, увы, сердце, воспламенившееся любовной страстью, не желает больше безмятежного покоя!

Ему хочется взлететь за облака, обнять весь мир, покорить природу!.. Мечты, фантазии, желания, стремления, страсти! Они, как крылья, которые возносят человека в воздух и мчат его через леса, моря и горы — на небо!..

...Пристально смотрит на волшебный платок, подаренный ему раджей Серак Тасиком, принц Герадус.

Он весь поглощен мечтой о своей любви, о своей принцессе. И кажется ему, что все более мощными и длинными становятся крылья у него за спиной, которые понесут его к заветной цели.

Тихонько подул ласковый, прохладный ветерок. Он словно прошептал на ухо принцу Герадусу:

— Дальше, дальше на запад!..

Мягко и нежно зашелестела листва на деревьях, и донеслось вдруг откуда-то издали:

Юноша, здесь я! Иди же скорее!

Видишь, с лучистой звезды я сошла.

Слышишь, на розе поет твоя фея.

Счастье любви я тебе принесла!..

О, ведь он уже слышал эту песню! И вот сейчас... опять!.. Пламя страсти с новой силой вспыхнуло в сердце принца Герадуса.

Юноша, юноша! Где же ты, где ты?
Ищет меня, не найдет!
Странствует он, словно рыцарь, по свету.
То на восток он идет.

То он на север стремится, мечтая
Там свою фею найти...
Звездочка ярко на небе сияет —
Он не собьется в пути!..

— Что?! — воскликнул Герадус. — Значит, не я один ищу эту принцессу? Кто же этот странствующий рыцарь? Как хотел бы я встретить и уничтожить его!..

Ветер словно наделил Герадуса сверхъестественной силой и мощью. Да, но откуда донес ветер эту песню? С запада?.. Конечно, в этом нет сомнения!.. Так вперед, принц Герадус, дальше, на запад! Но... идти пешком? Без оружия? Как же сможет он проникнуть во дворец, в покои принцессы, голос которой так сладок и приятен?.. Ведь на нем совсем простая одежда. Как должен он вести себя, что должен сделать, чтобы чудесная певица, принцесса Запада, полюбила его?

Снова подул западный ветер. И снова послышался голос принцессы, — правда, не так внятно, как прежде, — и был он полон любви и... тоски, да, тоски и печали:

Молодая горлица
В тишине ночной
Горько плачет, заперта
В клетке золотой!..

— О аллах! Как несчастна эта принцесса! Подожди, я вырву тебя из твоей тюрьмы! Певица моя, Звезда Запада, потерпи еще немного... Дедушка... раджа Серак Тасик, все- сильный и всевластный повелитель морей, помоги своему внуку!

Нужен мне крылатый конь,
Конь неудержимый
И горячий, как огонь,
И неуязвимый!
Чтобы каждого пленил
Грацией природной,
Чтобы верным другом был,

Крови благородной!
Чтобы знал, как я влюблен,
Мчался б к ней, как ветер!
Чтобы не боялся он
Ничего на свете!

Сказав так, принц Герадус три раза взмахнул платком раджи Серак Тасика над головой.

И в тот же миг предстал перед ним быстроногий конь, такой красивый, что глаз не оторвешь от него.

Из его ноздрей вырывался пар, словно они были наполнены кипящей водой; он ржал и нетерпеливо перебирал стройными, сильными ногами.

Принц Герадус был прекрасным наездником. Легко и ловко вскочил он на коня и, прищпорив его, направил в сторону запада.

Как быстро помчался конь Герадуса навстречу крепчайшему западному ветру! Казалось, что он не скакал, а летел по воздуху.

— Хэй, друг мой! — ласково сказал принц Герадус. — Если ты будешь так мчаться, у тебя не хватит сил!

— Не беспокойся! — ответил конь. — Я — Кевало, посланец раджи морей Серак Тасика. Море может затопить землю, затопить и разрушить все, что встретит на своем пути. Такова же и моя сила, и она не истощится до тех пор, пока ты не достигнешь своей цели! Куда нести тебя, принц Герадус?

Герадус даже рот от изумления раскрыл, услышав, что конь его умеет говорить. А Кевало спросил еще раз:

— Куда же хочешь ты добраться, принц Герадус?

— Ко дворцу принцессы — дочери раджи Унтэпан-ни-ендо, раджи страны Заходящего Солнца... Ты слышишь, ветер доносит чью-то песню... Кто-то поет...

Молодая горлица
В тишине ночной
Плачет, заливаясь
В клетке золотой...

Действительно, послышалось далекое пение.

— Будь осторожен, хэй, друг мой! — сказал Кевало, чуть замедляя свой бег. — Наш путь туда полон опасностей. Мы должны очень остерегаться, чтобы не попасть в беду. В царстве раджи страны Заходящего Солнца много злых,

завистливых людей. Ни один чужеземец не может там быть спокоен за свою жизнь.

— Если так,— ответил принц Герадус,— то лучше мне сначала запастись хорошим оружием, с которым я буду непобедим.

— Нет,— сказал Кевало,— это бесполезно. Никто и никогда не победит раджу Унтэпан-ни-ендо силой оружия.

— Но как же тогда?..

— Победить его можно только силой Любви и Дружбы, которые покоряют сердца, как сиянье полной луны, радующее все живое на земле. Мы должны явиться в царство Унтэпан-ни-ендо посланцами Добра и Красоты. Ведь только они привлекают человеческую душу. Лишь любовью и лаской сможешь ты завоевать сердце принцессы Запада, освободить ее из золотой клетки и увезти в свою страну. Будь честен, добр и благороден! Любовь к людям поможет тебе достичь любой цели! За искренность и терпеливость ты будешь достойно награжден! Таков наказ раджи Серак Тасика.

— Хэй, Кевало, ты молод и горяч, сердце твое полно страстей, почему же говоришь ты, как старый-старый, дряхлый дед?

— Ты объят пламенем любви и дымом фантазий, друг мой, поэтому затуманен твой разум и беспокойны твои мысли. Человек, которым владеет страсть, думает, что и других булбуревуют страсти,— ответил Кевало.

Помолчав, спросил принц Герадус:

— Как же все-таки попасть нам во дворец раджи Унтэпан-ни-ендо?

— Если скажет раджа Серак Тасик, чтобы луна Мира и звезда Любви осветили твой лоб, то добром и с охотой встретит нас народ страны Заходящего Солнца.

— Тогда остановись на минутку, Кевало, я попрошу дедушку Серак Тасика об этом.

И, прыгнув с коня, достал принц Герадус волшебный платок, помахал им три раза над головой и высказал свои желания.

14. ГОРЛИЦА В ЗОЛОТОЙ КЕТКЕ

Под золотыми лучами заходящего солнца сверкает разноцветными огнями дворец раджи Унтэпан-ни-ендо. Его охраняет множество вооруженных до зубов воинов. Воздвигнутый на массивном фундаменте из морского камня,

дворец возвышается над верхушками самых высоких деревьев. Это дворец-крепость, взять которую врагу почти невозможно: ведь он весь, и даже крыша его, сделан из морского камня. В стенах, окружающих дворец,— бесчисленные отверстия бойниц. Из них солдаты обстреливают приближающегося врага.

И не бывало еще, чтобы враг, вторгшись во владения раджи Унтэпан-ни-ендо, уходил обратно безнаказанно: его всегда ждала здесь гибель.

Никогда и никто еще не побеждал в бою войско раджи Унтэпан-ни-ендо, и в конце концов подчинил он своей власти раджей и Востока, и Юга, и Севера,— все они обязаны были платить ему дань.

Власть сделала раджу Унтэпан-ни-ендо человеком гордым и надменным. Он считал, что только силой оружия можно править миром.

Но в то же время огромная власть, которую он имел, не радовала его сердце. Раджа никогда не чувствовал себя спокойно и безопасно: он всегда боялся, что вдруг кто-нибудь сумеет победить его!.. Поэтому без конца увеличивал он свое войско, вооружал его самым отборным оружием. И все-таки сомнения и подозрения непрерывно терзали его душу.

Поэтому раджа Унтэпан-ни-ендо постепенно превратился в мрачного и жестокого человека, власть которого держалась только силой оружия. И хотя народ стонал от его жестокости и произвола, все молчали, ибо так боялись раджу, что никто не осмеливался даже рта перед ним раскрыть.

Дочь свою, прекрасную принцессу Вангунати, он заточил во дворце, запретив ей выходить из него, а каждого юношу, который хотел жениться на принцессе, принимал за коварного врага, который думает лишь о том, как бы завладеть его царством.

Радже и в голову не приходило, что жизнь человека не вечна, как не вечна и его власть; он не хотел видеть, что с каждым годом становится старше и слабее. Он никому не доверял и всех подозревал в измене, всех, даже своих собственных детей...

Разве не сожмется от жалости сердце при виде вечно грустящей в одиночестве принцессы Вангунати! Не находя себе места, бродит она по огромному, почти пустому дворцу или часами сидит неподвижно, устремив печальный взор на окружающие дворец высокие толстые стены... Эти стены

словно насмеваются над принцессой. Где-то там, за ними, широко и вольно раскинулись просторы настоящей Жизни. Там — богатства Мира и красоты Природы, там — Любовь и Счастье... Только оттуда может прийти за ней ее рыцарь, ее освободитель... Но где же он? Кто вырвет прекрасную Вангунати из этого плена?..

Заходит солнце. Вот уже почти скрылось оно за дворцовыми стенами, померкли его предвечерние лучи, окрашивавшие все вокруг мягким, золотистым цветом.

— О аллах! — тяжело вздыхает принцесса Вангунати. — Кто же даст мне свободу?..

Ветер подхватывает эти терзающие душу слова принцессы и уносит их куда-то вдаль...

Томится красавица Вангунати от любовной тоски. Осаждают ее сладостные мечты, тайные желания...

Хочу бежать, но нет дороги!

Цепями скованные ноги

До счастья не дойдут.

Хочу любить, но нет мне доли,

И тело и душа — в неволе,

Я гибну, гибну тут!..

Кто успокоит, кто приласкает несчастную девушку? Ее отец, раджа Унтэпан-ни-ендо? Но она никогда не слышала от него ни одного ласкового слова. Только иногда прилетит ветерок, чтобы немножко утешить принцессу; нежной прохладой овеивает он ее сердце, словно обнимает его и укачивает в уютной, покойной колыбели забвения; уносит ее песни, полные любви и грусти, далеко-далеко через высокие стены дворца, чтобы поведать людям о горестной судьбе прекрасной Вангунати:

Смерть приходит за моей душой:

«Все равно ведь ты умрешь от горя!»

О любимый! Страшно мне одной,

Как песчинке в необъятном море!..

Любимый?.. Да, у нее есть любимый — старший брат. Но он уже давно убежал тайком из дворца и покинул пределы родного царства, не вытерпев жестокостей сурового отца, раджи Унтэпан-ни-ендо. Это его, своего брата, так часто зовет она по ночам...

Был он способен и учен, честен и мудр. Его познания в магии были так велики и разнообразны, так хорошо

овладел он ее тайнами и секретами, что народ, изумленный искусством юноши, прозвал его Принцем-Чародеем.

И очень удивлялись люди, почему же с помощью магической силы не может Принц-Чародей освободить любимую сестру от цепей одиночества, в которые заковал ее раджа Унтэпан-ни-ендо. Неужели его отец еще более искусный чародей, чем он сам?

Нет, это было не так.

Принц-Чародей всегда хотел, чтобы изменился его отец, не был бы таким жестоким. Он хотел помирить отца с дочерью... И не только с дочерью, но даже и с другими раджами, ибо считал, что власть, основанная на мире и дружбе, куда прочнее, чем власть, которая держится на страхе и насилии.

Как наследник раджи, Принц-Чародей сядет на трон после смерти своего отца. Но разве можно править страной, если она окружена врагами?

Принц хотел, чтобы весь народ страны Заходящего Солнца полюбил его, потому что, если народ любит своего раджу, легко управлять царством. Принц хотел, чтобы повсюду наступил мир, потому что мир несет с собой дружбу и спокойствие, процветание и счастье для всех людей.

Если объединятся раджи Севера и Юга, Востока и Запада, если будут связаны они миром и дружбой, если будут царить среди них доверие и уважение друг к другу — как много счастья и покоя принесет это каждому человеку!

Да, много хорошего и доброго мечтал сделать Принц-Чародей, но в своем царстве, где властвовал его жестокий отец, он не смог ничего добиться...

И тогда Принц-Чародей исчез неизвестно куда, и никто не знал, где он теперь, что с ним. Напрасно призывала его красавица Вангунати, напрасно молился народ о его возвращении. Принц-Чародей не вернулся в царство Унтэпан-ни-ендо...

А что же раджа? О, он очень гневался на сына! А мать принца? Она умерла, умерла от горя, что не увидит больше своего любимого мудрого Принца-Чародея, умерла, не вынеся сурового холода ледяного сердца раджи...

Хочу на берег — весел нет,
Хочу поплыть — но где взять силы?
Что делать?! Волны мне в ответ
Хохочут: «Здесь твоя могила!»...

Чей это голос?

Принцессы Вангунати.

И, заслышав его, все солдаты, охранявшие дворец, опустили головы: грустные песни прекрасной, молодой пленницы трогают их души, волнуют их сердца. Одно лишь сердце — сердце ее отца, раджи Унтэпан-ни-ендо, остается твердым как камень.

Тускнеют и гаснут солнечные лучи. Кажется, что сгущающаяся темнота давит на диск заходящего солнца; еще момент — и оно скрылось там, где кончается небо. Наступила ночь. Но что это? Облака на западе окрасились в багрово-красный цвет, будто они залиты кровью, как поле жестокой битвы, на которое слетелись кровожадные духи войны и смерти. Это знак великого горя и печали небес.

Да, горюет принцесса Вангунати, горюет и природа. Так говорили все, кто слышал печальное пение прелестной горлицы в золотой клетке.

15. КАК ВСТРЕТИЛИСЬ ПРИНЦ ВОСТОКА С ПРИНЦЕССОЙ ЗАПАДА

Полнолуние...

Небо на востоке светлеет, горизонт озаряется широким сиянием; и вот, как огромный сверкающий бриллиант, выплывает яркая-яркая круглая луна. Медленно поднимается она по небу...

Вот она улыбнулась лукаво, словно небесная фея, принцесса богов. Она щедро заливает землю лучами своего волшебного света — света любви, радости, красоты.

Вдруг зажглась рядом с луной сверкающая звезда, подобная прекрасной жемчужине. И тем, кто задумчиво и мечтательно смотрит на эти два чудесных светильника, кажется, что они видят нежную влюбленную пару. Сближаясь, луна и звезда словно расточают навстречу друг другу обильные лучи любви, объятий, поцелуев; и сердца и души их сливаются воедино.

Луна и звезда!.. Как будто взяли за руки прелестная принцесса и отважный красавец принц! Так думала, смотря на эти ночные светильники, принцесса Вангунати.

Но разве сама принцесса не так же хороша, как эта полная луна, чья затаенная улыбка и тревожит, и ласкает ее сердце?

О да! Принцесса Вангунати подстать великолепной луне!

Луна Любви, луна Мира!

Но кто же он и где он, тот принц, что подобен лучистой звезде, осыпающей луну любовными ласками? Кто полюбит принцессу Вангунати и освободит ее из дворца-тюрьмы, окруженного высокими стенами?

— Привет и счастье, принцесса Запада! — донесся вдруг до нее чей-то приглушенный голос.

Обернулась Вангунати, посмотрела налево, направо... Никого! Даже тени ничьей не видно.

Все ярче сияет луна, все ослепительнее сверкает звезда.

— О аллах! — вздохнула принцесса Вангунати, и голос ее трепетно задрожал от любовного томления.

Но вдруг исчезли и звезда, и луна, будто проглоченные наплывшими на них облаками. Подул восточный ветер и принес на своих крыльях песню, которую пел приятный мужской голос:

Я ни разу с дороги не сбился,
Хоть не раз я в опасности был,
Потому что к тебе я стремился,
Цель заветную в сердце носил!

Изумилась принцесса Вангунати, и глаза ее засияли светом тайной надежды...

Да, к ней обращены слова этой песни. Ей пел мужчина. Но кто же он? Кто не раз испытал опасность, стремясь к принцессе Вангунати? И какую заветную цель носил он в своем сердце? Неужели это он, ее рыцарь, тот, кто полюбит и выпустит молодую горлицу из золотой клетки?..

И запела принцесса Вангунати:

О сжался, судьба! Я томленья полна,
Объята любовною страстью!
Я чашу страданья испила до дна,
Так дай мне хоть капельку счастья!..

И едва пропела она эти слова, как внезапно появился перед ней быstroногий чудесный конь, а на нем — юноша невиданной красоты.

Быстро спрыгнул юноша с коня и, поклонившись, сказал:

— Привет и счастье, принцесса Запада!

Но Вангунати была не в силах ответить ему: она так испугалась, увидев неожиданно появившегося перед ней юношу, что лишилась чувств.

— О принцесса! — прошептал юноша, нежно касаясь ее плеча.— Встань... Очнись!..

Медленно-медленно открыла Вангунати свои большие лучистые глаза.

— О!..— вздохнула она, от волнения с трудом переводя дыхание и с удивлением глядя на склонившееся над ней прекрасное лицо незнакомого юноши.— Кто ты, мой господин?

— Сын раджи Востока!

— Как смог ты проникнуть в этот дворец?

— На моем крылатом коне! Он разумен, мудр и верен мне.

— Господин мой попал в логово тигра! Я заточена в этом дворце моим отцом. Я не могу убежать отсюда: снаружи так много солдат!.. Если мой господин попадетсЯ в их руки — знает ли он, что ждет его?

— Что?

— Еще ни один юноша не возвращался отсюда живым! Господин мой должен быстрее покинуть этот дворец! Здесь царит жестокость, и палач все время жаждет человеческой крови. Отец мой ненавидит всех людей.

— Пусть моя принцесса будет хоть в самой пасти у Великана-Чудовища, пусть горит в огне весь мир, все равно я...

— Господин мой слишком смел!..

— Я твой слуга. Я верю в науку моего дедушки, раджи Серак Тасика, который повелевает всеми океанами и морями большими и малыми!

— Какая же это наука?

— О, это лучшая из наук! Она приносит людям мир, дружбу и любовь. Я хочу, чтобы не было войны между нашими царствами, хочу жить в мире с отцом принцессы Запада. Ветер принес мне весточку о твоей судьбе — и вот я здесь!..

— О, если господин мой так разумен и мудр!..

Сказав это, принцесса Вангунати прервала свою речь, потому что стыдно было ей открыть свои чувства незнакомому юноше.

Жажда счастья!.. Ей было тесно в груди принцессы, она рвалась наружу.

И, борясь со стыдом и сомнениями, заплакала вдруг принцесса Вангунати...

— О госпожа моя, прекрасная принцесса Запада! Когда ты плачешь, разрывается от горя мое сердце. Скажи мне,

что случилось? Слуга твой с охотой сделает все, что прикажет ему принцесса!

— Как смею я просить о чем-либо моего господина? Ведь он только первый раз видит меня.

— О, не сердись, но та весть, которую принес мне ветер, уже соединила наши сердца и души!

— О какой вести говорит мой господин?

— О песне твоей, о прекрасная принцесса Запада! Она так хороша! У нее такие могучие крылья, что она взлетела выше облаков и достигла Восточного царства — родины твоего слуги. Песня твоя повелевает ветрами, и они разносят ее по всему свету, чтобы поведать людям о печальной судьбе принцессы Запада.

Услышав нежные слова принца Герадуса, принцесса Вангунати решила открыть ему свою душу. И сказала она:

— Да, господин мой, нет несчастнее моей судьбы. А тот, кто несчастен, не может принести счастья другому.

— Охотно разделю я с принцессой ее судьбу. Пусть она не боится: плечи ее слуги достаточно широки и крепки!

— О, как я благодарна моему господину за эти слова! Но они могут сделать его несчастным. Он уже знает о жестокости моего отца. Сердце мое разбито горем, а если и господина моего постигнет несчастье, это сведет меня в могилу!

Понял принц Герадус, что прекрасная принцесса Запада отвечает на его любовь любовью. И он запел своим звучным, приятным голосом:

О любимая, послушай мольбу мою!

Все — и жизнь и любовь — я тебе отдаю.

Пусть же сердце твое отзовется в ответ:

Я нашел, что так долго искал, или нет?

Несказанно возрадовалось сердце принцессы Вангунати, когда услышала она эту песню, но сдержала принцесса свои чувства к этому прекрасному юноше и только запела в ответ:

Пусть исчезнут навек и тоска и печаль!

Сердце, песню о радости пой!

И на крыльях любви унесемся мы вдаль.

Ты найдешь свое счастье со мной!

— Любимая! — радостно воскликнул принц Герадус и нежно обнял прекрасную Вангунати.

— Любимый!.. — тихо прошептала она.

16. ИСПЫТАНИЕ

Как только слышал раджа Унтэпан-ни-ендо, что во дворце раздался чей-то мужской голос, он тут же появился в покоях принцессы Вангунати в сопровождении нескольких десятков стражников и их военачальника.

— Ага! — вскричал раджа, увидев принца Герадуса и решив, что тот хочет похитить его дочь. — Ты что задумал, негодяй? Да знаешь ли ты...

— Знаю! — смело и решительно прервал его принц Герадус. — Да, господин мой, повелитель мира, твой слуга знает, что Мир и Любовь приведут нас к дружбе. Ему известно, что раджа Унтэпан-ни-ендо хочет безопасности и спокойствия для своих владений, хочет, чтобы весь народ был верен и предан ему, чтобы все другие раджи с почтением и любовью повиновались велениям моего господина.

Слуга твой прибыл в этот дворец на своем крылатом коне по имени Кевало. Он пришел с чистым и честным сердцем. Его привела сюда любовь, безграничная любовь, господин мой! Эту любовь подсказали мне звезды. Звезда Востока и звезда Запада соединились, они сияют, благословляя Радость, Спокойствие, Мир и Любовь.

О господин мой, повелитель мира! Твой слуга просит: сдоблаговоли соединить священными узами взаимной любви прекрасную принцессу Вангунати с...

— Кто ты?

— Сын раджи земель Восходящего Солнца Танакни-во-ендо.

— Хм, хм! — произнес раджа Унтэпан-ни-ендо. — Ты сумел проникнуть в мой дворец, и я уважаю твою храбрость, хотя ты можешь быть за свою дерзость повешен. Ты умеешь красноречиво говорить, и это я ценю высоко, но все же ты должен покинуть мой дворец!

— Прости, господин мой, прими тысячу извинений, но... слуга твой не хочет расставаться с твоей дочерью, принцессой Запада, не хочет оставлять ее здесь одну!

— Хэй, наглый упрямец, ты осмеливаешься противоречить мне? Ты еще не знаком с моим палачом?

— О господин мой, напрасно ты пугаешь меня палачом, я не боюсь его! Не испугаюсь я даже всего твоего войска, пусть оно будет вооружено до зубов, потому что в сердце моем пылает такая любовь, сильнее которой ничего нет на свете!

Услышав такие смелые слова принца Герадуса, раджа Унтэпан-ни-ендо даже немного испугался.

«О, это очень сильный и опасный враг,— подумал он.— Только хитростью смогу я победить его».

— Значит, ты хочешь жениться на моей дочери? — спросил он принца Герадуса вкрадчивым голосом.

— Да благословит аллах доброту моего господина!

— Подожди. Знаешь ли ты свадебные обычаи нашего царства?

— Знаю, господин мой!

— Хорошо! Так слушай. Принцесса — моя единственная, любимая дочь, я души в ней не чаю. Потому-то и приказал я моей страже охранять принцессу, днем и ночью оберегать ее покой. Но мое войско должно быть хорошо вооружено, и я трачу на это очень много денег. Если ты хочешь взять в жены мою дочь, ты должен наполнить казну моего царства серебряными монетами, а казну моего дворца — золотыми.

— Я выполню это условие, господин мой! Пусть в следующую пятницу все подданные этого царства соберутся здесь, у стен дворца моего господина, чтобы я мог дать каждому из них по серебряной монете. Я исполню желание раджи Унтэпан-ни-ендо!

— Я согласен,— ответил раджа.— А теперь иди!

Про себя же раджа довольно рассмеялся, подумав: «Дочь я ему все равно не отдам, а его деньги помогут мне расширить мои владения и еще больше увеличить могущество моего царства».

Прошла неделя.

Густые толпы простого народа, сотни солдат заполнили площадь перед дворцом раджи. Всем очень хотелось увидеть принца, который так богат, что может каждого наделить серебряной монетой.

Принцесса Вангунати сидела на дворцовой веранде и с замирающим от волнения сердцем ожидала появления принца Герадуса...

Как добудет принц Герадус так много денег для народа раджи Унтэпан-ни-ендо? Да это же очень просто! До тех пор пока с ним волшебный платок дедушки Серак Тасика, любое его желание будет исполнено!..

И вот, прищипорив своего верного Кевало, помчался принц Герадус ко дворцу, полный радужных надежд.

— О принцесса Вангунати, мой бесценный бриллиант!..— подъезжая к дворцу, воскликнул он при виде прекрасной дочери раджи.

И вдруг главный военачальник громко закричал:

— Стрелять!

Но никто из стражников, охранявших дворец, даже не пошевелился. Они слышали, как понеслись над площадью восторженные крики народа:

— Ура-а!.. Ура-а!.. Принц!.. Богатый принц!..

Улыбнулся Герадус. Душа его ликовала: он видел, как тепло, по-дружески приветствовал его народ, он был уверен, что теперь-то принцесса Вангунати станет его женой, потому что он исполнял свое обещание.

— О господин мой! Тысячу добрых пожеланий и благословений шлют тебе с твоим слугой боги и богини! — почтительно промолвил принц Герадус, когда, раздав народу деньги, предстал он перед раджей Унтэпан-ни-ендо, который гордо восседал на своем троне.

По правую руку от раджи сидела принцесса Вангунати, окруженная своими служанками. При виде принца, которого она успела полюбить, сильно-сильно забилося ее сердце, будто хотело выскочить из груди.

— Ты можешь сесть! — милостиво изрек раджа, хотя на самом деле он был очень раздосадован: в точности исполнив свое обещание, принц Герадус доказал, что обладает куда большей магической силой, чем сам он, раджа Унтэпан-ни-ендо...

— О господин мой, повелитель мира! Слуга твой просит...— начал было Герадус, но раджа прервал его:

— Потерпи еще немного! Если сейчас мы будем слишком спешить, то потом нас постигнет несчастье. Свадьба моей дочери должна быть такой роскошной, чтобы ничто не могло с ней сравниться! Пусть, услышав о ней, весь мир будет потрясен от изумления. Сможешь ли ты выполнить мою просьбу?

— Пусть господин мой скажет, что я должен сделать,— спокойно ответил принц Герадус.

— Так слушай! Ты приедешь за принцессой в карете, целиком сделанной из золота. В нее должен быть запряжен конь, быстрый как ветер, с золотой гривой, золотыми копытами и золотым хвостом. Пусть он промчит карету по дороге, уставленной глиняными тарелками, наступая на них со всей силой. Но ни от ударов его копыт, ни от тяже-

сти колес золотой кареты ни одна тарелка не должна разбиться!

Так сказал раджа Унтэпан-ни-ендо. И как только услышала принцесса Вангунати эти слова, горько расплакалась она, зная, что желание ее отца исполнить невозможно. Но когда принц Герадус сказал радже, что через семь дней он выполнит и это условие,— вновь возродилась надежда в ее сердце.

...Прошла еще неделя.

Принц Герадус пристально посмотрел на небо. Он увидел мерцающий блеск круглой луны и лучистое сиянье яркой звезды, которое показалось ему золотым дождем, обильно орошающим землю.

Принц Герадус достал свой волшебный платок и попросил у раджи Серак Тасика все, что пожелал раджа Унтэпан-ни-ендо.

И в тот же миг спустилась с неба, будто посланная богами и богинями, сверкающая золотом карета необыкновенной красоты. И был впряжен в нее быстроногий красавец-конь; он помахивал гривой, словно стряхивая с нее золото; хвост его шевелился, как живая прядь золотых волос; он перебирал ногами, и горели огнем его золотые копыта, а из ноздрей вырывались клубы пара.

Удила и поводья у коня тоже были золотыми, а бархатное седло, расшитое золотом, было унизано перламутром и жемчугами.

...Перед принцем Герадусом простерлась длинная дорога, извивающаяся, как огромная змея, и сплошь покрытая глиняными тарелками. Белые и чистые, они так ярко сверкали, отражая блеск луны и звезды, что можно было ослепнуть, глядя на них.

Сел принц Герадус в золотую карету и помчался по этой дороге быстро, как ветер, ко дворцу раджи Унтэпан-ни-ендо.

И радовалось его сердце, потому что чувствовал он, что и карета, и тело его легки, как хлопок!..

Только позвякивали под колесами золотой кареты глиняные тарелки, но ни одна из них не разбилась!

Увидев такое чудо, несказанно изумился раджа Унтэпан-ни-ендо. И смягчилось его сердце, ибо непостижима была магическая сила и несравненна красота принца Герадуса.

Улыбнулся раджа, нежно и ласково посмотрел он на

сияющее радостью лицо юноши, подобное полной луне, излучающей чудесный свет.

И приветственно закричал народ, вышедший навстречу доброму и прекрасному принцу.

А что же принцесса Вангунати?

Неожиданно преобразились ее одежды, словно у бабочки, только что вылетевшей из кокона. Бархат и бриллианты, жемчуг и перламутр засверкали на ней так, что невозможно было оторвать от нее глаз. Когда она двигалась, казалось, что с ее одежд обильным потоком струится золото.

Весело улыбался и одобрительно кивал головой раджа Унтэпан-ни-ендо. Наконец-то, как дым, раздуваемый ветром, исчезли из его сердца сомнения и подозрения, и от суровой жестокости его не осталось и следа.

Так радостный свет дня изгоняет мрачную темноту ночи.

Остановив коня, легко спрыгнул принц Герадус на землю и, подав руку принцессе Вангунати, сказал ей:

— Золотая карета ждет тебя, о любимая!

— Да, да, садись в нее, дитя мое! — промолвил раджа Унтэпан-ни-ендо, с любовью и нежностью смотря на свою дочь.

17. НА ВОЛШЕБНОМ КОРАБЛЕ

— Где мой любимый смог добыть столько богатства, которым он так щедро наделил народ моего отца? — спросила Герадуса принцесса Вангунати, когда их бракосочетание было навеки скреплено перед лицом всех старейшин царства Унтэпан-ни-ендо. — И кто научил его искусству магии?

— О любимая, — ответил принц Герадус, — лучше ты не спрашивай меня об этом, иначе мы можем подвергнуться тяжелым испытаниям и опасностям.

Но принцессе Вангунати очень хотелось узнать тайну своего мужа, и она капризно сказала:

— Если у моего любимого есть секреты даже от меня, значит он мне больше не доверяет.

— Потерпи немножко, — ласково попросил ее Герадус. — Я расскажу тебе все, как только мы прибудем в царство моего отца, раджи Танак-ни-во-ендо!

— Нет, видно, мой любимый не очень любит меня!

— О, не надо так говорить, прошу тебя! — огорченно воскликнул принц Герадус, целуя свою жену.

Однако не удалось Герадусу уговорить принцессу Вангунати подождать до их прибытия в Восточное Царство, и так как он очень любил жену, то был вынужден рассказать ей о волшебном платке и радже Серак Тасике.

— Как искусен, богат и всемогущ этот чародей! — воскликнула принцесса Вангунати, выслушав рассказ своего мужа. — А теперь мой любимый может взять меня к своим родителям, в царство Танак-ни-во-ендо.

— Хорошо! Но я должен сказать тебе, что я убежал из дворца раджи, моего отца, потихоньку, тайком. Что ответит на это моя любимая?

— Ты шел сюда один, без войска?

— Да, меня сопровождала только моя собственная судьба. Дорога счастья и несчастья, удач и неудач привела меня к моей любимой. С войском я не смог бы проникнуть в этот дворец. Я пришел сюда с миром и любовью, ибо только так мог я достигнуть своей заветной цели!

— Тогда и я войду в дом моего любимого с миром и любовью!

— Любовь моя к тебе беспредельна, как море! — нежно и радостно сказал принц Герадус, обнимая принцессу Вангунати.

...На побережье.

Море спокойно. Воды его чисты и ясны, как стекло.

Тишина... Ни малейшего дуновения ветерка. На небе — ни облачка. Прохладный утренний воздух приятно освежает тело...

— Ах, любимый, как же мы с тобой поплывем? Здесь так пустынно и не видно никакого корабля. Почему же мы пришли сюда? Ведь десятки кораблей моего отца стоят в большой бухте.

— Потерпи немножко, моя любимая!

— Но я не вижу даже ни одной лодки! Разве корабль подойдет к такому заброшенному месту? Мы будем ждать его до самой смерти!

— О любимая, ты недовольна, и слова твои больно ранят мое сердце! Нам осталось ждать совсем немного. Лучше всего, если моя любимая поспит, ведь она утомилась в дороге.

— Спать ранним утром?

— О, это неважно. Но если ты не хочешь сейчас спать, пусть развлечет тебя твоя служанка.

— Хорошо! — ответила принцесса Вангунати.

Она позвала свою служанку, которую они взяли с собой в путешествие, и через некоторое время, наговорившись вдоволь, обе женщины прилегли отдохнуть.

Тогда подошел принц Герадус к самому морю, вынул свой волшебный платок и попросил у раджи Серак Тасика то, что ему было нужно.

И появился перед ним большой трехмачтовый корабль, палуба которого была заполнена матросами, которые ожидали принца Герадуса.

Подул ветер, и на поверхности моря заиграли небольшие волны; одна за другой шаловливо наскakивали они на песчаную отмель побережья.

— Проснись, любимая моя, мы можем отплывать!

— Корабль... здесь? — удивилась принцесса Вангунати. — Откуда он появился?

— Из моря, — засмеялся Герадус. — Идем же, сядем на него. Нам надо плыть на восток, и ветер как раз попутный. Это очень хорошо!

Когда, довольные и счастливые, принц Герадус и принцесса Вангунати поднялись на борт корабля, матросы встретили их приветственными криками. Долго пели они и хлопали в ладоши от радости, что видят детей раджи Та-нак-ни-во-ендо и раджи Унтэпан-ни-ендо.

Но вот матросы распустили паруса, и корабль понесся по ветру, быстро покрывая морские просторы и минуя многочисленные острова. Радовались матросы. Еще больше повеселела принцесса Вангунати, и в сердце ее все возматрала любовь к принцу Герадусу.

Счастливым супругам даже в голову не приходило, что их безоблачное счастье и блаженство может быть кем-то или чем-то нарушено. Как две весело порхающие бабочки, они были неразлучны и предавались любви, бесконечным поцелуям и ласкам, забыв обо всем на свете.

А между тем их любви и счастью угрожала страшная опасность. Несчастье, как бывает всегда, выжидало лишь удобного момента для того, чтобы обрушиться на свои жертвы. Оно притаилось, как тигр перед прыжком, или как вор, высматривающий себе поживу и готовый совершить тяжкое преступление.

Но принцесса Вангунати и принц Герадус даже не подозревали об этом. Они совсем ни на что не обращали внимания, проводя все время в любовных утехах.

Молодых людей сопровождала в путешествии служанка, женщина на вид славная и добродушная. Принцесса ее очень любила и доверяла ей во всем. Эта служанка хорошо умела располагать к себе людей, завоевывать их сердца и души. Чем дальше, тем больше нравилась она принцу Герадусу своей верностью, преданностью и услужливостью. И он был совершенно спокоен, оставляя принцессу Вангунати вдвоем со служанкой, когда ему приходилось самому вставать за руль и вести корабль.

С каждым днем, с каждым часом все более беспокойным становилось море, все выше и тяжелее волны. И настало время, когда принц Герадус уже не мог доверить руль никому другому, так как ветер часто менял направление и корабль то и дело отклонялся от своего курса. Принц Герадус был и капитаном и рулевым этого волшебного корабля — ведь он хорошо разбирался в астрономии и морском деле.

18. ВЕРОЛОМНАЯ СЛУЖАНКА

Сгущаются сумерки. Облака становятся все темнее и темнее. Они быстро плывут по небу, и лишь изредка в разрывах между ними то там, то здесь поблескивают далекие звезды, луны не видно совсем. Крепчает ветер.

Через некоторое время начинается сильный дождь. Потоки его обрушиваются на палубу корабля с таким шумом, что не слышно даже голосов людей.

Принц Герадус тревожно всматривается в небо. Если начнется шторм, корабль может постигнуть беда!

Крепко сжимая в руках рулевое колесо, принц призывает свернуть часть парусов. Все вокруг окутано плотным, непроницаемым мраком. Волны со страшной силой бьют по бортам корабля, и кажется, что он вот-вот не выдержит и будет смят, разломан, уничтожен!..

Несмотря на это, все на корабле спокойны; только принца Герадуса гнетет какое-то смутное беспокойство: из-за этой так некстати поднявшейся бури он вынужден быть вдали от своей любимой жены. К тому же буря задержит их приезд в царство Танак-ни-во-ендо...

Однако принцесса Вангунати тем временем совсем неплохо проводила время со своей служанкой, оживленно болтая с ней о самых разных вещах и нисколько не заботясь о том, что творится вокруг. Обе женщины чувствовали себя прекрасно и даже не страдали от качки.

— Скоро мы уже приплывем в страну нашего принца, — сладким голосом сказала служанка принцессе Вангунати.

— Да!.. Тебе тоже очень хочется скорее увидеть царство Тана-ни-во-ендо?

— О, конечно, моя госпожа! Но... Я слишком плохо одета. В таком виде неудобно показаться на глаза радже этого царства, отцу принца.

— Не беспокойся! Я дам тебе все, что ты пожелаешь.

— Как я буду счастлива, если у меня будет такой же красивый браслет, как у моей госпожи принцессы!

— Этот, который надет на моей руке? Может быть, он не подойдет тебе? Хочешь примерить?

— О да, очень хочу!..

И сняла принцесса Вангунати браслет со своей руки, а служанка надела его и оставила себе.

— А этот гребень для волос моей госпожи, как он красив! — снова сказала служанка, хлопая в ладоши и расхваливая украшения своей принцессы.

— Возьми и гребень! — ответила Вангунати, и служанка украсила им свои волосы.

— И это нарядное платье госпожи принцессы!..

— Возьми и его!

— И золотая булавка с бриллиантовой головкой... О, какая прелесть!

— Возьми!

И так почти все сняла с себя и отдала своей служанке добрая принцесса Вангунати, а на ней остались лишь чулки и пояс.

...Ветер! Бушует гроза!

— О госпожа моя! Взгляни скорей в окно на эту молнию! — громко воскликнула служанка.

Принцесса Вангунати быстро подбежала к окну и... в этот момент служанка вдруг схватила ее сзади и бросила в море.

— Помогите! — раздался отчаянный крик принцессы.

— Нет, лучше будет, если ты утонешь! — издевалась над ней подлая служанка.

— На помощь! — изо всех сил кричала принцесса Вангунати.

Но сильный грозовой ветер подхватывал ее слова и уносил их вдаль.

Выбиваясь из сил, принцесса судорожно искала руками что-нибудь, за что можно было бы уцепиться. Увидев в воде перед собой киль корабля, она крепко ухватилась за него и крикнула:

— О мой любимый, помоги, спаси меня!

Тишето! Никто не слышал ее криков! И все же она продолжала звать на помощь, обливаясь горькими слезами.

Слушай! Слушай, принц Герадус, твоя принцесса в опасности!..

Наконец ветер донес ее жалобный стон до корабля. Услышав голос своей госпожи, служанка ее громко закричала:

— Молчи, хэй, сумасшедшая!.. Все равно, сколько бы ты ни кричала, никто тебя не услышит в такую бурю!

Принцесса Вангунати еще и еще призывала своего любимого спасти ее, но безжалостная служанка нарочно заглашала ее голос своими криками.

Отчаяние охватило душу принцессы.

Силы оставили ее, руки, охватившие киль, разжались... и волны понесли ее прочь от корабля...

— О любимый мой, о принц Герадус! — в последний раз крикнула принцесса.

И тут случайно подувший с ее стороны ветер донес эти слова на корабль. Услышал их принц Герадус, и кровь застыла у него в жилах.

Приказав одному из матросов встать за руль, он быстро побежал по палубе в ту сторону, откуда только что донесся голос его жены.

Поздно!.. Бушующие волны уже отнесли принцессу Вангунати далеко-далеко.

— Кто это сейчас кричал? — спросил матросов принц Герадус.

— Мы ничего не слышали! — ответили они.

— Это, наверное, просто ветер! — сказал один из матросов, старый моряк.

И принц Герадус вернулся на свой пост.

...Когда уже не стало слышно криков о помощи и веро-

ломная служанка решила, что принцесса Вангунати утонула, она очень обрадовалась.

— Теперь принц Герадус будет принадлежать мне! — сказала она. — Для этого я должна стать похожей на принцессу Вангунати.

А принцесса уже восемь месяцев была беременна.

Поэтому служанка разыскала маленький бочонок, обернула его одеялом, обмотала веревками и подвязала к своему животу; теперь она стала похожа на беременную. Потом она взяла немного фимиама, сожгла его, пробормотала какие-то заклинания, назвав при этом несколько раз имя принца Герадуса, и уснула в постели своей госпожи.

Вскоре в каюту вошел Герадус. Очень уставший, он сразу же лег рядом со служанкой, которую теперь трудно было отличить от принцессы Вангунати.

— Любимый мой устал! — шепнула нежно служанка и погладила волосы принца.

— О, эта ужасная буря!.. Удача изменила нам... Ветер и гроза! — вздохнул Герадус, закрывая глаза.

— Спи, мой любимый!

— Ах, любимая, недавно я слышал крик и подумал, что тебе угрожает смертельная опасность.

— О, это тебе только показалось!

— Но кто же кричал?..

— Твоя любимая.

— Но почему?

— Пусть мой любимый лучше уснет, чтобы он не ослаб еще больше и не заболел.

— Наверное, ты хотела только напугать меня?

— Да, мне так хотелось, чтобы мой любимый скорее пришел ко мне!

— Но... Странно! Крики доносились откуда-то из-под кормы!

— Это ветер пошутил с моим любимым. Он дул и слева, и справа, со всех сторон, поэтому мой голос слышался отовсюду.

— Значит, так и было... А где же наша служанка?

— Она давно уже спит.

— Где?

— В своей каюте. Спи, мой любимый, уже поздняя ночь!

И принц Герадус уснул крепким сном.

19. В СТРАДАНИЯХ И МУКАХ

Море и волны, ветер и гроза!

Они словно сговорились погубить несчастную принцессу Вангунати, которую морские волны относили все дальше и дальше от корабля принца Герадуса.

На свое счастье увидела она проплывавшее мимо бревно, ухватилась за него, и это спасло ее от смерти.

Уже много часов море влечет куда-то принцессу Вангунати; принося ей невероятные страдания, быют ее тяжелые волны.

Все больше слабеет принцесса, все меньше надежды на спасение. Только что наслаждалась она счастьем, и все было так чудесно, а теперь ей угрожает смертельная опасность...

Неожиданно налетела на нее огромная волна. Бревно выскользнуло из рук принцессы Вангунати, и она стала тонуть.

Но... эта же волна и помогла принцессе. Ее удар отбросил принцессу в сторону, и она попала в струю сильного течения, которое быстро понесло ее к скалистому берегу. Через несколько минут принцесса Вангунати оказалась на суше!

О аллах! Как ужасны были страдания этой несчастной, обессиленной, беременной женщины! Лишившись чувств, она без движения осталась лежать на берегу.

... Рассвело.

Лучи восходящего солнца пригревали все теплее. Волны успокоились, как шаловливый ребенок, которому вдруг надоело играть.

Подул прохладный, приятный ветерок.

Постепенно принцесса Вангунати пришла в себя. Она была жива! Жива, но... в большой беде.

Долго сидела она на песке у моря, погруженная в горестные думы. Кто теперь поможет ей?

Только что вырвалась она из неволи, из-под власти сурового и жестокого отца, а теперь вновь в одиночестве, во власти еще более суровой и жестокой судьбы!..

Желудок ее был пуст. Как ей хотелось есть! Но у нее не было даже зернышка риса. Вчера — богатая, сегодня — нищая; вчера — принцесса, сегодня — обездоленная, несчастная женщина... О злой, беспощадный рок!

Голод все больше мучил Вангунати. С огромным тру-

дом поднялась она на ноги и побрела к видневшемуся вдали лесу — может быть, там найдутся какие-нибудь съедобные плоды. К счастью, в лесу оказалось много бананов, и, поспешно нарвав их, принцесса стала с жадностью есть.

Утолив голод, принцесса Вангунати принялась разыскивать место для ночлега. Нашла она большую пещеру, похожую на логово тигра, устлала ее банановыми листьями, положила сверху сухой травы и легла отдохнуть...

Уже скоро она должна рожать...

О аллах, кто поможет ей и кто будет охранять ее? Кто будет ухаживать за ней и приносить ей пищу?

Когда она подумала об этом, слезы вновь выступили у нее на глазах.

Еще месяц!..

Все женщины боятся первых родов, словно это угрожает им смертью...

На другой день Вангунати, выйдя из пещеры, решила запастись плодами на первые дни после родов. Ей посчастливилось найти яйцо дикой лесной курицы. Она сварила его и съела. Потом она увидела, что рядом с ней лежит еще одно яйцо, но необыкновенно больших размеров. Откуда оно взялось? Чье оно? И вспомнила принцесса Вангунати, что это яйцо она хотела съесть сырым еще на корабле, но ее служанка почему-то не дала ей этого сделать, и тогда она спрятала его за пазуху.

— Ты было свидетелем моих мучений и страданий, ты разделяло их со мной, и поэтому я не съем, а сберегу тебя! — сказала Вангунати, взяв в руку яйцо с белоснежной скорлупой и пристально разглядывая его. — Ты видело страшные волны и ощущало их удары. Ты слышало лживые слова моей вероломной служанки и знаешь все, что со мной случилось. Ведь кроме нас лишь одному аллаху известна наша печальная судьба!..

Так разговаривала принцесса Вангунати с этим яйцом, словно с человеком, и со стороны могло бы показаться, что она сошла с ума. Но кому еще могла она высказать свое горе?

Ведь когда человека постигает тяжелое несчастье, он больше всего жаждет иметь друга, который разделит бы его печаль и помог перенести все испытания. Но не было рядом с принцессой Вангунати ни одного человека, ни одного живого существа. И не потому ли она так внима-

тельно смотрела на это необыкновенное яйцо и разговаривала с ним, как с другом, что оно таило в себе зародыш какого-нибудь живого существа?

...Болезненные схватки наполняли все тело Вангунати нестерпимой болью. Она чувствовала себя бессильной и беспомощной, не могла поднять отяжелевшую голову и только мучительно и протяжно стонала. Ей казалось, что она умирает, и она готова была умолять смерть поскорее избавить ее от этой невыносимой, терзающей боли...

В страшных муках родила она ребенка, большого красивого мальчика.

И как только слышала мать его плач, забыла она и о своих мучениях, и об еще ожидавших ее страданиях, и о своей несчастливой судьбе. Улыбнулась она, тихонько засмеялась от радости и сразу почувствовала себя лучше и бодрее. И хотя была еще очень слабой, она приподнялась и села, чтобы дать ребенку грудь.

— Чит... чит... чит!..

А это кто пищит! Какой-то зверек? Птичка?

— Чит... чит... чит!..

Вдруг увидела Вангунати цыпленочка! Он вылутился из большого белоснежного яйца и теперь жалобно пищал в поисках своей матери.

Мать... У него нет ее!

Ласково засмеялась принцесса и позвала цыпленка:

— Иди, иди сюда, ко мне, твоя мать здесь!

И подошел цыпленочек к Вангунати, словно ища у нее защиты.

— Ах ты, мой сиротка! Ничего, не плачь, я выращу тебя, как своего сына. Как два близнеца станете вы братьями и друзьями!..

20. ПЕТУШИНЫЙ БОЙ

Корабль принца Герадуса сбился с курса. Уже почти у самых берегов царства Танак-ни-во-ендо он был отнесен течением и ветром далеко в сторону.

Волшебному кораблю не повезло! Плаванию суждено было длиться еще долго!

Служанка принцессы Вангунати все еще была беременной. Это очень удивляло принца Герадуса, потому что все сроки уже прошли. Но у него и в мыслях не было, что эта подлая женщина — вовсе не его жена. Он был околдован ею.

— Куда же делась наша служанка? — спрашивал ее Герадус.

— Исчезла... Не понимаю, что случилось с этой несчастной женщиной, — отвечала лжепринцесса, притворяясь опечаленной.

— Этот корабль преследуют несчастья! — вздыхал принц Герадус.

— О да! — говорила притворщица и принималась ласкать и целовать Герадуса.

Хотя принц и был околдован хитрой служанкой, все же он не переставал удивляться тому, что жена его вдруг стала такой некрасивой, а кожа ее — слишком темной. Неужели это от беременности? Или жаркий морской воздух так изменил цвет ее лица? Может быть, но... почему даже фигура ее стала совсем другой?

Сначала прелестная, как полная луна, а теперь уродливая, как шайтан, его жена стала слишком похожей на их исчезнувшую служанку. Так думал он не раз, но все-таки был далек от горькой и ужасной правды.

Да, давно уже прошли все сроки, но ребенок у принцессы не рождался, и она была неизменно здоровой и сильной. Очень странно!..

А в это время сын принцессы Вангунати рос быстро, как молодое, цветущее дерево. Он был не по годам силен и крепок, его здоровое тело закалилось, привыкнув к дождям и ветрам. Когда мальчику исполнилось три года, ему можно было дать все десять. Быстрый и смелый, красивый и розовощекий, был он похож на ангела, только что спустившегося на землю с небес.

Мать только изумлялась, смотря на сына. Очень скоро стал он напоминать внешностью своего отца, и она назвала его маленьким принцем Герадусом.

Когда принцесса Вангунати целовала сына, перед ее глазами вставал образ мужа, а в ушах звучал его веселый голос. Она вспоминала чудесные дни и часы, проведенные с Герадусом во дворце ее отца и на волшебном корабле, и тогда слезы набегали на ее глаза и медленно скатывались по щекам.

Если сын ее спрашивал, почему она плачет, Вангунати улыбалась сквозь слезы, пытаясь скрыть свою печаль.

— Мама больна? — допытывался мальчик.

— Нет, нет, иди играй, сынок! — отвечала она.

Так было почти каждый день.

Однажды маленький Герадус попросил у матери несколько волосков с ее головы.

— Зачем они тебе нужны? — спросила Вангунати.

— Я хочу ловить рыбу!

— Мамиными волосами? — засмеялась Вангунати.— Тогда из булавки надо сделать крючок.

Она быстро и ловко согнула булавку и дала ее сыну. И маленький Герадус пошел со своей удочкой к морю.

Леска, сделанная из волос принцессы Вангунати, была тонкая, но такая крепкая, что не рвалась даже тогда, когда на крючок попадалась крупная рыба. Мальчик поймал много рыбы и был этим очень доволен.

— Кукареку! — слышался вдруг крик петуха, который, казалось, разделял радость маленького Герадуса. Это вырос тот самый цыпленок, что появился на свет в один день с мальчиком. Он превратился теперь в крупного петуха и всюду ходил вместе с маленьким Герадусом; они стали большими друзьями и никогда не расставались.

Наловив много рыбы, маленький Герадус направился в лес. Но он не пошел к пещере, где они жили, а решил поискать людей и продать рыбу.

Через некоторое время, проворно и ловко пробравшись через густые заросли первобытного леса и почти совсем не устав, достиг он шумного, многолюдного базара. Петух все время следовал за ним.

Маленький принц быстро распродал свою рыбу, потому что всех привлекала красота мальчика, и люди даже ссорились между собой, желая купить рыбу именно у него.

— Кукареку! — неожиданно прокричал друг маленького принца, и люди изумились, увидев рядом с мальчиком огромного петуха. Сразу же их окружила толпа любопытных.

— Эй! — слышался вдруг чей-то возглас, обращенный к маленькому Герадусу.— Пойди-ка сюда!

Это кричал человек, известный не только всему базару, но и далеко за его пределами тем, что всюду ходил со своим петухом и устраивал петушинные бои. Так как его петух всегда побеждал, то этот человек нажил себе целое состояние и был почти так же богат, как раджа.

Этот игрок и подозвал к себе мальчика. Тот подошел к нему.

— Осмелишься ли ты держать пари со мной?

— Конечно! — не задумываясь, ответил маленький принц. Ведь он был еще так неопытен в житейских делах.

— Кукареку! — храбро подхватил его петух.

— У тебя большой петух, — сказал любитель петушиных боев, — у меня — маленький. Но я не боюсь. Пусть они подерутся!

— Кукареку! — снова прокричал друг маленького Герадуса.

— Хорошо, — согласился мальчик. — Мой петух сказал, что он будет драться.

— Если ты выиграешь, — продолжал спорщик, — я отдам тебе свой дворец и все лавки вместе с товарами.

— А если ты победишь, — сказал маленький Герадус, — я стану твоим слугой.

— Хорошо, — ответил богач. Сердце его радовалось, потому что он был уверен, что его петух победит и на этот раз. А иметь такого красивого слугу, как этот мальчик, ему очень хотелось. Тогда бы он сказал радже, что это его сын, и раджа поверил бы, что и сам богач тоже благородного происхождения, и все стали бы еще больше уважать и почитать богача.

...На шпоры обоих петухов были надеты длинные и острые шипы. Затем петухов выпустили.

Петух соперника маленького Герадуса первым бросился на своего врага. Но тот быстро уклонился от удара и, неожиданным прыжком сбоку налетев на противника, изо всей силы клюнул его в шею. Петух богатого спорщика обезглавленным упал на землю и забился в предсмертных судорогах.

— Мой петух победил! — радостно закричал маленький Герадус, и все вокруг вместе с ним радовались такому исходу боя.

— Плати, плати проигрыш! — кричали люди богачу, которого никто не любил за хвастовство и чванливость.

Благодаря победе своего петуха маленький принц Герадус сразу разбогател. Теперь у него был роскошный дворец и золоченая карета, как у раджи. Быстро перевез он к себе свою мать, и они стали жить вместе, любящие друг друга и богатые.

Принцесса Вангунати была по-прежнему прелестна, словно богиня, сошедшая с небес. Еще более неотразимой стала ее красота, когда она надела прекрасные одежды и украшения, как и подобает настоящей принцессе.

А что касается богатого спорщика, проигравшего маленькому Герадусу, он сразу же после этого куда-то исчез и больше в этом царстве никогда не появлялся.

21. ПРИНЦ-ЧАРОДЕИ РАЗЪЯСНЯЕТ ВСЕ ТАИНЫ

— Кукареку! — Это, как и всегда на рассвете, поет перед дворцом петух маленького принца Герадуса.

Тук-тук-тук!

Кто-то стучится в дверь. Может быть, это петух?

Открыла дверь принцесса Вангунати и увидела, что стоит за ней не петух, а мужчина в роскошных, блестящих одеждах.

— О!.. Сестренка моя, Вангунати! — радостно воскликнул мужчина.

Но принцесса, пораженная встречей со своим любимым братом, знаменитым и славным Принцем-Чародеем, упала без чувств..

Оказывается, что и тот старый учитель детей раджи Тана-ни-во-ендо, которого звали Рае-Римасе, и чудесный попугай Лури Пинкель, и властелин подводного царства, назвавшийся раджой Серак Тасиком — тем самым, что дал принцу Герадусу волшебный платок и деньги для народа раджи Унтэпан-ни-ендо, золотую карету и крылатого коня, так ловко промчавшего эту карету по дороге, устланной глиняными тарелками, — и, наконец, тот огромный петух, который вместе с маленьким принцем Герадусом ходил ловить и продавать рыбу и победил петуха богатого спорщика, — все это был не кто иной, как Принц-Чародей!..

— Очнись, встань, сестренка! — ласково сказал Принц-Чародей.

И вот принцесса открыла глаза и улыбнулась, увидев доброе лицо своего дорогого брата. Но тут же замерла она от изумления, увидев рядом с братом женщину необыкновенной красоты, с чарующей улыбкой на прекрасном лице.

— Это моя жена, принцесса Норани, сестра твоего мужа! — улыбнувшись сказал наследный принц царства Унтэпан-ни-ендо.

Широко раскрыв от удивления глаза, недоверчиво смотрела принцесса Вангунати на них обоих.

— Сестра моя дорогая! — нежно сказала ей принцесса Норани и поцеловала ее. И заплакала Вангунати, вспомнив о своем муже.

— Успокойся! — промолвил ее брат, поняв, о чем она плачет. — Принц Герадус скоро будет здесь!

— О, сколько страданий я перенесла!.. — прошептала принцесса Вангунати.

— Я видел все собственными глазами, — ответил ей Принц-Чародей. — Но так было предначертано твоей судьбой, а в этом случае моя наука бессильна. То, что предназначено каждому, — неизбежно. Но не надо больше печалиться, опасность уже миновала! Теперь повсюду наступили мир и спокойствие. Ты находишься в царстве твоего мужа, богатом и счастливом царстве Танак-ни-во-ендо, где процветают науки и магия, где прославляются добро и красота.

Вот почему, уйдя от своего отца, я решил поселиться в этом царстве. Я нашел здесь принцессу Норани, полюбил ее и женился на ней. Теперь это твоя сестра по браку, но вы должны любить друг друга, как родные сестры, тем более что она сестра твоего мужа.

...Победно прозвучала труба. Затем слышались звуки маленького гонга:

Тенг, тенг, тенг!..

— Принц Герадус, слушай новость! — сказал сын раджи Унтэпан-ни-ендо.

Забилось в трепетном волнении сердце принцессы Вангунати.

— Поедьте же скорее к отцу и матери! — сказала принцесса Норани.

— Хорошо!

И, сев в карету, они поехали во дворец раджи Танак-ни-во-ендо.

Увидев их, раджа и его супруга очень обрадовались и даже захлопали в ладоши. Во дворце воцарилось необычайное веселье.

— Оповестить все царство, что сегодня — великий праздник! — повелел раджа. — И дать милостыню всем факирам!

— Подождите! — сказал Принц-Чародей. — Ведь принц Герадус еще не встретился со своей женой. Лучше сообщить народу, чтобы все собрались на площади перед дворцом и узнали, что наследный принц этого царства женился на дочери раджи Унтэпан-ни-ендо, равного по силе, власти и добродетелям радже Танак-ни-во-ендо; чтобы узнали все также, что страна Востока и страна Запада не будут больше

воевать между собой, что мир и дружба связывают их отныне в единое целое!

— Но наследный принц привез с собою другую жену, она уже давно беременна! — вскричала супруга раджи Танак-ни-во-ендо.

И в этот момент подошел к ним принц Герадус и, увидев принцессу Норани, замер от удивления.

— Сестра твоя здесь! — сказал ему отец.

— О Норани! — воскликнул Герадус, целуя свою сестру. — Мы снова вместе! Благодарение аллаху!

— Рядом со мной — мой муж! — сказала брату принцесса Норани. — Он же — наш учитель Рае-Римае, наш дедушка Серак Тасик, наш добрый чародей! Мы должны принести ему великую благодарность. Это он помог всем нам, это он делал все, чтобы мы достигли нашей цели!

Еще больше удивился принц Герадус. С уважением посмотрел он на наследного принца раджи Унтэпан-ни-ендо, потом встал перед ним на колени и низко склонил свою голову.

— Друг мой и брат мой по браку! — сказал он. — Я приношу тебе тысячу благодарностей...

— Встань, друг мой, — ответил Принц-Чародей, — не нужно кланяться мне. Благословение всевышнего, которое он всегда простирает на сердца, стремящиеся к хорошей, благородной цели и поддерживаемые любовью, — вот что помогло нам достичь нашей цели. Рядом со мной стоит моя сестра. Она испытала много горя и страданий по воле злого рока, который сильнее магии. Это она — Певица Запада, чьи песни услышал мой друг принц Герадус. Это ее так страстно полюбил он, и это она ответила ему любовью. А около нее — ваш сын, маленький принц Герадус, очень умный и способный мальчик.

— Значит... — произнес принц Герадус, который уже понял, что случилось с его женой, и смотрел на нее с любовью и нежностью, но от волнения не смог больше вымолвить ни слова.

Тогда сказал Принц-Чародей:

— Значит... Сестра, покажи всем своего сына, которого ты назвала маленьким принцем Герадусом. Посмотрите на его статную фигуру, посмотрите на его прекрасное лицо. Господин наш раджа Танак-ни-во-ендо, посмотри сам на этого мальчика и убедись, что это — твой внук!

И все, кто слышал эти слова Чародея, увидели, что

настоящая жена принца Герадуса — это принцесса Вангунати.

— Нет, нет, ты ошибся! — вскричала подлая и вероломная служанка, которая стояла в это время рядом с принцем Герадусом. — Его жена — я! Разве ослепли глаза моего мужа? О, горе мне! Я и так жестоко наказана судьбой, никак не могу разрешиться от бремени, а ты еще больше заставляешь меня страдать! Неужели я недостаточно несчастна? Или судьба хочет разлучить нас? О муж мой, как долго мы были счастливы и любили друг друга, а теперь... теперь мы должны расстаться...

— Замолчи! — гневно крикнул принц Герадус и обратился к своей жене: — Расскажи нам, мать маленького принца Герадуса, расскажи обо всем, что с тобой случилось, с тех пор, как ты вышла замуж, и до этого дня.

И начала принцесса Вангунати свою печальную повесть; ее голос дрожал и прерывался, когда она вспоминала о своих муках и страданиях, которые перенесла, и по лицу ее бежали слезы. Все больше рассеивались сомнения в сердце принца Герадуса, и все сильнее охватывал его гнев на вероломную служанку. И когда принцесса Вангунати закончила свой рассказ, он пришел в ярость и закричал, указывая на служанку:

— Взять ее!.. Схватить эту негодную злодейку и посадить в тюрьму!..

— Помогите! Помогите! — кричала в страхе подлая служанка, но Главный военачальник уже арестовал ее.

Весть о коварной лжепринцессе быстро распространилась по всему царству. Мужчины и женщины выходили из своих домов, чтобы посмотреть на эту обманщицу, выразить ей свое негодование и отвращение.

Когда она стала вырываться из рук стражников, на землю упал маленький бочонок, который был привязан к ее животу.

— Женщина родила бочонок! — закричал и зашумел народ. — Женщина родила бочонок!..

И люди набросились на нее и стали ее избивать...

Сжалось сердце принца Герадуса при виде этой правды, хотя из-за этой женщины и перенес он сам очень много страданий.

«Это отмщение! — сказал он себе. — Одно зло порождает другое зло. От плохих деревьев не родятся хорошие плоды».

И все же ему было жаль служанку...

— Отчего ты вдруг загрустил? — спросил его Принц-Чародей, который стоял сзади него.

— Мне стало жаль эту женщину, — ответил Герадус.

— Жаль? Неужели? А знаешь ли ты, кто это?

— Служанка, которая очень любила меня.

— Нет!

— Нет?.. Тогда кто же?

— Это богатый спорщик, который держал пари с твоим сыном! Но его магическая сила оказалась слабее моей, а чистота сердца маленького принца Герадуса — достаточно сильное и острое оружие, чтобы защитить его от любой опасности.

— О друг мой! — произнес принц Герадус. — Но как же его имя?

— Только не пугайся, когда я назову тебе его.

— Назови!

— Это сын раджи Менан-Сендангана!

Принц Герадус обомлел от изумления.

— Значит, он тоже чародей?

— Способен к магии, но слишком глуп! — ответил его друг. — К счастью, его злое колдовство умерло вместе с ним.

— А твоя наука?

— Я бросаю ее, потому что уже достиг своей цели. Кроме того, занятия магией очень изнуряют человека. Тот, у кого слабое сердце, может подвергнуться болезням и страданиям, а у кого сердце лживое и подлое — тот станет жертвой этой науки. Лишь те люди, душа которых полна добра, благосродства и любви к человеку, разумной жалости ко всякому живому существу, — лишь они способны в совершенстве постичь магию и своим искусством вызывать всеобщее удивление и восхищение. Чистота и сила моей любви к принцессе Норани, благородство и чистота ее сердца и ее поступков помогли мне выполнить то, что было задумано мною.

И тебе смог я помочь добиться своего потому, что твое сердце такое же верное, сильное и чистое, как и сердце твоей сестры.

Теперь, друг мой, забудь все печали и тревоги! Нет больше на свете принца Менан-Сендангана! Народ убил его, потому что сердце его было полно злобы и ненависти, а это всегда обрекает человека на гибель!

22. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Площадь перед дворцом раджи Танак-ни-во-ендо заполнена народом. В самом центре площади сооружен помост, украшенный цветами и флагами. Слышится возбужденный, веселый говор...

Но вот раздаются радостные возгласы приветствий: к площади приближаются раджа с супругой, Принц-Чародей и принц Герадус, принцессы Норани и Вангунати.

Как только они поднялись на помост, люди уселись, почтительно замолкнув.

Удары гонга!

Раджа будет говорить. Тишина...

И сказал раджа, обращаясь к своему народу:

— Дети мои, дети страны Восходящего Солнца, собравшиеся сейчас здесь, примите мой привет и благословение! Несколько долгих лет, с тех пор как исчезли принц и принцесса, скорбело все наше царство и горем были окутаны наши сердца.

Все вы хорошо знали и любили наследного принца, который часто по-дружески разговаривал с вами, желая по-лучше узнать свой народ, его думы и желания, чтобы впоследствии управлять страной разумно и справедливо.

Принц и принцесса покинули нас не потому, что они изменили своим отцу и матери. Нет, они сделали это лишь для того, чтобы расширить свои знания, изучить обычаи и нравы других народов, познать человеческую мудрость и силу магии, которые столь необходимы для правления и для всей нашей жизни. Конечно, и мудрые люди могут ошибаться. Но если все мы будем стремиться постичь многие науки и действовать разумно и мудро — мы будем делать меньше ошибок.

Народ мой, дети мои! Вы видите рядом со мной вашего наследного принца, который недавно вернулся из страны Запада, из царства Унтэпан-ни-ендо. Вы видите его жену, дочь раджи Унтэпан-ни-ендо, принцессу Вангунати, которая с любовью и верностью последовала за моим сыном в наше царство. Их брак объединил владения раджей Востока и Запада, соединил наши народы, и нет и не будет больше между нами ни войн, ни споров, мы навеки стали друзьями!

Народ мой, дети мои! Вы видите здесь также другого наследного принца — сына раджи Унтэпан-ни-ендо. А ря-

дом с ним его верная и любящая жена — наша принцесса Норани!..

Восторженным гулом встретил весь народ эти слова раджи Тана-ни-во-ендо.

Затем раджа попросил своего зятя Принца-Чародея рассказать людям свою историю — с тех пор, как он покинул страну Запада, прибыл в это царство и стал первым министром и дворцовым учителем, до того дня, когда он вернулся сюда с принцессой Норани.

— Я поселился в вашем царстве, — сказал Принц-Чародей, — для того чтобы познать те хорошие дела, обычаи и традиции, которыми издавна славится ваша страна. И все то, что я увидел и узнал здесь, будет для меня верным компасом, когда я стану править моим царством.

Но я прибыл сюда для того, чтобы соединить страну Востока и страну Запада узами Дружбы и Любви, узами Разума и Мудрости, которые дают всем нам Мир, Процветание и Счастье!..

А после Принца-Чародея выступил вперед принц Герадус, и все люди, что были на площади, опять разразились шумными приветствиями.

Он дал своему народу совет — всегда добиваться мира и дружбы с другими народами — и закончил свою речь такими словами:

— Пусть отныне будет счастлив каждый из вас, друзья мои!

Громкие возгласы восторга и благодарности потрясли воздух. И долго еще, расходясь по домам, ликовал народ и славил ум и доброту обоих принцев.

А раджа и его супруга, принц Герадус и принцесса Вангунати со своим сыном, принцесса Норани и Принц-Чародей сели в золоченую карету и поехали во дворец, довольные, радостные и счастливые.

Герой
МИНАХАСЫ

1. ВНУКИ ГОРЫ КЕЛАБАТ ГОТОВЯТСЯ К ВОИНЕ

ери-тик-тик-тик!..

Это идет дождь. И кажется, будто в шуме его слышен то жалобный писк птенца, то протяжный плач ребенка. Крупные капли дождя сливаются вместе, скатываются ручейками по кровлям хижин и падают на землю.

Тихо, ветра нет, но откуда-то издали наплывают облака. Они становятся все темнее и темнее, и вот уже словно черной чадрой окутана мрачными тучами вершина горы Келабат.

Это знак того, что гора вместе с людьми разделяет чувство глубокой скорби и печали.

Темнеет. Все крупнее капли дождя, все сильнее его шум. Клубы тумана медленно ползут вверх по склонам горы.

В поселке, который раскинулся у подножия горы, мечутся встревоженные люди. Они покинули свои хижины и куда-то спешат. Мужчины несут копья, мечи, и щиты, женщины — провизию.

Как суровы лица людей! Это так необычно! Ведь жители поселка Келабат всегда отличались своим веселым нравом. И, конечно, не грозные тучи явились причиной их волнения — этим их не испугаешь. Нет, сразу видно: случилось что-то другое, страшное, что потрясло их сердца и души...

Вот идет Молодой Воин с острым бамбуковым копьём в руке. На нем совсем простая одежда, но все слушаются его, как вождя. Он приказывает окружающим его друзьям нарубить побольше бамбука: длинного и тонкого — на топливо, для варки риса в пути, толстого — чтобы изготовить множество копий.

Пока люди заняты рубкой бамбука, Молодой Воин устремляет свой взор на гору Келабат, потом так же долго

и пристально смотрит на север, на запад... В широко раскрытых от напряжения глазах его сверкает пламя ярости и гнева. Суровые складки морщин изрезали высокий лоб Воина. Все это делает выражение его лица и мужественным и печальным одновременно.

Что же случилось?

Жители поселка Келабат собираются выступить в поход, чтобы отомстить кровожадному вражескому племени за те несчастья, которые оно причинило им.

Враги напали на поселок неожиданно и успели совершить немало жестоких дел: они насильно увели с собой многих женщин, убили немало мужчин, которые были застигнуты врасплох, занятые мирной работой в своих садах. Сколько жителей поселка пало от их рук!

Трудно описать горе и печаль людей племени Келабат. Они оплакивают погибших родственников. Но они помнят и о том, что по обычаю, завещанному им предками, все жертвы должны быть отомщены. За пролитую кровь враг должен с лихвой поплатиться своею кровью.

С того дня, когда жители поселка подверглись коварному нападению пришельцев, гора Келабат словно скорбит вместе с ними о гибели своих детей. Впрочем, правильное будет называть тех, кто живет у подножья этой горы, не детьми ее, а потомками, потому что, как говорит предание, уже с древних времен люди чтут в ней своего предка.

Плывущие над горой облака или тучи — это тени предков жителей поселка, предсказывающие им радость или горе, светлое или мрачное будущее. Дождь — это слезы предков, которые горько плачут, если их внуков постигает какое-либо несчастье.

А когда утихает боль от пережитых страданий — рассеиваются тучи, и вновь во всей своей красе является глазам человека вершина горы Келабат, сияющая под яркими лучами солнца, будто озаренное радостной улыбкой лицо счастливого человека.

Молодой Воин настороженно поднял голову. До его слуха донесся шум крыльев и разноголосый птичий гомон, и через несколько мгновений над головами людей, мелькнув быстрой тенью, пролетел через дорогу около хижины Молодого Воина большой черный ворон. Он громко и пронзительно кричал, спасаясь от маленьких птиц, которые преследовали его дружной стайкой.

Затихли люди, наблюдая это многозначительное зре-

лице. И вдруг увидели они, как посветлело лицо Молодого Воина, и он, первым нарушив тишину и молчание, громко сказал:

— Теперь я знаю, что нас ждет удача. Вы видели сейчас трусливого ворона, который в страхе кричал, спасаясь бегством от маленьких птиц? Вы слышали, как свистели и пели птицы, гнавшиеся за ним? Так поет победитель! Друзья, это предвещает победу и нам, это значит, что перед нашей силой врагу не устоять! Не успокоится мое сердце, пока мы не изгоним проклятых врагов с нашей земли. За каждого убитого они заплатят сотней своих голов. Пусть льется их кровь, как этот проливной дождь!..

Замолчав на мгновение, он пристально посмотрел на затянутое тучами небо и заговорил опять:

— Дождь!.. Вы слышите, как он шумит? Вы слышите его голос? Он обвиняет нас! Обвиняет за то, что мы не сумели защитить от врага наш народ, нашу землю, нашу жизнь и спокойствие, и враг напал на нас и принес нам много горя и бедствий.

Взгляните на вершину горы наших предков! Вы видите эту черную чадру скорби и печали?.. Но пусть меня не зовут Ленгконгом-Вуайя, если мы оставим в телах проклятых убийц хоть одну каплю крови!

Поднимите же, друзья, выше поднимите ваши острые копья и с силой воткните их в землю! Пусть так же глубоко вонзятся они в тела наших врагов! Потом встаньте в круг, идите друг за другом и рубите воздух вашими мечами. Пусть так же легко, как рассекается воздух, отрубим мы головы всем врагам!

Сказав так, Ленгконг-Вуайя высоко-высоко поднял свое копье и с размаху вонзил его в землю. И в тот же момент десятки других копий взметнулись вверх, тускло блеснули на миг острыми наконечниками и, брошенные со всей силы, со свистом пронзая воздух, глубоко вошли в землю.

Потом воины вновь взяли свои копья в руки. Труднее всех было Молодому Воину выдернуть из земли свое копье: ему для этого пришлось долго раскачивать его.

Затем он взял свой длинный меч и, быстро вращая его над головой — так что заиграли на его лезвии лучи выглянувшего солнца, — стал танцевать.

Все мужчины последовали его примеру. При этом они выпускали воинственные крики, а женщины и старики, сто-

явшие вокруг, в такт танцу хлопали в ладоши. Звения и сверкая, подобно молниям, ударялись мечи воинов один о другой и скрещивались в воздухе.

Но вот Ленгконг-Вуайя внезапно оборвал свой танец и подал знак рукой. Тут же все остановились и опустили оружие. Наступила тишина.

— Друзья! — воскликнул Ленгконг. — Теперь мы готовы к битве с врагом, но я хочу сказать вам еще несколько слов.

Мсть врагу — наш святой долг. Он тяжек, но никто не выполнит его, кроме нас самих, поэтому мы можем надеяться только на себя и верить только в свои силы. Эту веру мы должны хранить в наших сердцах и вместе с храбростью и верностью донести ее до нашей священной цели! Лишь тогда сможем мы выполнить наш долг с честью, лишь тогда сбудутся наши желания!

Я верю в вас, друзья мои, и это прибавляет мне силы и смелости, чтобы сражаться с врагами насмерть.

Если не оставят нас мужество, сплоченность и уверенность в себе, силой оружия мы заставим души проклятых недругов распрощаться с их телами и добьемся победы!

Поднимите же ваши мечи и копья и направьте их острия на вершину горы Келабат, чтобы предки наши увидели дела и слышали слова своих потомков!

Давайте дадим сейчас клятву, что мы будем защищать свой народ от врагов, не жалея ни крови, ни жизни, что мы вернем своей родине мир и спокойствие!

В этот момент души наши соединяются с душами предков, которые покоятся на горе Келабат. Давайте попросим у них помощи в нашем трудном деле.

Пусть навсегда исчезнут из наших сердец скорбь и печаль и вернутся в наши дома покой и веселье!

Поднимите же, хэй, друзья мои, ваше оружие и направьте его на вершину горы Келабат!..

И все воины сделали так, как велел им Ленгконг-Вуайя.

А между тем вокруг становилось все светлей и светлей. Дождь почти прекратился. Сплошная пелена облаков, затянувшая небо, в нескольких местах разорвалась и под лучами вновь появившегося ослепительного солнца стала тонкой и блестящей, как белый шелк. Гигантская радуга — чистая и свежая, словно умытая дождем, — раскинулась по небосклону и засверкала всеми цветами, как пояс раджи, унизанный бриллиантами и жемчугами. Радуга появилась

с востока, из-за горы Келабат, и казалось, будто основанием своим она покоится на горе, а вершиной касается неба далеко на западе.

В это время к хижине Ленгконга-Вуайя подошел, опираясь на палку, согбенный старик с длинной бородой. В молодости он тоже был отважным и смелым воином, а теперь стал старейшиной племени. Старик беззвучно шевелил губами, словно читал про себя молитву, и люди, стихнув, с почтением смотрели на него.

— Дети мои! — сказал старик, указывая на радугу. — Посмотрите, как это яркое небесное знамя развевается над горой и над нами, а на западе оно беспомощно свисает, как опущенный хвост собаки. Посмотрите внимательно: наше знамя поднято высоко-высоко, будто протянулась к небу чья-то огромная рука в блестящем шелковом рукаве, покрытом драгоценными камнями и украшенном жемчугом. Это наши предки протягивают нам руку с вершины священной горы Келабат, как бы желая обнять всех своих детей и внуков, взять их под свою защиту. Смотрите же туда, смотрите!..

И старик весь погрузился в созерцание радуги. В то же время он улыбался, поглаживая свою пышную седую бороду, и тихонько покачивал головой. Потом он несколько раз кашлянул и зачем-то потряс в воздухе палкой.

Поведение старейшины удивило людей, и они подошли поближе к нему, окружив его плотным кольцом. Но тот, устремив взор к небу, казалось, никого и ничего больше не замечал.

Несколько минут старик молча размышлял о чем-то. Потом так же молча, не говоря ни слова, посмотрел он налево, направо, обернулся назад...

— Отец... — начал было Ленгконг-Вуайя, но тот не дал ему договорить, прошептав: «Тс-с!»

Очень странно вел себя старейшина, и удивленные люди задвигались, зашумели, стали вполголоса переговариваться друг с другом.

— Тс-с! — опять произнес старик, с упреком покачав головой.

Потом он стал чертить что-то на земле своей палкой. Медленно поворачиваясь и смотря то на север, то на восток, то на юг, то на запад, он обвел вокруг себя окружность, а потом рядом с этим кругом нарисовал еще один, побольше; внутри него старик изобразил отважного воина

с длинным мечом в правой руке; воина окружили многочисленные враги, но на лице его не было и тени страха.

— Отец! Что это означает? — спросил кто-то из молодых воинов.

— Тс-с! — вновь прошептал тот, продолжая рисовать. Покончив с этим делом он издал горлом какой-то странный звук, потом провел рукой по своим волосам и вдруг весело захлопал в ладоши.

Люди только покачивали головами, смотря на старика, и зародилось в их сердцах сомнение, не вселился ли в него дьявол слабоумия.

А старик тем временем взял пальмовый лист и воткнул его ребром в землю посередине первого круга. Затем он поднял голову и взглянул на небо, одновременно подняв правую руку, а левой опираясь на свою палку. Губы его беспрерывно двигались, и казалось, что он призывает кого-то, бормоча магические заклинания.

И вдруг старик крикнул:

— Ленгконг-Вуайя, подойди сюда!

От неожиданности вздрогнули все, кроме Молодого Воина. Не случайно пал на него выбор старейшины: Ленгконг-Вуайя, хотя и был самым молодым из воинов, отличался необыкновенной силой, умом и храбростью. Потом старик назвал имена еще трех воинов из числа самых умелых и отважных, а Ленгконгу приказал встать в середину нарисованного им большого круга и поднять свой меч и копье.

Никто не мог понять, что задумал старейшина, но он не отвечал ни на один вопрос обступивших его людей. Вот опять задвигались его губы, шепча молитвы, длинные заклинания и чьи-то имена; при этом он не спускал глаз с вершины горы Келабат. И все, кто смотрел на старика, невольно подпадали под действие его магической силы.

И спросил старик громким властным голосом:

— Хэй, дети мои, верите ли вы мне?

Все дружно закивали головами.

— Тогда прежде всего сложите ваше оружие.

Когда приказание старейшины было исполнено, он сказал:

— Вы уже собрались воевать, не так ли? Вы хотите скорее отомстить врагам, вам не терпится жестоко расправиться с ними. — Он минутку помолчал, поглаживая свою бороду, затем продолжал: — Но это значит, что погибнет

еще больше жителей нашего поселка, потому что в войне будут жертвы и с нашей стороны. Так слушайте меня внимательно: вы должны вернуться сейчас же в свои дома!

Все широко раскрыли глаза от изумления, решив, что старик сошел с ума. Но он сказал решительно и твердо:

— Не удивляйтесь этому и не думайте, что я хочу обмануть вас. Идите и верьте мне: если вы последуете моему совету, мы станем только сильнее и будем жить в мире и спокойствии. Идите, но не все — четыре наших лучших воина, которых я назвал, пусть останутся здесь.

Люди подчинились словам своего старейшины, и во дворе хижины Ленгконга-Вуайя воцарилась тишина.

2. СОВЕТ СТАРЕЙШИНЫ

— Какой же совет ты дашь нам теперь, Отец? — спросил старейшину Ленгконг-Вуайя. — Вспомни о тех бедах, которые принес нам враг. Неужели ты не хочешь, чтобы мы отомстили ему за его зверства? Если так, то никогда не разойдутся тучи скорби и печали над вершиной горы наших предков. Разгневаются на нас предки, не сможем мы отворить силу их буйного гнева, и гора низвергнет на наши головы огненное пламя и черный дым. Никто от них не спасется. Все боги, да, все боги обрушат на нас с небес свою ярость, и взорвется гора Келабат, как уже было когда-то с ней и с горой Локон!..

— Хэй, Ленгконг-Вуайя, — попросил Второй Воин. — Расскажи нам эту историю.

— Подожди, — вмешался Третий Воин. — Мы обсуждаем важное дело, и если начнем рассказывать друг другу всякие сказки, то забудем о нашей священной цели.

— Я не понимаю, — сказал Четвертый Воин, — зачем наш Отец отпустил по домам всех воинов. Он будто погасил огонь, который пылал в наших сердцах и призывал нас к мести. Все мужчины были готовы выступить против подлых врагов, все поклялись перед лицом своих предков, что найдут и уничтожат их, а теперь воины разбрелись по домам, как побитые собаки, трусливо поджавшие хвосты от страха. У них пропал боевой дух, и нет больше храбрости в сердцах, потому что остыла их ненависть к врагу. Если и дальше будет так, если мы не найдем средства опять вернуть мужество в их сердца — они превратятся в трусов и при первой же опасности побегут в суматохе и панике, опро-

кинутые и рассеянные силой вражеского оружия. О, если бы, если...

Воин не скрывал своего возмущения поступком старейшины. Он был уверен, что тот своим советом помешал воинам сразиться с врагами и истребить их всех до одного.

— Хэй, друг мой,— прервал его Второй Воин,— что же ты хочешь посоветовать нам?

— Негодует мое сердце, и огонь нетерпения сжигает мое тело,— ответил тот.— Скоро ли мы пойдем на битву?..

Тогда сказал Ленгконг-Вуайя, Первый Воин племени Келабат:

— Хэй, друзья мои! Если нетерпение будет снедать нас, если не сможем мы сдержать пламя ярости, которым охвачены наши души и сердца, то цели своей мы не достигнем, ибо пламя это испепелит наш разум; осторожность и мудрость покинут нас, и в борьбе с врагом мы потерпим поражение. Тот, кто слаб, но умен, всегда одолеет того, кто силен, но глуп. Благоразумие и мудрость нужны нам на каждом шагу, потому что только они могут осветить наш путь к победе, путь, полный трудностей и опасностей. Хэй, друзья мои, отважные воины, знайте, что горе, которое принесли нам враги, похитив многих жен и детей нашего народа, терзает словно острым ножом и мою душу. А ведь и нас могла постичь такая же участь!.. Поэтому не сердитесь, что я хочу дать вам совет: пора нам от слов перейти к делу, но только действовать надо разумно и мудро!

И когда Ленгконг-Вуайя замолк, сказал воинам старейшина:

— Хэй, дети мои! Молодая кровь течет в ваших жилах, она легко вскипает и горячо бурлит. Но у вас нет такого опыта, какой есть у меня. Поэтому забудьте все ваши неразумные речи, которые удивили и опечалили мое сердце, и помните, что вы должны слушать меня. Я беру вас под свою защиту и покровительство.

— Подожди, Отец...— перебил его Четвертый Воин, но старик строго спросил:

— Разве дети мои забыли обычаи нашей страны? Разве я уже разрешил им говорить? Кто среди нас самый старший? Может ли быть успешным наше дело, если молодые люди не хотят слушать своего старейшину? Кто был десятки лет Первым Воином народа Келабат, кто завоевал и упрочил мир для нашего народа, защищал его свободу и

счастье? Дети мои, ни вы, ни кто-либо другой никогда не слышали обо мне ничего плохого. Все годы, что я был Первым Воином, народ наш жил спокойно и не знал горя. А теперь, я знаю, вы думаете, что я напрасно помешал вам отправиться в поход против врагов и только увеличил опасность, которая грозит нам, как неуправляемый горный поток! Но тогда лучше изберите себе другого старейшину. А если и в самом деле случится так, что я дал вам неправильный совет и он приведет наш народ к несчастьям и бедствиям,— то пусть мне отрубят голову!..

— Прости нас, Отец! Прости, прости!..— в знак почтения сложив и вытянув вперед руки, стали просить старейшину четыре воина.

— Теперь, я вижу, вы поняли, что по сравнению со мной вы еще маленькие дети, вспомнили наш обычай, что во всех важных делах вы должны слушать старейшину и повиноваться ему. Никогда не забывайте, что это я построил первую хижину в нашем поселке; я был во главе небольшого войска в Кумелембауи, с которым разбил многочисленных врагов к востоку от горы Келабат; я дал нашему народу счастливую и спокойную жизнь. Я — ваш старейшина, военачальник и вождь. Всякий, кто осмелится выступить против меня, будет жестоко наказан богами и нашими почившими предками!..

— Прости нас, Отец, прости!..

— Вы пока еще ничем не доказали свою силу, храбрость и мудрость. Зато каждый мой седой волос говорит вам о тех подвигах, которые я совершил ради мира и блага нашей родины. Теперь очередь за вами! Идите же, дети мои! Пусть каждый из вас сам изберет свой путь. Сейчас и на западе, и на севере, и на востоке, и на юге — всюду много врагов. Они окружают нас со всех сторон. Но вас четверых вполне достаточно, чтобы справиться с ними, только вы должны идти не все вместе, а поодиночке.

Помните, что в пути вы можете столкнуться с грозной опасностью, но вы должны суметь преодолеть или избежать ее. Я не стану учить вас, как вам следует поступать, ибо мои созвездия говорят мне, что каждый из вас обязан сам решить, что ему делать, обязан сам найти мудрые средства для победы над врагом.

Не берите с собой юношей, которым я приказал вернуться домой. Они слишком молоды и неопытны и не смо-

гут помочь вам; это лишь увеличит трудности, которые ждут вас в пути, и вы не достигнете своей цели.

Будьте внимательны и осторожны, действуйте спокойно и разумно — тогда вы добудете почести и славу. И не только самим себе, но и своему народу.

Теперь, хэй, дети мои, преклоните колена и поклонитесь вершине горы Келабат в знак уважения и почтения к нашим предкам. Смотрите же, смотрите на эту гору, потому что если вы не последуете моим советам, то не увидите ее больше никогда, и никто уже не сможет вам помочь!..

Ну вот и все! Вы получили мое благословение. Теперь положите на землю ваше оружие и встаньте в круг, а потом сядьте на корточки, но не произносите ни слова...

И четыре воина послушно сделали все, что приказал им старейшина.

— Встаньте, — промолвил тот после паузы, — и пусть каждый опять возьмет свое оружие. Слушайте меня. Сейчас уже поздний вечер. Завтра на рассвете вы отправитесь в путь.

3. ПЕРЕД УХОДОМ

Все темнее и мрачнее становилось вокруг. Быстро сгустились облака. Подул сильный ветер, он пел какую-то тоскливую песню, громко стонал и плакал, будто жаловался на что-то. Потом слышались какие-то странные, неприятные звуки: то казалось, что где-то вблизи с треском разрывают на куски плотную ткань, то совсем рядом раздавались словно человеческие стоны... Эти дикийинские звуки носились и перекликались в воздухе; повторенные эхом, они вновь долетали до хижин и вновь возвращались в лесные чащи...

В лесу темно, будто кто-то окутал его черным покрывалом. Ветер с такой силой раскачивает стволы деревьев, что они ударяются вершинами друг о друга, сцепляются извивающимися ветвями, шумно потрясая встревоженной листвой.

В небе непрерывными грядками плывут облака.

Море пришло в движение, оно волнуется, плещет, рокочет.

Все это многообразие звуков так насытило воздух, что кажется, будто он полон невидимых духов, которые вздыхают и стонут, ропщут и плачут, играют и хохочут, бо-

руются друг с другом, с треском и шумом отбрасывают все, что попадает им на пути... А вот рухнуло что-то тяжелое со звоном и грохотом...

Не переставая, устрашающе ревет ураганный ветер.

Свист, треск, скрип, скрежет, ропот, рокот, грохот!..

Непроглядный мрак!.. Но вдруг темноту ночи прорезают гневные, содрогающиеся стрелы молний; похожие на огненные цветы, щедро разбрасываемые богами, они словно стремятся разорвать черную повязку туч, стягивающую глаза земли.

Небо грохочет, как будто тысячи духов дерутся, перестреливаются молниями, пригоршнями швыряют тяжелые, увесистые камни, которые сотрясают землю. Некоторые из духов уже ранены, и они плачут, роняя слезы: падают крупные, тяжелые капли дождя. Их подхватывает ветер.

...Не видно огней в поселке, лишь рядом с хижинкой Ленгконга-Вуайя колеблется по ветру огненный язык костра, дым которого отгоняет назойливых комаров.

Вокруг костра расположились четыре воина. Они беседуют между собой. Двигутся по земле, колышутся при свете пламени их тени, напоминающие очертания исполинских чудовищ.

Холодно; короткая одежда воинов, доходящая только до колен, не согревает тела, и они сидят у самого костра, протянув руки к огню.

— Друзья,— сказал Четвертый Воин, который был самым старшим среди них по возрасту,— поистине эта ночь полна тайн, которые предрешают нашу судьбу. Слышите, как яростно гудит ветер, как гневно гремит гром? Нас ожидает много трудностей и опасностей!..

— И все же мы исполним повеление нашего Отца,— отозвался Второй Воин,— пусть хоть все злые духи ополчатся на нас!..

— Я не боюсь опасностей, хотя мы встретим их немало,— сказал Ленгконг-Вуайя.— Но мы должны действовать искусно и мудро, иначе они наверняка погубят нас.

— Конечно, сердца наши, как и прежде, стремятся к победе над врагом,— произнес Третий Воин,— но теперь нам будет труднее: ведь старейшина не разрешил остальным юношам идти воевать. А если враги окружают нас, я думаю, их будет так же много, как черных духов, которые яростно дерутся сейчас на небесах. Эти черные духи очень

жестоки, они до смерти пугают людей, неожиданно появляясь перед ними с горящими выпученными глазами!..

— Ха-ха-ха! — расхохотался Ленгконг-Вуайя. — У тебя, друг, совсем испуганный вид! Может, ты уже увидел черного духа? Очень много слышал я о них, но почему-то ни разу не случилось мне с ними встретиться. Я даже не знаю, как они выглядят! Те, кто говорит, будто видели их, просто трусы и выдумщики — каждую тень, которая почудится им, они принимают за духов. Почему же я их не видел?

— Не надо говорить об этом! — сказал Четвертый Воин, подвигаясь еще ближе к костру. — Фу, какая холодная ночь! У меня зубы начинают стучать от холода...

— Он не боится, он просто замерз! — рассмеялся опять Ленгконг-Вуайя. — Вот видите, духи холода уже начинают действовать против нас!..

— Перестаньте шутить, — сказал Второй Воин. — Ночь и вправду холодная. Давайте лучше поговорим о деле.

— Правильно! — поддержал его Третий Воин. — Ведь рано утром мы должны отправиться в путь, хотя дождь промочил нас до нитки, ветер пронизывает наши тела своими холодными иголками, а боги, словно келават *, ломают деревья в лесу, преграждая нам путь.

— Тс-с! — упрекнул его Ленгконг-Вуайя. — Ты, кажется, начинаешь дерзко говорить о богах?

— Лучше всего, если мы сейчас бросим жребий, в какую сторону кому из нас идти, — предложил Второй Воин. Все согласились с ним.

Ленгконг-Вуайя завязал глаза Второго Воина лоскутом, который оторвал от своей рубашки, потом несколько раз покрутил его и велел ему показать пальцем, в какую сторону он пойдет. Тот показал на юг.

Третий Воин указал на восток, Четвертый — на север.

— Остается запад, — сказал Ленгконг-Вуайя. — Значит, туда пойду я. Каждый из нас должен сам решить, что ему надо делать, чтобы выполнить свою задачу. А через три дня мы вернемся и опять встретимся здесь. Но помните, что никто, кроме нас, не должен знать, куда и зачем мы идем!

* Келават — порода свиней, которая водилась на горе Келабат. Поэтому сначала эту гору называли Келават, но впоследствии стали называть Келабат. — *Прим. автора.*

— А что делать, если через три дня кто-нибудь из нас не вернется? — спросил Второй Воин.

Ленгконг-Вуайя ответил:

— Если кто-нибудь не вернется — значит, он пожертвовал своей жизнью ради нашей священной цели, и не нужно оплакивать его храбрую душу. Но народу мы расскажем о подвиге этого героя!.. А сейчас мы должны почитать могилы наших предков. Боги и богини, которыми полны небеса, — вот от кого зависит успех нашего дела. Они могут и помешать нам, и помочь, и защитить, и толкнуть в пропасть опасностей. Они везде и всегда, и нужно, чтобы соединились с ними наши души, чтобы знали они о нашем деле и помогли нам. Идемте, друзья!

Друзья Ленгконга-Вуайя побоялись идти к гробницам в такое позднее время, да еще в темноте, без огня, но он сказал им, что скоро на небе боги зажгут много светильников, а духи и предки осветят их путь молниями. Если же друзья его боятся, закончил Ленгконг-Вуайя, он пойдет один.

Устыдились воины и, хотя они дрожали от страха и холода, взяли свои мечи и копья и отправились вслед за отважным Ленгконгом.

Гроза бушевала так, что все содрогалось вокруг. Вспышки молний то и дело озаряли темное небо. Четверо друзей осторожно пробирались по лесу. Чем дальше они углублялись в чащу, тем крепче сжимали в руках свое оружие, готовые в любой момент поразить врага.

Ленгконг-Вуайя шел впереди, то и дело внимательно оглядываясь по сторонам, оборачиваясь назад. То тут, то там внезапно вспыхивали светящиеся точки, и не раз при виде их он настороженно останавливался, до боли напрягая глаза, всматривался в темноту, но потом, сердясь на себя, двигался дальше: эти светящиеся точки оказывались обыкновенными светлячками. Лесные кузнечики, прыгавшие на него, казались ему маленькими джинами, а летучие мыши, которые пролетали с шумом и писком над его головой, — злыми духами. Несколько раз он испуганно вздрагивал и даже отскакивал в сторону, не стыдясь своих товарищей, — тем ведь тоже было страшно.

Наконец воины достигли большой гробницы, сложенной из камня под громадным густолиственным фикусом. Здесь Ленгконг-Вуайя остановился, велел всем крепко взяться за руки и сказал:

— Хэй, друзья мои! Сейчас наши предки видят нас и слышат мои слова. Они свидетели всех наших поступков. У этой гробницы мы даем священную клятву, что всегда будем верны друг другу и своему народу в нашем тяжелом и трудном деле. Здесь, пред лицом предков, мы клянемся, что освободим нашу родину от врагов! Тот, кто посмеет нарушить ее спокойствие, узнает всю силу нашего гнева, узнает нашу твердость и мужество! Мы клянемся нашим детям и внукам, что, не щадя жизни, будем защищать их мир и счастье! Как жестока и беспощадна эта гроза, так жестоко и беспощадно мы отомстим проклятым врагам. Как нас страшит эта темная ночь, так мы заставим их содрогаться от ужаса. Как священно это место, так священна будет и наша месть!

Сейчас, в эти минуты, когда вокруг грохочет гроза, наши предки наделяют нас магической силой, и наше оружие становится волшебным и непобедимым. Нас ждет удача! Что скажете вы, друзья мои?

Три воина закивали головами в знак согласия с Ленгконгом-Вуайя. Потом друзья пошли назад, к своему поселку.

Дул ветер с еще большей силой. Дождь лил как из ведра. Около хижины Ленгконга отважные воины быстро раздули уже угасшее было пламя костра. Хотя все четверо промокли до нитки, они теперь совсем не чувствовали холода, ибо сердца их согревал воинственный пыл, согревало горячее желание поскорей встретиться с врагом. Вера в сверхъестественную силу, которой наделили их предки, покоящиеся в гробницах, еще больше усилила это желание.

Возбужденные, долго не могли уснуть воины, с нетерпением ожидая рассвета, когда они должны будут отправиться в путь, каждый по своей дороге, полной неожиданностей и опасностей.

4. ДРУЗЬЯ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

— То-то-сик, то-то-сик,— кричит сова.

— Кво-ит, кво-ит,— отвечает ей другая.

Вслед за этим слышится громкий треск, словно сквозь лесную чащу пробирается крупный зверь.

Четыре воина мгновенно пробуждаются ото сна, озираются по сторонам...

— Друзья, нам пора идти,— говорит Ленгконг-Вуайя.

— Но луна еще закрыта тучами,— отзывается Второй Воин.

— Еще не наступил рассвет,— замечает Третий.

— Гроза еще не утихла,— добавляет Четвертый.

На это Ленгконг-Вуайя отвечает им:

— Если мои друзья не хотят идти, пусть они остаются здесь. А я сейчас уйду!

— Почему наш друг так спешит? — спрашивает его Второй Воин.

— Потому что сейчас самое лучшее время, чтобы отправляться в путь. Я не могу больше ждать, не хочу, чтобы люди увидели меня тут, когда наступит утро.

— Но в темноте ты можешь попасть в засаду врагов,— возразил ему Третий Воин.

— Я никого не боюсь,— ответил Ленгконг.

Тогда сказал четвертый из них:

— Такая спешка навлечет на нашего друга несчастье. Он же слышал совет старейшины и сам говорил, что...

— Если мы будем заниматься только разговорами, то никогда не достигнем нашей цели! — сказал Ленгконг-Вуайя и, повернувшись, быстро пошел по направлению к западу.

Дорогу ему освещало лишь сверканье молний, которые с треском раскалывали небо. Но Ленгконг-Вуайя хорошо знал эти места и, кончиком копья ощупывая каменистую тропу, которая то взбегала вверх, то опускалась вниз, шел вперед легко и уверенно, как при свете дня.

А в это время остальные воины, сидя в хижине Ленгконга, там, где спали в эту ночь, беседовали между собой, осуждая поступок своего друга.

— Хэй, друзья,— сказал Второй Воин,— нам не нужно такой славы! Ленгконг-Вуайя не послушался слов старейшины, и теперь он уже наверняка сбил с пути. Так может поступать только безрассудный человек. Тому, кто слишком нетерпелив, не видеть удачи!

— Ты прав,— сказал Третий Воин.— Зачем так глупо рисковать своей жизнью? Это все равно, что добровольно принести себя в жертву! Ведь наши враги — тоже не глупые, и в войне с ними нам придется проявить немало мудрости.

Но Четвертый Воин возразил друзьям:

— Нехорошо говорить так о своем товарище. Он поступил правильно, и я тоже сейчас уйду! Мое копьё и меч

жаждут вражеской крови, хотят досыта напиться ею. Мои родственники, замученные врагами, умоляют о мщении — ведь если мы не отомстим за них, они не попадут в рай и проклянут нас...

— Я вижу, что ты уже во власти магической силы наших предков,— сказал ему Второй Воин.

— Мы только теряем время на пустые разговоры,— ответил тот.— Я уйду...

Он быстро поднялся на ноги, но в этот момент откуда-то издалека вдруг донесся вой собаки.

— Пусть наш друг идет, раз он не боится,— сказал, улыбаясь, Второй Воин.— Но ведь вой собаки означает смертельную опасность!

— Кто сказал тебе такую глупость? — насмешливо спросил Четвертый.

— Это не глупость, друг мой. Так говорил старейшина! Если ты пойдешь сейчас, тебя постигнет несчастье!

— Что же может со мной случиться?

— Враги убьют тебя или возьмут в плен,— уже сердито ответил его товарищ.— Я готов поспорить с тобой, что так и будет!

— На что же мы будем спорить?

— На жареное мясо келавата.

— Хорошо!

— Если я проиграю, то добавлю к мясу еще и пальмового вина.

Услышав этот спор, Третий Воин громко расхохотался.

— Почему ты смеешься? — удивленно спросил его один из спорщиков.

— Ха-ха-ха!..

— В тебя, видимо, вселился дух смеха! — обиделся Второй Воин.

— Вы как маленькие дети! Кто же так спорит? Ведь если наш друг уйдет и больше не вернется, кто заплатит тебе проигрыш?..

Внезапно воины замолчали и прислушались. До их слуха долетели какие-то неясные звуки, заглушенные шумом дождя и ветра,— это около самой хижины прокричал петух. Потом раздался громкий крик совы; в этот поздний час он прозвучал тревожно и злозеще. Вздвогнув, все трое поспешно схватили свои мечи, щиты и копья.

— Наверное, враги где-то совсем рядом с нами,— прошептал Второй Воин.

— Тс-с! Не шевелитесь,— сказал Третий Воин,— слышите? Кажется, кто-то идет по лесу...

Мимо хижины в поисках пищи пронеслась летучая мышь.

— Это плохой признак! — зашептали друзья.— Кровавый, жестокий зверь несет нам беду и горе!..

Опять закричала сова: «Кво-ит, кво-ит, то-то-сик, то-то-сик...»

— Да, нас всех ждет несчастье,— вздохнул Второй Воин.

Так, охваченные страхом и недобрыми предчувствиями, оставались они в хижине еще несколько часов. Но когда рассвело, им пришлось отправиться в путь, чтобы никто из жителей поселка утром не увидел их.

5. СМЕРТЬ ВАНТИАНА

Еще не наступил рассвет, когда Ленгконг-Вуайя достиг горы Келабат.

Небо становилось все яснее. Ветер стих, прекратился дождь.

Разошлись тучи, и появилась блестящая, сверкающая луна; она улыбалась, совсем как человек, и ее улыбка радовала сердце нашего героя, который смело шагал вперед, несмотря на опасности, подстерегавшие его на каждом шагу.

Одежда Ленгконга промокла насквозь, но он не ощущал холода; он шагал, распевая про себя песни своих предков и прося их помочь ему в его трудном деле.

Ленгконг-Вуайя шел очень быстро: расстояние, которое человек обычно проходит за пять дней, он преодолел за полночи; казалось, будто его нес на себе какой-то быстроногий великан или за спиной у него выросли крылья. Ленгконг был хорошим охотником, часто и подолгу бродил по лесам, поэтому ступал он сейчас так легко, что ни одна веточка не хрустнула под его ногами.

Вдруг послышались какие-то непонятные звуки: это дождевые капли падали на землю с листвы деревьев; их было миллионы, и они, словно драгоценные камни, переливались под лучами яркого лунного света.

Улыбнулся Ленгконг-Вуайя, восхищенный красотой этого зрелища, и подумал, что здесь, в лесу, так же прекрасно, как в раю: дрожавший воздух был полон сверкаю-

щего мерцанья небес, а с веток, струясь, стекали золото и бриллианты.

Чем ближе рассвет, тем веселее пересвистывались птицы, тем радостнее становилось на душе у Ленгконга.

Справа от него неподвижной громадой темнела гора Келабат, как старый раджа, спокойно спящий в своей опочивальне. А вокруг — мелкие капельки росы на листьях деревьев вспыхивали под лунными лучами; мелькали, перемежаясь, полосы света и тени. и от этого лес беспрестанно менял свое обличье, как меняется выражение лица у человека, погруженного в глубокое раздумье, полное то грустных, то веселых воспоминаний...

Как красиво, куда ни посмотри! Небо совсем посветлело, и луна, поблекнув, исчезла где-то у горизонта; темнота в лесу начала быстро рассеиваться; легкие облачка, скупившиеся на востоке, озарились нежно-розовым цветом. Наступил рассвет, и еще чудеснее стало кругом.

...Было уже не меньше шести часов утра, а солнце, скрытое горой Келабат, все еще не показывалось.

Несмотря на то, что Молодой Воин давно находился в пути, он чувствовал себя совсем бодро, и, как настоящему сыну природы, ему захотелось громко запеть, чтобы, подобно птицам, выразить в песне радостное возбуждение, которое переполняло все его существо. Но едва он раскрыл рот, как подумал, что петь, пожалуй, не следует: поблизости могут быть враги...

Ленгконг ускорил шаги... Прошло еще около получаса. Он спустился в долину, ведущую на север, и здесь впервые упал на него луч солнца, которое выглянуло наконец из-за вершины горы Келабат.

Все выше поднималось солнце, и лучи его быстро высушили одежду Ленгконга. Достигнув побережья моря, Молодой Воин остановился, чтобы утолить голод, который уже давно давал себя чувствовать, раскрыл мешочек с провизией и с аппетитом поел.

«Пока еще не встретил я неудачи на своем пути», — подумал он и потихоньку запел:

О мать!

Посмотри на эту птицу,

Что скачет на ветке фруктового дерева.

«Эй, кто ты?..»

«Человек с Запада, друг мой!»

О чем поет Ленгконг-Вуайя? Зачем он обращается к своей матери, будто зовет ее, просит помочь ему в чем-то? Разве пристало такое отважному воину?

Не в этом дело! Просто ему захотелось петь, а в те далекие времена почти все песни начинались обращением к матери. В песнях люди пели о том, что они видят. А Ленгконгу-Вуайя показалось, что на дереве прямо перед собой, видит он большую птицу, дикую лесную курицу.

«Эй, кто ты?..»

«Человек с Запада, друг мой!»

Нет, здесь у него нет друзей. И Ленгконг-Вуайя обращался в своей песне к птице не как к другу, а как к врагу, который идет с Запада, как к подлому убийце, с которым он должен расправиться.

Когда воин закончил петь, он действительно увидел птицу. Быстро схватив камень, Ленгконг-Вуайя метнул его и перебил ей крыло. Она затрепетала, подпрыгнула несколько раз на ветке и упала в густой кустарник, а он подбежал к ней, взял ее в руки и, улыбаясь, заговорил:

— Ты повстречалась мне на пути как враг, которого я ищу. Но не думай, что я желаю твоей смерти. Я не злодей, не убийца, я хочу только приручить тебя. Ты должна повиноваться мне, но если ты вздумаешь убежать, я сверну тебе шею. Как легко я отнял у тебя твою силу, так же легко расправлюсь я с врагами. Не рвись, не пытайся освободиться из моих рук, не то тебе придется проститься со своей головой!.. Ну вот ты и успокоилась. Теперь я отнесу тебя к себе домой.

Твои шпоры длинные и острые, как у петуха. Это, конечно, красивое и острое оружие, но ты не должна применять его против меня... Подожди-ка, ведь мне нужно продолжать свой путь, и я не могу сейчас нести тебя с собой... Ты лучше побудь пока здесь. Хорошо, что я поймал тебя около этого фруктового дерева — ты не умрешь с голоду. Но если ты убежишь отсюда, я буду тебя искать и когда снова поймаю — убью!..

Как безумный, разговаривал Ленгконг-Вуайя с этой птицей, словно перед ним был человек. Он думал в это время о предстоящей встрече с врагом и теперь как бы бросал ему смелый вызов.

Вдали виднелась гора Келабат. Окруженная легкими

сверкающими облаками, вершина ее блестела под яркими лучами утреннего солнца, как позолоченная.

Со стороны моря смутно доносился глухой ропот прибоя. «Как странно! — с изумлением подумал Ленгконг-Вуайя, подойдя ближе к берегу. — Море как будто сердится, а земля улыбается!..»

На гребнях бурлящих волн — седая пена: кажется, что по всей поверхности моря плывут разбросанные кем-то букеты жасминов. Но когда смотришь в необозримо раскинувшуюся даль водных просторов, белый цвет постепенно сменяется синим, а небо словно приближается к воде и на горизонте почти сливается с морем — их разделяет лишь узенькая светлая полоска.

Всё больше сердятся высокие пенистые волны, с шумом гонятся друг за другом, и перед взором человека как бы волнуется океан белоснежного хлопка.

«У моря такой же злобный и жестокий вид, как у наших кроважанных врагов, — подумал отважный Ленгконг-Вуайя. — Но я не вижу ни одной их лодки, наверное, они боятся теперь плавать здесь. Ну что ж, если они появятся, то быстро узнают мою силу!..»

Он внимательно осмотрел свой длинный меч, круглый щит и острое копьё.

— Меч мой, ты жаждешь напиться вражеской крови, ждешь, пока я напою тебя досыта. Твое блестящее тело широкое и длинное, а кто велик ростом, тот много пьет и ест. Но успокойся, скоро ты утолишь и жажду и голод!.. Хэй, копьё мое, мала твоя головка, но тело твоё ещё больше, чем у меча, и ты готов впитаться в туловище врага. Подожди немного, насытишься и ты!.. Щит мой, я знаю, ты не обесчестишь меня. Кровь проклятых убийц будет бить из их ран струей и стекать по тебе на землю. Будь же мне верным защитником! Ты крепок, как камень, потомок черного дерева, раджи всех деревьев. Докажи, что ты достойный внук своих славных предков. Мы оба с тобой потомки раджей... О нет, нас не двое, нас четверо: ты, меч, копьё и я!

Сказав это, Ленгконг-Вуайя принялся танцевать, воинственно потрясая своим оружием.

Неожиданно где-то рядом звонко запела маленькая птичка:

— Дуи, дуи-и-ит, дуи-и-и-и-ит...

— Ага, это хороший признак! — сказал он себе, пере-

став танцевать.—Птичка кого-то увидела. Наверное, ко мне подбирается дикий кабан.

Но не кабана хотелось ему встретить и заколоть, а врага.

«Я должен быть настороже»,—подумал Ленгконг-Вуайя. Затем он внимательно осмотрелся, спрятался в зарослях кустарника и притаился там, застыв в ожидании, весь обратившись в слух.

Послышался треск сухих веток.

Но это не были шаги человека, — через лесную чащу в поисках пищи пробирался келават.

— Ты не тот, кого я сейчас ищу, — сказал Ленгконг и, выйдя из-за кустов, продолжал свой путь.

...Вдали, между деревьями, показался выходящий дымок, и до слуха Молодого Воина донеслось нестройное пение петухов — верный признак близости человеческого жилья. Он пошел еще медленнее и осторожнее, скользя по лесу бесшумной тенью. Но вот он остановился, провел рукой по своему лицу и телу и вдруг... исчез, словно растворился в окружающей его природе.

Теперь Ленгконгу казалось, что он стал легким, как перышко. Быстро вскарабкался он на высокое дерево, чтобы взглянуть, нет ли вблизи людей, и увидел пламя костра, разложенного на большой поляне. От него-то и поднимался дым.

Недалеко от костра Ленгконг увидел человека, который, беспрестанно наклоняясь, рвал сухую траву для костра — словно кланялся земле.

Ленгконг-Вуайя поспешно спустился с дерева и направился прямо к поляне.

Прошло совсем немного времени, а он уже приближался к незнакомцу, по-прежнему занятому своим делом; однако тот все равно не мог бы увидеть Ленгконга. Тогда Ленгконг еще раз провел рукой по своему телу и вновь стал видимым.

Заметив человека, который так неожиданно оказался рядом с ним, незнакомец вздрогнул.

— Кто ты? — спросил он на своем языке, поднимая лежавшую около него на земле мотыгу и с вызовом глядя на вооруженного с головы до ног Молодого Воина.

— А ты кто? — спросил Ленгконг-Вуайя на языке этого человека.— Ты из тех, кто пришел на нашу землю, чтобы грабить и убивать?

— А-а, сын горы Келабат? Я вижу, ты собрался убить меня. Знаешь наш язык и притворяешься, будто ты тоже из нашего племени. Хочешь обмануть меня, хочешь, чтобы я поверил, что передо мной не враг, а друг?..

— Друг?! Ты слишком хорошо думаешь о себе, подлый убийца!

— Ты узнаешь сейчас силу моих рук, проклятый келават, потомок свиньи! — гневно вскричал противник Ленгконга-Вуайя, замахиваясь на него мотыгой.

— Замолчи! — спокойно ответил Ленгконг-Вуайя.

— Да ты знаешь, с кем ты говоришь? Я — Вантиан, вождь тех, кто пришел на эту землю! Я привел их сюда!

— Не может быть. Куда тебе! Ты больше похож на петуха без шпор, бессильного, как дохлая курица!

— Ты еще смеешь оскорблять меня! Несчастный келават! Хотя ты и увешан весь оружием, я разможу тебе голову этой мотыгой! — крикнул Вантиан и угрожающе шагнул вперед.

— Не горячись так, хэй, вождь негодяев! Если я келават, то ты просто червяк, и не забывай, что келавату ничего не стоит раздавить червяка!

— Если ты думаешь, что всякая проклятая свинья может встать на моем пути и безнаказанно оскорблять меня, Вантиана, который уничтожил уже немало таких свиней, как ты, — на, получай!..

И, размахнувшись, Вантиан с силой обрушил свою тяжелую мотыгу на Молодого Воина, стремясь проломить ему голову.

Но Ленгконг-Вуайя сумел отразить этот страшный удар, с быстротой молнии подставив свой меч, и мотыга, переломившись, отлетела в сторону. В руках врага остался лишь обломок палки. Вспыхнуло гневом лицо Вантиана: то, что он стал теперь безоружным, привело его в еще большую ярость.

— Что, гнусный червяк, теперь ты испытал силу келавата? — спросил Ленгконг. — Не советую тебе больше дразнить свиней. Если бы я был таким же подлецом, как ты, я мог бы сейчас убить тебя!

— Конечно, ты можешь это сделать. Но так поступают только бесчестные люди! Безоружного человека...

— Возьми свое оружие, — прервал его Ленгконг-Вуайя, — и тогда мы опять померимся с тобой силами.

— Хорошо! — ответил тот. — Но у меня есть только меч и щит, а у тебя еще и копье. Брось его!

Ленгконг-Вуайя отбросил свое копье в сторону и сказал:

— Ну, быстрее бери свое оружие!

— Оно лежит в моей хижине.

— Так принеси его оттуда. Да поторопись!

— А ты жди меня здесь.

— Ты не вернешься сюда, подлый трус. Мы пойдем вместе.

— Нет, я пойду один.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Ленгконг-Вуайя. — Ты хочешь провести меня, позвать на помощь своих воинов? Так слушай, мерзкий червяк и бродяга, если ты сейчас же не пойдешь за оружием, я отрублю тебе голову. Ты задумал обмануть меня, а еще называешь себя вождем!.. Если желаешь, я дам тебе свое оружие.

— Нет, оно не заменит моего.

— Тогда иди за своим!

— Я думал, что воин горы Келабат достаточно смел, чтобы остаться здесь одному, не боясь...

— Довольно! Ты просто хочешь убежать, чтобы спасти свою шкуру. Но ты не обманешь меня! Беги к своей хижине, слышишь, вождь убийц. Ты должен подчиняться мне, как собака, иначе я убью тебя!

Вантиан действительно старался затянуть время, надеясь на помощь своих друзей; он нарочно кричал и шумел, чтобы те услышали его и поспешили к нему. Но Ленгконг-Вуайя разгадал его намерение...

Когда Ленгконг и Вантиан достигли хижины, которая находилась неподалеку от поляны, где они встретились, никакого оружия там не оказалось.

— Значит, я не ошибся, ты хотел обмануть меня, — сказал Ленгконг. — Но твоя подлая затея не удалась, червяк! Какую хитрость ты еще задумал?

— Если у тебя честное сердце, хэй, келават, дай мне оружие, и мы будем сражаться насмерть. Я отрублю твою глупую голову, чтобы ее сожрали крокодилы!

— Я уже предлагал тебе это! Дарю тебе еще несколько минут жизни. Но больше я не стану слушать твоих разговоров. Считаю до десяти, и если ты не возьмешь оружие в руки, меч мой разрубит тебе шею! Вот, выбирай!

— Тогда отдай меч мне, а себе возьми копье. Но щит ты брать не должен.

— Хорошо,— согласился Ленгконг-Вуайя. И, взяв копье, он бросил свой меч врагу со словами:

— Начинай, если ты мужчина!..

Обрадовался Вантиан, получив в свои руки такое грозное оружие. Не медля ни секунды, бросился он на Ленгконга и ударил с размаху изо всех сил... Но Молодой Воин ловко уклонился, и меч, не задев его, лишь просвистел возле его уха.

Пригнувшись, как тигр, ринулся Ленгконг-Вуайя на врага и ударил его по руке, в коготорой тог держал меч. Подлетев от удара высоко над головой Вантиана, меч, падая, глубоко вонзился в его шею. Широкой струей хлынула кровь. Зашатался Вантиан и рухнул на землю. В бессиьной ненависти смотрел он на своего победителя, страшно вращая налившимися кровью глазами.

— Ага, Вантиан! — вскричал Ленгконг-Вуайя. — Это не я ранил тебя. Потомки горы Келабат — не убийцы, как ты. Ты побежден, и так случается со всеми, кто любит хвастаться, но не умеет честно сражаться!

— Келават... Горе тебе!.. Будь ты проклят!.. Возмездие... поразит тебя... Как много песку... в пустыне... так жизнь твоя... будет полна... несчастий!..

Разгневался Ленгконг-Вуайя, услышав такие слова.

— Ты нечестный, злой человек,— сказал он,— поэтому тебе нужно отрубить голову, чтобы все люди горы Келабат, весь мой народ знал, что кровожадного Вантиана больше нет в живых. Но запомни хорошо — это не я убил тебя, ты убил себя сам!

— Убирайся отсюда, дух убийцы!.. О жена моя! О дочь моя!.. Проклятый келават!..

В ярости Вантиан скрежетал зубами, но силы уже оставили его...

И тогда Ленгконг-Вуайя вдруг ощутил в сердце своем жалость к поверженному, умирающему врагу. Взял он свой меч и, чтобы предсмертные муки не терзали больше Вантиана, отсек ему голову.

6. ЛЕНГКОНГ-ВУАЙЯ НЕ ВЕРНУЛСЯ

А что же три остальные воина, друзья Ленгконга-Вуайя?

Один из них пошел на восток, другой — на север, а третий — на юг, но никто не встретил на своем пути врагов, хотя каждый прошел большое расстояние.

Тот, кто отправился на восток, добрался до острова Лембех, куда нередко наведывались чужеземные пришельцы, но на этот раз их там не было.

Тот, кто пошел на север, тоже не встретил ни одного человека.

Вернулся ни с чем и тот, кто пошел на юг. В поисках врагов добрался он, миновав многочисленные быстрые горные речушки, до самого озера Тондано. Озеро это такое огромное, что он сначала принял его за море. Осмотрев все вокруг, но не найдя там никого, он решил возвратиться домой. Надо сказать, что ~~этот~~ воин не отличался особой храбростью и усердием, иначе он обязательно встретил бы на озере Тондано врагов, которые часто нападали на рыбаков и отбирали у них улов.

Так или иначе, все три воина благополучно возвратились в свой родной край.

И вот наступил день, назначенный ими для встречи. Вечером, когда стемнело, друзья собрались вместе, но не было с ними Первого Воина племени Келабат, отважного Ленгконга-Вуайя.

Долго-долго, до глубокой ночи ждали они его, но он не шел, и сердца их охватили печаль и тревога; они уже думали, что он пал от руки врагов... Если и завтра днем Ленгконг-Вуайя не вернется домой, все жители поселка узнают, что он погиб. Тогда еще ощутимее станет горе, еще больше возрастет скорбь народа, и от отчаяния ослабнут силы и мужество юношей, которые сейчас жаждут отомстить врагам за их зверства.

— Давайте пойдем к нашему Отцу — старейшине, и спросим, что случилось с Ленгконгом-Вуайя, — предложил один из воинов.

— Идем! — согласились остальные.

Была уже полночь, когда они пришли к старейшине и разбудили его.

— Кто там? Что случилось? — спросил старик, недовольный тем, что нарушили его сон.

— Отец! — обратился к нему Второй Воин. — Ленгконг-Вуайя не вернулся, враги убили его. Скажи, что нам теперь делать?

— Кто сказал вам, что ваш друг погиб? — спросил старейшина, приподнимаясь на своем ложе.

— Он не пришел обратно, а сейчас уже поздняя ночь!

— О, это ничего не значит! Вы должны верить в его магическую силу.

— Но мы условились встретиться, когда вернемся, а срок уже давно прошел!..

— Как же вы условились?

— Собраться вместе этой ночью.

— Успокойтесь! Он придет с удачей.

— Нет, его, наверное, убили! Мы хотим пойти искать нашего друга! — сказал Второй Воин.

Но тут вмешался в разговор Третий Воин:

— Ведь мы же договорились, что того, кто не возвратится в назначенное время, искать не нужно, Ленгконг-Вуайя сам сказал это.

— Если вы боитесь, я пойду один! — с гневом ответил Второй Воин.

— Слушайте меня! — сказал старейшина. — Если Ленгконг-Вуайя завтра не будет здесь, можете идти на поиски.

— Но почему его до сих пор нет, Отец? — спросил Четвертый Воин — Что произошло с ним, что помешало ему вовремя вернуться домой?

— Сейчас я пока не могу ответить вам на этот вопрос. Идите!

Огорченные словами старика, воины ушли.

Медленно брели они по дороге, думая о своем пропавшем друге.

— Как же мы будем искать Ленгконга, если и завтра он не вернется?

Это спросил Второй Воин. А Четвертый ему ответил:

— Мы соберем всех юношей, возьмем наше острое оружие и нападём на врагов все вместе, потому что один человек с ними справиться не сможет. Посмотрите на этих крохотных муравьев: их много, и они легко несут на себе огромное тело саранчи. А разве в одиночку каждый муравей, даже самый большой, мог бы это сделать? Я не понимаю, почему старейшина велел нам идти на поиски врагов по одному. Так можно еще выследить их лагерь, но напасть на них...

— Справедливы твои слова, — согласился с ним Третий Воин.

А Второй вполголоса произнес:

— Я не очень верю в звезды и предсказания нашего Отца.

— Почему? — удивились его друзья.

— Потому что он уже очень стар и стал слабоумен, как ребенок.

— Ты говоришь дерзкие слова!

— А вы сами верите ему?

— Но разве с помощью звезд не разговаривает он с нашими предками и богами? Разве он не предсказал все, что произошло и что произойдет с нами? От кого же еще мог старик узнать об этом?

— Кто знает!.. Но давайте лучше позаботимся о пище на дорогу. Ведь завтра мы отправимся на запад и будем в пути не меньше трех дней.

— Сначала мы должны будем еще раз поговорить со старейшиной.

— Хорошо. Но пусть это будет в последний раз. Добрый ночи!

И воины разошлись по своим хижинам.

Назавтра они вновь встретились и ждали Ленгконга-Вуайя до тех пор, пока не стемнело, но тот так и не появился... Они уже собрались уходить, когда к ним подошел один из самых лучших друзей Первого Воина и с тревогой в голосе спросил:

— А где же?..

Но не успел он договорить, как над ними быстро пролетела птица. Она печально и жалобно кричала, и крик этот напоминал плач ребенка.

— О-о! — застонали воины. — Нашего друга постигло несчастье, он в беде, его схватили враги! Плач этой птицы означает, что он зовет нас на помощь. Мы должны спасти его!..

И они стали думать, как помочь своему товарищу.

— Надо собрать всех храбрых юношей и сейчас же напасть на врагов! — сказал друг Ленгконга-Вуайя.

— Нет, все-таки мы не должны торопиться, — возразил Второй Воин. — Давайте послушаем в последний раз, что скажет старейшина.

Воины согласились с ним и пошли к хижине старика.

А он в это время через большую трубу внимательно рассматривал небо, которое в эту светлую ночь было усыпано яркими звездами. Седая борода старика задралась кверху, а сам он весь был поглощен своим занятием. Вид и поведение его были какими-то загадочными и немножко пугающими.

Оторвавшись от своей трубы, старик вынул из кармана

скатанную красную тряпочку, развернул ее на столе, разгладил и положил на нее три круглых каменных шарика, тихошью приговаривая:

Храбр и умен.
Ловок и силен.
Никем не побежден.
Вернуться хочет он...
Власть его растет.
Теперь потомства ждет.
Славен наш герой!
Он идет домой...
Враги покорены!
Уходит из страны.
Но знает наш народ,
Он с нами, он придет!..

Друг Ленгконга-Вуайя осторожно кашлянул, но волшебник-звездочет даже не обернулся. Тогда кашлянул Второй Воин, сильнее, однако старик и на этот раз не обратил на них внимания.

— Кажется, он действительно искусен в магии,— зашептали друг другу воины.

— Тс-с, тише!..

Только через полчаса старейшина повернул к ним голову и строго спросил:

— Зачем вы пришли сюда? Я опять вижу на ваших лицах желание воевать. Куда вы собрались идти?

— Мы хотим пойти на поиски Ленгконга-Вуайя. Он до сих пор еще не вернулся.

— Хм, хм, странно! Разве вы не слышали, что я сейчас говорил?

— Слышали, Отец,— ответили воины.

— Тогда вы должны были понять все, и мне нечего вам больше объяснять. Идите по домам и не думайте о Ленгконге-Вуайя, не беспокойтесь о его судьбе!

Сказав так, старик ушел в свою хижину.

— Кто из вас понял, что он тут шептал? — спросил друг Первого Воина.

— Я разобрал только слова: «Не хочет возвращаться»,— ответил Второй Воин.— Но что это значит?

— Я расслышал: «Теперь ждет потомства»,— сказал Третий.— И больше ничего.

— А я понял: «Он с нами...» — добавил Четвертый Воин.

— Да, и я все это слышал, — сказал друг Ленгконга-Вуайя. — Но мы не знаем, что означают эти слова

— Странно! — воскликнули одновременно все воины.

— Давайте спросим у старейшины, — предложил друг Ленгконга.

Однако на их вопросы старик ничего не ответил им. Он лишь беззвучно шевелил губами и, покашливая, разглаживал свою длинную бороду.

И ушли четверо воинов, так и не разгадав, о чем, глядя на звезды, шептал их старейшина. Они решили, что все равно пойдут искать своего пропавшего товарища и не вернутся до тех пор, пока не найдут его.

7. СМЯТЕНИЕ ВО ВРАЖЕСКОМ ПЛЕМЕНИ

Солнце уже склонилось к западу, и лучи его становились все короче и короче. Они золотили беспокойную поверхность моря, покрытую бурлившими валами, которые, словно играя, перекачивались один за другим. Гребни их блестели. Вода казалась окрашенной, но цвет ее беспрестанно менялся: то он был розовым, то темно-красным... Волны игриво и шумно плескались, сталкивались друг с другом, вздымались и вновь оседали, их бесчисленные мелкие брызги сверкали, словно алмазы. Иногда гребни волн достигали такой высоты, что закрывали собой лучи заходящего солнца, но потом море вновь сияло позолотой, лишь у самого горизонта сменявшейся глубокой синевой бесконечных просторов...

На западе небо, ярко расцвеченное красивыми предзакатными красками, казалось затянутым огромным роскошным покрывалом, унизанным жемчугами и бриллиантами. И невольно хотелось сравнить солнце с раджей, медленно и важно шествующим в свою опочивальню... Так же как и раджа, оно готовилось отойти ко сну где-то там, далеко-далеко, за причудливыми розовеющими облаками, похожими на букеты распустившихся роз. Шум ветра и моря напоминал звуки труб, возвещающих наступление ночи. А легкий дымок, выющийся кольцами над человеческим жильем, стремился куда-то к небесам, и казалось, что люди курили фимиами во славу раджи.

И все-таки это великолепное зрелище, радуя сердце

человека, в то же время наполняло его и грустью, потому что оно означало не только торжество светлой, сияющей красоты, но и приближение темноты, непроницаемой и мрачной, стоило лишь исчезнуть с лица земли последнему лучу. И поэтому тот, кто смотрит на чудесный закат, не может только восхищаться им: мысленному взору его представляются потоки крови, обильно пролитой во время жестоких войн между черными и светлыми духами, духами Зла и Добра. Багровый отблеск ложится на верхушки деревьев, и они кажутся обрызганными кровью, будто именно здесь, над этим лесом, происходило какое-то невиданное сражение.

Как человек в горе и отчаянии, рыдая, бьется головой о землю, так и лодки в море, то поднимаясь на гребнях высоких волн, то ныряя вниз, словно оплакивают исчезающее солнце. А оно тем временем опускается все ниже и ниже; кажется, что его неотвратно влекут к себе морские глубины, и лучи его, как руки тонущего человека, судорожно извиваются на колеблющейся поверхности воды. Но вот и они блеснули в последний раз, как бы посылая людям прощальный привет, и угасли, поглощенные морем.

Солнце скрылось, но умирающий свет дня еще боролся с темнотой ночи, и в надвигающихся сумерках можно было различить очертания леса и поселка, который раскинулся возле него.

Здесь, на западном побережье Минахасы, расположился лагерь пришедшие с юга чужеземцы. Они издавна враждовали с населением Минахасы, стремясь захватить эти богатые земли.

...В этот предзакатный час в поселке царило неслыханное смятение. Встревоженные частыми ударами гонга, люди поспешно выбегали из своих хижин.

— Враги! Враги!..— раздавались то здесь, то там испуганные возгласы.

— Смерть врагам, смерть! — кричали более храбрые.— Скорей берите оружие!..

Весь поселок пришел в движение.

На звуки гонга толпами бежали мужчины, вооруженные мечами, копьями и щитами. Они устремились к хижине Вантиана — своего Вождя и Военачальника.

Что же произошло?

Вантиан не вернулся из леса! А так уж заведено, что если к заходу солнца Вождь не возвращается в поселок,

все молодые воины должны идти на его поиски. Ведь, может быть, ему угрожает смертельная опасность! И вот молодые воины собрались здесь, взволнованные тревожной вестью, чтобы услышать, что скажет им и что повелит сделать их старейшина, мудрый и опытный воин.

Давно уже село солнце, а Вантиана все нет. Пуста его хижина, потому что и жена Вождя, и дочь — очень красивая девушка, которую так любят все жители поселка, — тоже куда-то исчезли. Что делать?..

...В тот час, когда Вантиан сражался с Ленгконгом-Вуайя и был убит, жена и дочь ждали его дома. В условленное время он не вернулся, и тогда мать сказала своей дочери:

— Пойдем встретим твоего отца. Солнце уже садится, а его еще нет. Сейчас сюда соберутся воины, чтобы увидеть своего Вождя. Раньше он никогда еще не забывал, что его ждут. Но сегодня, если мы не выйдем к нему навстречу и не поторопим его, он не придет вовремя, как обещал. Что скажут тогда воины? Они уже не будут так уважать и слушаться твоего отца.

— Да, мать моя права. Но почему я так волнуюсь?

— И у меня на душе тоже что-то беспокойно... Но будем надеяться, что с ним не случилось несчастья.

— Очень странно... Послушай! Недавно, когда я плела корзинку для риса, что-то вдруг словно пронзило мне душу, так что из глаз моих сами покатились слезы. Я даже не смогла больше работать...

— Не надо думать о плохом, а то отец твой и правда может попасть в беду, — сказала мать, хотя ее тоже томили мрачные предчувствия.

— А тут еще этот дурной сон, который приснился мне ночью! Он преследует меня до сих пор!

— Сон? Тебя слишком тревожат разные мысли... Но нам нужно торопиться, дитя мое. Наверное, отец твой все еще работает в нашем саду... Ты видишь там дымок? Это он разложил костер... Конечно! Но как странно, он никогда не был так забывчив... Смотри, какие красные облака! Как кровь!.. Мне жутко... Идем, идем скорее, дочь моя!..

Они быстро пошли по направлению к лесу, а сердца их трепетали и сжимались от неизъяснимого страха.

Вскоре они, однако, замедлили шаги, боясь, что люди, которые могут встретиться им по дороге, заподозрят в их поспешности что-то неладное.

Дочь хотела рассказать матери свой сон, но та запретила ей говорить об этом. Все чаще и тревожнее стучало сердце женщины, и, сама того не замечая, она, снова ускорив шаги, почти побежала.

— Мама,— задыхаясь, проговорила девушка, еле поспевая за ней.— Мой сон... Я не могу так быстро...

— Отец твой... Скоро уже совсем темно, а нам надо еще найти его,— ответила мать с тревогой в голосе, не спуская глаз с дыма, вьющегося над хижиной в лесу...

Дальше они шли молча, все ускоряя и ускоряя шаги. Достигнув хижины, мать девушки стала громко звать своего мужа.

...Тишина! Ни звука в ответ. Бедным женщинам стало страшно. Тогда они принялись кричать вместе, но отзывалось им только лесное эхо. Голоса их звучали здесь глухо, будто доносились откуда-то из глубины огромной могилы. Мать и дочь стояли неподвижно, прижавшись друг к другу, дрожа от ужаса, словно они неожиданно увидели перед собой злых духов.

Тихо и очень пустынно было в этом уголке леса. Испуганных женщин окружали одни лишь огромные деревья с затейливо изогнутыми сучьями, похожие на чудовищных великанов-людоедов с острыми, хищными клыками. При каждом дуновении ветерка ветви, покрытые густой листвой, раскачивались в разные стороны, но в объятom страхом воображении обеих женщин они представлялись огромными руками, которые зловеще протягивали к ним злобные чудовища...

8. В ПОИСКАХ ЛЕНГКОНГА

— Конг-ко-лиа-вонг, конг-ко-лиа-вонг...— поет желтоперая птичка, и в песне этой слышится зов самца, который ищет себе самку.

Птица сидит на ветке высокого дерева, красуясь на солнце своим оперением. Широко раскрыт ее клюв, раздувается грудка, и волнами льются наружу чистые, звонкие и радостные звуки.

Глаза птицы сверкают, она непрерывно кивает головой, словно поклоняясь сияющему солнцу. И в самом деле, как в блаженном экстазе, славит она раджу дневного света, славит природу, расцветающую в этот ранний утренний час. Чем еще, как не мелодичным, веселым пением своим может

она выразить переполняющее ее чувство благодарности к великому, всемогущему аллаху, который создал эту красоту и дал жизнь всему живому на земле!..

Поет, заливаясь птица, голос ее наполняет воздух, уносясь вдаль. Вместе с птицей одобрительно кивают ветви деревьев, украшенные тысячами позолоченных солнцем листьев, которые трепетно танцуют и тихонько шумят, словно напевают вполголоса что-то нежное и приятное. И от их движения то тут, то там вспыхивают на земле яркие солнечные блики.

Да, мир прекрасен, он озарен лучами благоденствия, но... он полон также скорби и печали. Как на море затишье сменяется бурей, как лес то сердито шумит, то опять становится приветлив и тих, так и в жизни человека веселье чередуется с горем, так сменяют друг друга счастье и несчастье, изобилие и нужда, богатство и нищета...

— Конг-ко-лиа-вонг, кило-кило, сиюв-сиуов!..

Пение птицы радует сердца четырех воинов, которые бредут по лесу в поисках своего друга Ленгконга-Вуайя. Оно даже словно воодушевляет и прибавляет им храбрости для сражения с врагами. Воины переглядываются с улыбкой, лица их сияют.

— Кило-кило, сиюв-сиуов! — раздается опять.

— Вы слышите? — спрашивает своих друзей Второй Воин. — Девять!.. * Это значит, что один человек получает силу девяти. Каждый из нас теперь так же силен, как девять воинов!

— Пусть она повторит это еще раз, — с сомнением произнес Третий Воин.

Второй, свистнув, обратился к птице:

— Конг-ко-лиа-вонг, кило-кило, сиюв-сиуов!..

Птица ответила:

— Сиуов, сиюв-пуду!

— Девяносто девять! — с гордостью перевел Второй Воин птичьи слова. — Теперь она говорит, что у нас с вами столько же силы, сколько у девяноста девяти человек! Если вы не верите, я спрошу еще раз. — И он снова обратился к птице:

— Конг-ко-лиа-вонг, сколько нас?

— Сиуов-сиуов-пуду!

* Сиуов — на одном из диалектов индонезийского языка означает девять. — Прим. автора.

Радостно заулыбались четыре друга. А Второй Воин проговорил:

— Голосом этой птицы с нами говорят наши предки! Ее послали с небес на землю девяносто девять самых могущественных богов и богинь.

— Кто сказал тебе это? — спросил его Третий Воин.

— Сама птица. Пусть она тебе ответит, верно ли я говорю.

— Конг-ко-лиа-вонг, конг-ко-лиа-вонг! — закричал тот. — Сколько у тебя предков в раю?

— Сиоув, сиоув-пуду!

— Ну, что я вам сказал? — торжествующе произнес Второй Воин.

— Правильны твои слова! — сказали все. — Теперь нам нечего больше бояться, можно идти дальше.

— Так идем?

— Идем!

В этот момент птица вспорхнула со своей ветки и, пошвыстывая, пролетела над их головами, направляясь к западу. Четыре воина смотрели ей вслед. Быстро удаляясь от них, птица становилась все меньше и меньше, пока не превратилась в еле заметную точку и наконец исчезла из виду, слившись со сверкающей голубизной небес.

— Хэй, друзья, нам нужно идти на запад, — сказал Второй Воин.

Они поднялись на ноги, но тут Третий Воин заколебался. Он предложил сначала вернуться в поселок, чтобы захватить с собой побольше провизии. Но друг Ленгконга-Вуайя решительно возразил против этого. Разгорелся спор. В это время за их спинами послышался негромкий голос:

— Куда же вы собрались идти?

Воины испуганно обернулись и увидели старейшину племени, который стоял рядом с ними.

— Я вижу, вы не верите мне, — сказал он. — Я слышал все, о чем вы говорили. Вы не поняли моего совета, а понять что-нибудь неправильно — очень опасно... Вот послушайте один рассказ.

Жила-была совсем маленькая девочка, которую звали Шпинат. У нее была старшая сестра, уже довольно большая. Как-то раз мать привела обеих девочек в сад и наказала своей старшей дочери следить за сестренкой, пока сама она будет работать. Однако маленькая все время хныкала. Ее сестра подошла к матери и сказала:

— Мама, Шпинат плачет!

— А ты поиграй с ней,— ответила мать.— Дай ей поест вареной картошки.

Ребенок успокоился. Через некоторое время мать проголодалась и крикнула издали своей старшей дочери:

— Свари мне шпинату!

— Ох! — сказала та про себя.— Я должна сварить мою маленькую сестренку. Как мне ее жалко!.. Но если я не послушаюсь матери, она побьет меня!..

Испугавшись этого, девочка убила свою сестренку, разрезала ее на куски и сварила.

Мать чуть с ума не сошла от горя и ужаса, когда увидела, что наделала старшая дочь, неправильно поняв ее слова. Ведь она велела сварить овощи — шпинат, а не девочку, которую звали так же...

Вот так может случиться и с вами. Вы хотите напасть на врагов, вы хотите найти Ленгконга-Вуайя, который сейчас выполняет свой священный долг. Но уверены ли вы в своих силах, уверены ли вы, что не потерпите поражения, не опозорите себя? Запомните: наш враг — это не муха или комар, которых вы легко можете убить.

Ленгконг-Вуайя сделает свое дело успешно, потому что ему помогает магическая сила, посылаемая моими звездами. А вам — нет. Если вы будете следовать только своим желаниям, с вами произойдет то же, что и с девочкой, о которой я сейчас рассказывал! Она тоже хорошо не подумала и от страха перед матерью убила свою сестренку.

Вы боитесь, что Ленгконг-Вуайя погибнет, и сердца ваши горюют, когда вы думаете о его судьбе. Но я вижу, что ваша храбрость сочетается с невежеством и глупостью, которые написаны у вас на лицах, а ваша любовь к другу — с недостатком опыта и умения. Вы еще молоды и потому не замечаете опасности, которая притаилась, как злобный дух, чтобы проглотить вас. Та птица, которую вы здесь сейчас видели, пела так весело только потому, что перед этим нашла себе пищу и была сыта. А вы уже решили, что она — посланница богов, и разговаривали с ней, как со своим старейшиной, наделенным большой магической силой.

Вы даже подумали, будто стали в девяносто девять раз сильнее, чем были. Но если это действительно так, то по-

пробуйте-ка свалить руками вот это волосяное дерево! Ствол его не толст, и для этого нужна сила всего в тридцать раз больше, чем у вас. Ну, что же вы стоите?..

Пристыженные воины не ответили ему и лишь уныло переглянулись.

— Вот видите, никто из вас даже не осмелился подойти к дереву. Так знайте, что если вы не послушаетесь меня, то будете бежать от врагов, как побитые собаки. Тогда вы не только не поможете Ленгконгу-Вуайя, а, наоборот, мешаете ему достичь своей цели!..

С этими словами старик повернулся и пошел прочь, не оглядываясь и что-то бормоча себе под нос.

Воины смотрели ему вслед. Они были настолько удивлены, что лишились дара речи. Поведение старейшины казалось им слишком странным. Они никак не могли поверить, что птица, которая только что пела здесь и разговаривала с ними, не была послана с небес их предками. Они же все хорошо видели ее, слышали ее голос!..

— Ну, что вы скажете на это? — прервал затянувшееся молчание друг Ленгконга-Вуайя. — Прошло уже столько времени, а мы только разговариваем, но еще ничего не сделали!..

— Этот старик... Он всегда слишком много говорит, — проворчал Второй Воин.

А Третий сказал с горькой усмешкой:

— Раз мы неспособны воевать с врагами, придется нам воевать с воздухом!

— Но для этого нужны крылья, — отозвался Четвертый. — Если бы у меня были такие крылья, как у того конг-колиавонга, я бы уже давно нашел врагов и расправился с ними!..

— А по-моему, — сказал друг Ленгконга-Вуайя, — старик просто хочет, чтобы мы набрали для него в лесу пальмового сока. Этот пьяница уже, видно, выпил все свои запасы и поэтому теперь ворчит без конца. Чтобы он стал к нам добрее, давайте подарим ему по бамбуковой чаше сока. Ха-ха-ха!..

— Довольно вам смеяться над стариком, — упрекнул друзей Второй Воин, — иначе люди назовут нас невежественными и дерзкими. Давайте лучше решим, что нам сейчас делать. Нам надо как следует все обдумать, чтобы потом не пришлось жалеть о своих поступках.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся опять друг Ленгконга-

Вуайя.— Я уверен, что старик был уже пьян, когда говорил с нами!..

— Хватит шутить! — оборвал его Второй Воин.— Мы не должны больше терять времени. Что скажут мои друзья?

— На запад! На запад! — ответили все воины.

Они положили свое оружие на землю и, взявшись за руки, стали ходить вокруг него. Со стороны казалось, что это играют маленькие дети, на самом же деле воины давали клятву быть верными друг другу и не отступать перед врагом. Кивая головами, шли они по кругу и припевали:

Будем вместе, все за одного!..

Будем вместе, один за всех!..

Потом, увешанные боевыми доспехами, и оружием, но не взяв с собой никакой провизии, они направились в сторону запада.

Когда старейшина узнал об этом, он разгневался было на непослушных молодых воинов, но потом подумал, что, пожалуй, сердиться на них поздно — ведь все равно к тому времени они были уже далеко. И тогда он стал молиться за них, прося богов пощадить жизни неразумных юношей, простить им их упрямство и легкомыслие.

— О боги, пусть минуют их опасности! Дети нашего народа, его верные слуги, они и ваши дети. Пожалейте их, хотя и вселился в их сердца дух непокорности. Сделайте так, чтобы они избежали опасностей и невредимыми вернулись домой. Если эти молодые воины погибнут, то горе охватит всю нашу страну: ведь только они могут быть ее вождями и защитниками, потому что те, кто остался здесь, совсем не обучены искусству воевать.

О боги, слуга ваш послал на бой с врагами лишь одного, самого отважного юношу, чтобы сохранить жизни многих других сыновей нашей родины, чтобы не было пролито нами еще больше слез скорби и печали. Я умоляю вас, о предки, живущие в раю, защитите же четверых неразумных храбрецов. Они ищут своего друга, так пусть исполнится их желание, пусть ваша мудрость и магическая сила руководят их поступками.

Помогите им, оградите их тела вашими каменными щитами, чтобы жестокие и кровожадные враги не растерзали их, как дикие собаки, чтобы не покрыли наши юноши позором свое оружие. Сердцем, полным любви и преданности вам, о предки, взываю к вашему благородству и милосер-

дию. Мы — ваши дети, мы связаны с вами неразрывными узами родства и дружбы.

Так дайте мне надежду на то, что просьбу мою вы исполните. Тогда еще больше окрепнет в душе слуги вашего вера в Добро и Справедливость, рожденные вашей священной любовью к людям, которая согревает и озаряет все вокруг радостным светом, как освещают и ласкают мир лучи всемогущего солнца!..

Такими словами закончил старейшина молитву, и лишь тогда почувствовал успокоение. Ведь он любил свой народ, всегда думал о нем и заботился о его благе.

9. КАК ЛЕНГКОНГ-ВУАЙЯ ВСТРЕТИЛСЯ С ЖЕНОЙ И ДОЧЕРЬЮ ВАНТИАНА

Одержав победу над Вантианом, Ленгконг-Вуайя вспомнил о своих друзьях. Пора было возвращаться домой, чтобы успеть к сроку, назначенному для сбора.

Душа его ликовала. Это он принесет в поселок голову Вождя и Военачальника их врагов! Это ему помогли боги и предки, подарив такую удачу! Это на его долю выпала честь расправиться с самым страшным врагом! Да еще с какой легкостью одержал он эту победу!..

Конечно, все его близкие, да и вообще все жители поселка будут поражены, увидев в его руках славный трофей — голову самого Вантиана. И каждый из них будет восхвалять его и оказывать ему почести, и в их сердцах еще больше укрепитсся вера, что нет воина храбрее и мудрее, чем Ленгконг-Вуайя!.. В его честь люди устроят невиданный праздник, где будут прославлять его заслуги перед народом. Теперь все убедятся, что никто другой не владеет искусством сражаться с врагами лучше него, что он — настоящий Вождь и Первый Воин народа Келабат. Теперь все признают его власть и магическую силу и будут беспрекословно исполнять все его приказания!..

Погруженный в такие приятные мысли, Ленгконг-Вуайя вдруг услышал позади себя треск веток. Подумав, что к нему приближаются враги, он поспешно спрятался в кустах и, крепко сжимая в руках свое оружие, внимательно осмотрелся по сторонам, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

На противоположном краю поляны увидел он две человеческие фигуры. Их с трудом можно было различить, так

как они были довольно далеко от Ленгконга-Вуайя. К тому же на землю уже спустились сумерки.

Кто это? Враги?.. Друзья?.. Молодой Воин спокойно выжидал, пока они подойдут ближе.

Нет, не похоже на то, что они преследуют его. У них такой испуганный вид.

О, да это женщины!.. Но зачем в такой поздний час пришли они сюда, в это пустынное, заброшенное место?

Когда обе женщины подошли ближе и Ленгконг-Вуайя смог рассмотреть их лица, он увидел, что одна из них уже немолода, зато другая... Совсем еще юная, красавица, стройная, как пальма, с вьющимися волосами и нежной, золотистой кожей! Она что-то тихо говорила своей спутнице, и на щеках ее играли маленькие ямочки...

С первого же взгляда Ленгконг-Вуайя влюбился в эту девушку, пораженный ее красотой; от волнения замерло его сердце и почти остановилось дыхание...

Осторожно приблизился он к женщинам и услышал, как девушка сказала:

— Мать, я не вижу отца, но вот его следы!.. Наверное, он в хижине.

— Если это следы твоего отца, — ответила ей другая женщина, — то, значит, он никуда не уходил отсюда. Зови же его!

— Отец, отец!.. — кричала девушка, но лишь эхо отвечало ей, многократно и приглушенно повторяя это слово.

— Вантиан, Вантиан! — звала женщина голосом, полным тревоги и отчаяния, но муж ее не отзывался и не мог уже отозваться на этот зов...

Охваченные страхом и тревожными предчувствиями, мать и дочь искали Вантиана, долго звали его, но все было напрасно.

Растерянн озирались они по сторонам, как вдруг... девушка в испуге вздрогнула: перед ней на земле лежал распростертый труп обезглавленного человека!..

В то же самое мгновение увидела его и мать. Горе и ужас пронзили ее сердце, слезы брызнули из глаз и покатались по щекам, подкосились вдруг отяжелевшие ноги, и словно мертвая рухнула она без памяти на землю рядом с бездыханным телом своего любимого мужа. А дочь ее при виде этого жуткого зрелища горько и безутешно зарыдала.

Как только услышал Ленгконг-Вуайя рыдания девушки, почувствовал он, что душа у него разрывается от жалости

и сострадания к ней, потому что это он был причиной ее скорби. Медленно вышел он из своего убежища и тихонько кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

Как сквозь сон, услышала этот звук жена Вантиана, но она так была поглощена своим страшным горем, что обернулась лишь тогда, когда почувствовала, что кто-то стоит рядом с ней. Увидев совсем незнакомого человека, она от неожиданности испуганно вскрикнула и снова, потеряв сознание, упала. Не выдержав нового потрясения, дочь ее тоже лишилась чувств.

Ленгконг-Вуайя бросился к хижине, разыскал там воду и, быстро вернувшись, смочил головы обеих женщин. Постепенно они пришли в себя. Обе тихо стонали.

Ленгконг-Вуайя бережно помог им подняться на ноги и хотел довести их до хижины, но вдруг жена Вантиана взглянула ему в лицо, быстро отдернула свою руку и спросила:

— Кто ты?

— Ленгконг-Вуайя.

— Что ты здесь делаешь?

— Охочусь.

— Ты... келабат?

— Да.

Словно от удара, отшатнулась назад старая женщина, услышав ответ Воина. Скорбь и печаль сменились гневом и ненавистью, мгновенно вспыхнувшими в ее сердце: она догадалась, что именно этот человек — их враг, проклятый келабат — отнял жизнь у ее мужа.

— Ты — келабат? — повторила она, и вся кровь закипела у нее в жилах. — Это ты убил моего мужа? Жестокий зверь!..

— Мать! — тихо произнес Ленгконг-Вуайя. — Не гневайся...

— Что?! Зачем ты пришел сюда? Это моя земля, мой сад. Я не хочу даже смотреть на тебя. Убирайся отсюда, с глаз моих долой, кровожадный убийца!..

Исчезла жалость из сердца Молодого Воина и рассердился он, потому что жена Вантиана обозвала его такими отвратительными словами.

— Твое счастье, что ты женщина, — с гневной усмешкой сказал он. — Я не воюю с женщинами. Но если бы ты была мужчиной, я быстро разлучил бы твою душу с телом. Я воин, а все воины должны подчиняться законам и обы-

чаям своих богов-предков — всегда защищать и не обижать слабых, таких, как ты. Поэтому я не хочу ссориться с тобой, но если ты будешь говорить слишком много...

Он бешено сверкнул глазами и схватился за рукоятку своего меча, в то же время бросив быстрый взгляд на девушку, которая стояла рядом с матерью, окаменев от страха, словно пригвожденная к земле.

От страха застыла кровь в теле старой женщины и в испуге подумала она, что если воин разгневется, то не будет ей пощады, а ее дочь...

И она сказала вкрадчивым голосом:

— Если ты подчиняешься законам богов, ты должен помочь нам в нашем горе.

— Ха! — воскликнул Ленгкснг-Вуайя. — Только что ты оскорбляла меня, и вдруг сразу смирилась. Только что угрожала мне, а теперь просишь о помощи. Но хорошо, говори. Чего же ты хочешь?

— Я хочу взять тело моего мужа. Верни мне его голову, чтобы я могла присоединить ее к туловищу. Ведь он тоже знаменитый воин и его нельзя хоронить без головы!

— Если я сделаю это, чем ты отплатишь мне?

— Я дам тебе любую вещь, которую ты попросишь.

— Мне не нужно никаких вещей.

— Я сделаю тебя Первым Воином вместо моего мужа.

— Я не желаю этого.

— Так чего же ты хочешь? — спросила мать, и сердце ее дрогнуло от страшной догадки.

Ленгконг-Вуайя, улыбаясь, пристально смотрел на красавицу девушку.

Поняв этот взгляд Молодого Воина, женщина вздрогнула, и жаркое пламя гнева вновь охватило ее.

А девушка? У нее был смущенный вид. Покраснев, она низко склонила голову, чтобы не выдать себя. Она боролась с собой, стараясь подавить неведомо откуда взявшееся вдруг в ее сердце необычайное чувство, которое, казалось, вытеснило даже боль ужасной потери... Она никогда не испытывала ничего подобного, разве только во сне.

Да, во сне... Всего два-три дня назад снилось ей, будто встретила она с юношей. И он был так похож на Ленгконга-Вуайя!.. У него были такие же лучистые, сияющие глаза, рассыпавшиеся по плечам вьющиеся кудри, и тело его было таким же стройным, крепким и сильным.

Подняв голову, девушка встретила глазами с Моло-

дым Воином и вся затрепетала от волнения. Мать же ее решила, что она дрожит от страха перед убийцей своего отца.

— Скажи, чего же ты хочешь? — еще раз спросила она юношу, с трудом сдерживая клокотавшую в ней ярость. — Я жду твоего ответа.

Вновь улыбнулся Ленгконг-Вуайя и медленно произнес, не отрывая взора от лица девушки:

— Сердце мое трепещет от счастья, когда я смотрю на...

— Так... — прервала его мать. — Теперь я знаю твоё желание. Я обязана уважать волю души моего мужа, а она — у тебя в руках, поэтому обещаю, что просьба твоя будет исполнена. Я готова принести в жертву свою дочь!.. А ты, хэй, воин, завтра на рассвете, перед восходом солнца, принесешь ко мне в дом голову моего мужа.

Сказав так, она повернулась и быстро пошла прочь от этого места, уже по дороге обдумывая, как ей отомстить врагу за убийство Вантиана.

10. ЛЕНГКОНГ-ВУАЙЯ СОБИРАЕТСЯ ИДТИ В СТАН ВРАГОВ

Итак, Ленгконг-Вуайя добился своего — за голову Вантиана ему обещали «любовный выкуп». Теперь пора было подумать и о ночлеге, найти какое-нибудь безопасное место.

Вокруг Ленгконга темнел густой лес, и казалось, что ночной воздух полон невидимых духов. Но отважного воина это не страшило. Ему хотелось одного — скорее стряхнуть с себя усталость, отдохнуть.

К счастью, небо было чистое, безоблачное, все усыпанное бесчисленными звездами, и поэтому он без труда нашел в лесу большую сухую пещеру. Осторожно войдя в нее, Ленгконг несколько раз постучал по стенам, чтобы узнать, не притаился ли здесь кто-нибудь из лесных обитателей. В тот же момент он услышал испуганный писк, и мимо него пролетела большая летучая мышь.

Вдруг в темноте перед Ленгконгом загорелся какой-то огонек! Кто это? Дикая кошка или?.. И в тот же момент огонек метнулся в воздухе и кинулся на него!.. В одно мгновение Ленгконг-Вуайя выбросил вперед руку и заслонился щитом, а другой рукой с силой ударил по нападавшему мечом. Что-то тяжелое упало с размаху к ногам Воина.

Огромный змей хотел проглотить его!..

— Это тоже мой враг, — сказал себе Ленгконг-Вуайя. —

Но завтра их будет гораздо больше. Все воины Вантиана соберутся, чтобы уничтожить меня. Им прикажет сделать это мать девушки, когда я принесу ей голову ее мужа. Я знаю, что в душе она поклялась отомстить мне за его смерть и пообещала исполнить мое желание только для того, чтобы выиграть время... Но мне помогут предки! Завтра враги убедятся в моей магической силе. Пусть их будет много, но я все равно одержу над ними победу с такой же легкостью, с какой я убил сейчас этого змея!..

И Ленгконг-Вуайя спокойно расположился в пещере и решил поест, так как был очень голоден. Но тут он неожиданно вспомнил о подбитой им птице, которая осталась под фруктовым деревом, и опять поднялся на ноги, чтобы пойти за ней.

— Я изжарю эту птицу и съем ее. Она тоже мой враг. Так же легко, как я сбил ее, я отрубил голову Вантиану. И так же быстро, как съем ее мясо, я расправлюсь с остальными врагами!..

Ленгконг разыскал птицу, убил ее и начал разводить костер. Взяв два сухих кусочка дерева, он стал быстро тереть их друг о друга, держа рядом с пучком сухой травы. И не прошло много времени, как вспыхнуло яркое пламя.

Огонь быстро разогнал комаров, которые тучами вились над Молодым Воином. После этого он принялся готовить себе ужин. Он насадил ощипанную птицу на острую палочку и стал медленно поворачивать ее в горячей золе. Наконец, он почувствовал вкусный запах жареного мяса, от которого у него потекли слюнки. Отрезая один кусок за другим, он с жадностью съел все без остатка.

Затем он вернулся в пещеру. Голову Вантиана Ленгконг-Вуайя все время носил с собой, боясь, чтобы ее не утащили хищные звери.

В пещере было очень много комаров, и ему опять пришлось разводить костер. Чтобы враги не заметили огня, он прикрыл вход в пещеру большими банановыми ветками. Теперь Молодой Воин чувствовал себя в безопасности и мог наконец заснуть крепким сном.

Однако спать ему пришлось недолго: дым от костра быстро наполнил всю пещеру, и он проснулся. Разгневанный, Ленгконг потушил костер, и сразу же его тело охватила освежающая прохлада. Но вскоре в пещеру опять налетели комары. Так и не удалось Молодому Воину уснуть, и поэтому казалось ему, что ночь тянется бесконечно долго.

Оставалось думать. И мысли Ленгконга беспорядочно блуждали то там, то здесь. Он вспомнил о своих друзьях, о старейшине, поведение которого было таким загадочным... Что с остальными тремя воинами? Удалось ли им достичь своей цели, разбить и уничтожить врагов?..

Когда он вернется в поселок и принесет с собой голову Вантиана, весь народ будет ликовать. Но... ведь тогда еще сильнее разгорится война, потому что враги обязательно станут искать голову своего Вождя и Военачальника, чтобы отбить ее; иначе им придется отдать за нее Ленгконгу-Вуайя красивую дочь Вантиана...

Вспомнив о ней, Молодой Воин почувствовал в своей груди радостное волнение. Облик прекрасной девушки вновь предстал перед его глазами, и сердце его трепетно забилося, потому что он был очень влюблен...

— Любимая, я убил твоего отца, — горестно качая головой, прошептал он. — Но ты увидишь, я сделаю все, чтобы ты пожелала стать моей женой!

И, взяв в руки голову Вантиана, обернутую пальмовыми листьями, Ленгконг-Вуайя заговорил так:

— Хэй, Вантиан, если твоя душа тоже находится здесь, в пещере, как и твоя голова, то слушай: пусть все хорошее и плохое, что сделал каждый из нас, пусть наши добрые дела и наши грехи вознесутся к небу, на суд богов и предков, и пусть отныне исчезнет вражда между нами!..

Я хочу мира и дружбы с твоей душой и с твоей страной, я принесу и отдам твоему народу всю любовь моего сердца. Потомки горы Келабат не будут больше мстить сынам Вантиана за те злодеяния, что совершили они на нашей земле. Мы протянем друг другу руки, потому что мир нужен всем нам. Забудутся жестокие раздоры и кровавые войны, и тогда жизнь наших детей и внуков станет счастливой, и души наши будут мирно жить в раю, а боги и предки вместе с нами будут радоваться спокойствию и миру на земле.

И чтобы это свершилось, прошу я, хэй, Вантиан, твоего благословения, потому что ты отец той чудесной девушки, которую я полюбил. Завтра на рассвете я принесу твою голову твоей жене и останусь вместе с вашим народом...

Сказав так, Ленгконг-Вуайя вышел из пещеры и, взглянув на небо, увидел яркие звезды. Они словно улыбались ему, обещая большую награду, и в сердце его еще больше возросла надежда, что все его желания и мечты сбудутся.

Он понимал, что в стане врагов его ждет много опасно-

стей, что, идя туда, он рискует жизнью, но решил не отступать от своего намерения, ибо твердо верил, что найдет способ сохранить себе жизнь и довести до конца свое благородное дело.

Ленгконг-Вуайя взял меч, копье и щит и любовно погладил их. Нужно быть наготове: ведь он знает, что жена Ван-тиана ненавидит его и замышляет расправу над ним.

— Хэй, меч, щит и копье мои! — сказал он. — Враг вынашивает злобу в своем сердце, но я надеюсь на вас! Вы еще ни разу не подводили меня. Я знаю, что вы слышите и понимаете мои слова. Ты, мой меч, уже доказал это! Тот, кто пытается обратить твою силу против меня, погибает от собственной руки. Так будьте же всегда верны мне, друзья мои!..

И от этих слов еще больше укрепилась в нем вера в свои силы, и он опять почувствовал себя спокойным и бодрым. Вернувшись в пещеру, Ленгконг-Вуайя улегся спать, не обращая больше внимания на назойливое зудение комаров.

11. ЛЕНГКОНГ-ВУАЙЯ ВСТРЕЧАЕТСЯ СО СВОИМИ ДРУЗЬЯМИ. ВРАГИ НАСТИГАЮТ ИХ

Ранним утром следующего дня Молодого Воина разбудили пение, свист и крики многочисленных лесных обитателей — птиц и зверей. Ослепленный светом занимающегося утра, быстро протер он глаза, вскочил на ноги, взял в правую руку свой щит и копье, в левую — голову Ван-тиана, и поспешно вышел из пещеры.

Кетиоув, кетиоув!.. — послышалось вдруг над самой его головой.

— Что это за птица?.. Что она говорит? — остановился Ленгконг в удивлении. — Наверное, это плохой признак!..

Через несколько мгновений птица пронеслась мимо него с пронзительным криком:

Тет-тет-тет-тет-кетиоув!..

— Да, нехороший признак! — повторил про себя Ленгконг-Вуайя и вдруг воскликнул: — Конечно! Ведь я оставил в пещере свой волшебный меч.

Он вернулся в пещеру, взял меч и, не задерживаясь больше, быстро зашагал в глубь леса.

Звезды исчезли, небо было уже совсем светлым...

Подойдя к вражескому поселку, Ленгконг-Вуайя остановился в изумлении: там не было видно ни одного человека, оттуда не доносилось ни одного звука. В стане врагов стояла

такая тишина, что казалось, будто налетели на него тучи хищных, могучих орлов и опустошили его...

И в этот момент Молодой Воин вдруг услышал справа от себя нежное щебетанье птички:

Дуи-и-и-и-их...

Ленгконг на минуту задумался, потом улыбнулся и сказал себе:

— Судьба благоприятствует мне. Это знак того, что враг будет побежден!

Он продолжал свой путь, а маленькая птичка так и летела за ним, словно сопровождая его, и пела, порхая с ветки на ветку:

Дуи-и-и-и-их, дуи-и-и-и-их, дуи-и-и-и-и-и-их...

Слушая ее, Ленгконг-Вуайя говорил себе вполголоса:

— Счастье не изменит мне, когда я встречусь с врагами... Удача не покинет меня... Очень хорошая эта птичка. Наверное, ее послали сюда с небес боги...

Внезапно совсем близко от него послышался треск сухих веток под чьими-то неосторожными шагами. В одно мгновение Молодой Воин выпрямился и настороженно взглянул туда, откуда донесся этот звук.

Птичка, которая сопровождала его, уже улетела далеко по направлению к северу и вскоре скрылась из вида.

Кересек, кересек!..— раздался какой-то странный звук.

— Что это? — встрепнулся Ленгконг-Вуайя. — Зверь, или...

Конг-колиавонг, конг-колиавонг!..

Ленгконг-Вуайя схватился за оружие, так как ему показалось, что это кричал человек. И почти в тот же миг перед ним очутились три вооруженных воина, которые стремительно выскочили из густого кустарника.

Быстро выхватив меч, подняв левую руку со щитом, Ленгконг-Вуайя приготовился к бою. Но... неожиданно его лицо озарилось улыбкой, потому что воины, которых он принял за врагов, были не кто иные, как его друзья!..

— Еще немножко — и мой меч обрушился бы на ваши головы! — сказал он. — Как вы сюда попали?

— Тс-с! — прошептал его друг. — Будь осторожен, ты в опасности! Зачем ты пришел сюда, в самое гнездо врагов, один? Разве тебе не известно, что сейчас все они собрались около дома Вантиана? Они узнали, что он погиб.

— Но как вы узнали об этом? — спросил Ленгконг-Вуайя. — Как вам удалось найти меня? Вы шли за мной следом? Напрасно! Ведь здесь вам угрожает большая опасность, чем мне.

— Если так, — сказал Второй Воин, — то всем нам нужно скорее уйти отсюда.

В ответ Ленгконг-Вуайя решительно покачал головой.

— Пусть сам раджа богов превратится в жестокое чудовище и обратит на меня всю свою ярость — я не уйду!

— Ты сошел с ума! — сказал его друг. — Нельзя даже сравнить наши силы с силами врагов. Их так же много, как звезд на небе!..

— Лучше всего будет, если вы уйдете отсюда, — ответил Ленгконг-Вуайя. — Вы только помешаете мне выполнить мой долг.

— Наш народ послал нас найти тебя. Идем же, вернемся домой!.. Но что это ты держишь в руке?

— Голову Вантиана, вождя наших врагов!

— Ага, это хорошо! — сказали воины в один голос и подошли еще ближе, чтобы взять в руки и рассмотреть этот замечательный трофей.

— Не спешите! — улыбнулся Ленгконг-Вуайя, пряча голову Вантиана себе за спину.

— Да, теперь мы можем вернуться! — с воодушевлением произнес Второй Воин. — Ты уже отомстил врагам за все их зверства. Ты принес победу нашему народу и покрыл себя славой! Идемте же скорей назад!..

— Зачем мне эта слава, если в сердце моем нет радости? — тихо сказал Ленгконг-Вуайя.

— Что теперь может печалить тебя? — с удивлением спросил его друг. — Когда мы покажем голову Вантиана народу, исчезнет скорбь в сердцах людей и вновь придут к нам покой и веселье. Посмотри, вершина горы Келабат все еще окутана темной чадрой печали. Разве ты не понимаешь, что благополучие и счастье нашего народа сейчас в твоих руках? Если мы воткнем голову Вантиана в землю рядом с могилой наших убитых родственников — мир и спокойствие воцарятся во всей стране. Зачем же тебе нужно оставаться здесь, в лагере врагов? Неужели ты собираешься предать свой народ, потомков горы Келабат? Или совсем затуманилась твоя голова?

— Я вижу, вы не хотите спокойно выслушать меня, не хотите понять, какая у меня цель.

— Нет! — сердито ответили ему воины.

— Глупцы! Я хочу один, без чьей-либо помощи, подчинить своей власти всех врагов. Ведь эти земли принадлежат нашему народу, и он должен владеть ими!

— Если так, — сказал на это друг Ленгконга-Вуайя, — делай, как говорит тебе сердце, хотя твой поступок похож на поступок человека, в которого вселился дух безумия. Ты веришь только в свою силу — хорошо, но тогда отдай нам голову Вантиана: ее место у гробницы сыновей горы Келабат, которые погибли от рук врага. Ты должен сделать это ради мира и счастья твоего народа.

— Да, но я думаю еще о мире и счастье для народа Вантиана.

Услышав эти слова, изумленно вздрогнули товарищи Ленгконга-Вуайя, а друг его гневно воскликнул:

— Хэй! Ты, наверное, просто пьян! Ты хочешь привести врагов к горе Келабат, чтобы они уничтожили всех нас? Теперь я вижу, проклятый изменник, что ты сам стал нашим врагом! Они уже подкупили тебя, да?..

— Как смеешь ты говорить это мне?! — вскричал Ленгконг-Вуайя. — Хэй, глупый и упрямый безумец, ты забыл, что я — твой друг? Возьми обратно свои слова! Только подлый и отвратительный человек мог подумать...

— Тише! — прервал его Второй Воин. — Зачем ссориться? Так мы забудем о врагах. Может быть, они уже выследили нас? Нам нужно думать о сражении с ними, а не друг с другом!

— Да, — поддержал его Третий Воин. — Лучше давайте спокойно выслушаем Ленгконга-Вуайя и все обсудим.

— Расскажи нам, хэй, друг наш, Ленгконг-Вуайя, — сказал Четвертый Воин, — что ты задумал?

Спокойно объяснил Первый Воин своим друзьям, что он хочет отдать голову Вантиана его жене и дочери, чтобы тем самым установить мир между народами.

Но его товарищи резко возразили ему. Они сказали, что делать так нельзя: это будет на руку лишь их врагам, которые всегда мечтали о том, чтобы стереть с лица земли народ Келабат. Больше того, ведь Ленгконг-Вуайя уже знает, что жена Вантиана созвала всех своих родственников; она, конечно, потребует отбить у Ленгконга-Вуайя тело и голову ее мужа, а самого Ленгконга изрубить на куски...

В этот момент со всех сторон слышались оглушительные крики.

От неожиданности вздрогнули пять воинов, посмотрели налево, направо, вперед, назад... Всюду — враги, бесчисленное множество врагов! Они подошли совсем близко, окружив Ленгконга-Вуайя и его друзей плотным кольцом, дико приплясывая и воинственно потрясая оружием. Один из вражеских воинов, человек огромного роста, вышел вперед и крикнул:

— Хэй, проклятые келаваты, не думайте, что вам удастся убежать! Теперь настал ваш смертный час! Вы заплатите за все ваши преступления!

Но не бойтесь, ха-ха-ха, наказание будет легким. Вы даже можете выбрать, что вам больше нравится, — приятно раскачиваться на веревке в воздухе или быть разрубленными на куски, которых будет так же много, как звезд на небе.

Хэй, самый большой келават, я не знаю твоего имени, но если изрезать твое тело, то его куски превратятся в сверкающие звезды Пендангиан *.

У тебя в руке голова нашего Вантиана, ты должен будешь вернуть ее нам, и дорого придется заплатить тебе за его погибшую душу. Она стоит дороже, чем ваши пять голов вместе и даже чем головы всех келаватов!..

— Ха-ха-ха! — громко расхохотался Ленгконг-Вуайя, хотя на сердце у него было тревожно: он видел, что врагов очень много и все они вооружены с ног до головы. — Мне смешно слушать тебя! Ты ведешь себя так же глупо, как вел себя Вантиан, голову которого я держу сейчас в руках. Ты заменил своего Вождя?

— Хэй, келават, ты слишком много говоришь. Бросайте оружие, вы в наших руках!

— В ваших руках? Что же ты собираешься сделать с нами? Я, например, хочу, чтобы мы помирились и протянули друг другу руку дружбы!

— Замолчи, безумный! Ты отрубил голову нашему Вождю, а теперь хочешь целым вернуться в свою страну вместе с твоими друзьями! Но ты понял, что вам не удастся спа-

* Пендангиан — так звали, по преданию, одну очень добрую женщину, которую, однако, возненавидела ее семья. Женщину из за этого очень страдала и была несчастна. Зато ее полюбил аллах, он послал за ней ангела, и тот с помощью волшебного ковра вознес мученицу на небеса. Она стала святой. Одна половина ее лица превратилась в солнце, вторая — в луну, а тело, разрезанное на мельчайшие кусочки, — в звезды. — *Прим. автора.*

стись, и поэтому говоришь, что хочешь мира. Ха-ха, ты бесчестный, трус, у тебя нет совести!..

— Хэй, негодяй! — гневно вскричал Ленгконг-Вуайя, обнажая свой длинный меч и выступая вперед. — Бери свое оружие, если ты так храбр!..

Голос его, подобный грому, дрожал от ярости и был так свиреп, что враги, которые тесным кольцом окружили воинов, вздрогнули от испуга, пальцы их сами собой разжались, и они выронили оружие из ослабевших рук. Так велика была магическая сила охваченного гневом Первого Воина племени Келабат!

— Хэй, подлый убийца, выходи на поединок! Пусть вас намного больше, это вам все равно не поможет! Я не боюсь вас! Торопись же, мой меч дрожит от нетерпения, он жаждет твоей крови!..

И Ленгконг-Вуайя стал размахивать мечом, со свистом рассекая им воздух. Длинные волосы Первого Воина развевались по ветру, глаза яростно сверкали, и весь вид его внушал суеверный ужас.

Отбежав к росшим неподалеку трем пальмам, Ленгконг вновь закричал громовым голосом:

— Хэй, чужеземцы, теперь пробил ваш час! Мое честное сердце ненавидит все, что мешает миру и спокойствию на земле. И знайте, что вам никогда не покорить наш народ. Здесь наша земля, земля потомков горы Келабат. Если вы хотите остаться жить в нашей стране, оставайтесь, но как добрые гости и соседи. Голова Вантиана, которую я держу в руках, — это жертва, которой вы заплатились за все ваши зверства, это знак того, что, если вы захотите уничтожить нас, вы будете разбиты сами! Пусть вас соберется даже еще больше, чем сейчас, все равно вам не одолеть той волшебной силы, которую дали нам старые воины — наши предки и боги, что покоятся на вершине священной горы Келабат.

Взгляните, хэй, взгляните все на эту вершину, окруженную блестящими облаками. Если я призову на ваши головы гнев живущих там богов, вы будете сметены с лица земли. Я окутаю вашу память черной чадрой забвения, через которую не проникнет ни один светлый луч, и вы, как крохотные пылинки, исчезнете навсегда.

Хэй, чужеземцы, если вы хотите остаться в живых, сейчас же становитесь все на колени! Если вам дороги ваши души — все на колени! Быстрее, иначе извергнется гора Келабат и на вас хлынет жидкий огонь. Его сдерживают сейчас

только облака, которые закрыли вершину горы, но они в руках у моих умерших предков, могущественных богов... Торопитесь, если не хотите, чтобы ваши преступные головы были снесены в одно мгновение! Повинуйтесь мне, согласитесь на мир и дружбу между нами, только так можете вы избежать смерти! Ложитесь, ложитесь на землю, поклоняйтесь горе Келабат!..

Ленгконг-Вуайя говорил так вдохновенно, с таким убеждением произносил он каждое слово и так страшен был его вид, что затрепетали сердца врагов, поверженных в неописуемый ужас, задрожали их руки и ноги, затряслись тела. И, как солдаты, повинаясь приказу своего командира, послушно опустились они на колени и потом распростерлись ниц, прося у горы Келабат пощады и со страхом поглядывая на ее вершину, закрытую сверкающими облаками. А гора блестела и сияла под лучами солнца, словно на нее была надета голубая рубашка, унизанная жемчугом.

И хотя подобное зрелище можно было увидеть почти каждый день, враги поверили словам Ленгконга-Вуайя, которые пронзили их души острыми стрелами страха.

А Ленгконг-Вуайя в это время громко сказал своим товарищам:

— Хэй, друзья мои, идите туда, на вершину нашей горы, в страну богов. Расскажите им обо всем, что произошло здесь. Заколите в жертву богам кабана и отнесите на гору Келабат его сердце и клыки. Сердце — это знак мира, а клыки — оружие для его защиты. Если враги наши нарушат этот мир, то сами боги вынесут им приговор и уничтожат их.

Идите же, хэй, друзья мои! Я остаюсь здесь. Я хочу вернуть голосу Вантиана его жене. Пусть она похоронит своего мужа — Вождя и Военачальника вантиан со всеми почестями. А вы, которые только что угрожали мне смертью, ложите и молитесь! Если хоть один из вас поднимется — затрясется земля, расколется гора Келабат, выплюнет огонь и раскаленные камни на ваши головы, и никто из вас не спасется!..

Сказав так, Ленгконг-Вуайя медленно, размеренным шагом, гордо подняв голову, двинулся прочь. И походка, и внешность его были такими грозными, что заставляли врагов содрогаться; он казался им чудовищем-людоедом.

Друзья Ленгконга-Вуайя шли вслед за ним, подражая каждому его движению, и все пятеро походили на таинствен-

ных волшебников, искусно владеющих тайнами черной магии.

Когда они отошли от вантиан на значительное расстояние, Ленгконг-Вуайя сказал:

— Друзья! Нам угрожала смертельная опасность, но с помощью богов, которые охраняют нас, мы сумели избежать ее. Теперь возвращайтесь спокойно домой. Я верю словам нашего старейшины, что смогу один подчинить себе весь народ и всех воинов Вантиана. Волшебная сила, которую дали мне предки, — вот мое оружие, и с ним я добьюсь победы.

И еще выслушайте меня внимательно, но не пугайтесь и не удивляйтесь. Я хочу сорвать здесь прекрасный цветок, хочу жениться на дочери Вождя, голову которого держу в руках!

Последние слова Ленгконга поразили его друзей.

— Ленгконг-Вуайя! — сказали они. — Неужели ты хочешь изменить нашему народу?

— Не тратьте время на пустые разговоры. Уходите отсюда быстрее, иначе враги начнут преследование, они нагонят вас и убьют! А за меня не бойтесь. Когда я женюсь на девушке из стана наших врагов, конечно, все они признают мою власть и силу. Идите же, идите!..

Едва успел он произнести это, как сзади них раздался шум. Друзья испуганно переглянулись.

— Это воины Вантиана, — поспешно проговорил Ленгконг-Вуайя. — Они преследуют нас, они уже близко!.. Вот что мы сделаем...

И он приказал своим друзьям бежать к холму, который виднелся вдалеке, и одному из них остановиться у подножья холма, двум другим взобраться на его склон, а четвертому — на вершину; сам же он останется здесь. Когда они достигнут каждый своего места, он закричит «Келабат!», а они должны будут по очереди повторить этот крик одинаковыми голосами: сначала тот, кто у подножья холма, потом те, что на склоне, и наконец тот, кто на вершине.

Воины быстро побежали к холму, чтобы сделать так, как велел им Ленгконг-Вуайя... Когда же враги приблизились к Ленгконгу, вскричал он страшным голосом, сотрясавшим все вокруг:

— Келабат, келабат!..

И многократно повторился этот крик, перекачиваясь от леса к холму и обратно. Казалось, что кричит какое-то невиданное, гигантское чудовище...

12. ВАНТИАНЕ ПОВЕРГНУТЫ В УЖАС

— Ага, вы слышите? Он здесь! — воскликнул Военачальник воинов Вантиана, услышав голос Ленгконга-Вуайя.— Скорее! Убьем его!..

Но в тот же миг словно эхо подхватило слова Ленгконга: «Келабат! Келабат! Келабат!..» Казалось, что крики наполняют воздух, потрясают лес, непрерывно отдаваясь в ушах.

Военачальник, а за ним и все его воины от удивления остановились как вкопанные. Страх обуял их сердца, словно слышали они вопли злых духов, которые окружили их со всех сторон. Первым пришел в себя Военачальник.

— У наших врагов, — испуганно промолвил он, — необыкновенно быстрые ноги. Только что они были около нас, а сейчас уже на вершине того холма.

— Может быть, их несут на себе духи-великаны, — сказал один из его воинов.

— Мы все равно не догоним их. Надо вернуться, — решил Военачальник.

— Квоит, квоит!.. — точно в ответ на эти слова донесся как будто из-под земли глухой крик совы, и сердца воинов сжались от испуга.

«Это вестник несчастья, — подумали они. — Конечно, ведь люди горы Келабат унесли с собой голову нашего Вантиана, и теперь душа его горюет. До тех пор пока она отделена от его тела, пока мы не отомстим врагу за убийство нашего вождя, — душа Вантиана не даст нам покоя, она будет являться по ночам и вселять в нас ужас. Это ее вопль, вопль страха и отчаяния, слышали мы сейчас, а вовсе не крик птицы. Теперь жизнь нашего народа будет вечно полна тревог, несчастий и страданий...»

Внезапно налетел ураганный ветер и бурным шквалом пронесся по лесу. Откуда ни возьмись набежали тучи и раздались такие оглушительные удары грома, что казалось, будто раскалывается земля. Одна за другой засверкали молнии. Небо загудело и загрохотало, словно в нем в беспорядке носились, сталкиваясь друг с другом, тысячи огромных камней. Грозовые раскаты приближались и удалялись с такой же быстротой, с какой бежит испуганный человек. Все вокруг дрожало и сотрясалося...

Удар молнии расщепил и поджег высокое дерево, за ним другое, третье... Яркое пламя озарило изломанный, исковерканный лес. Огонь быстро распространялся и подступал к

тому месту, где сгущились объятые страхом вантиане. Трепещущие языки пламени, то очень длинные, то совсем короткие, казались им жалами сотен огромных змей, готовых поглотить свои жертвы. Порывы ветра еще сильнее раздували огонь, стонали от дикой боли деревья, гневно трещали, бессильно извивались и корчились охваченные огнем их ветви, судорожно дергались в когтях смерти, точно шея курицы, которой только что отрубили голову.

Горящие стволы бамбука издавали какие-то зловеющие звуки; усиленные эхом, они напоминали жуткий хохот, будто обезумевшему лесу радостно было смотреть на буйство всепожирающего пламени и пугать людей, которые вторглись в его владения.

Пляшущие отсветы лесного пожара озаряли потемневшее небо, сплошь затянутое плотными облаками. Сноп сверкающих искр взлетали к нему, там, высоко, рассыпались и, подхваченные ветром, блуждали в темноте и гасли, подобно падающим звездам.

И вдруг на фоне пламенеющего неба появилась чья-то огромная фигура с длинным мечом в руке. Кто это, дух?.. Не обращая внимания на бушующий вокруг огонь, словно совсем не ощущая его, он выделял какие-то странные движения. то подпрыгивал, то кружился на одном месте, одновременно размахивая мечом, как бы отражая и нанося им удары невидимому врагу. Его вьющиеся волосы ниспадали до плеч, а тело было гибким, как ветка, и могучим, как у тигра. В нем чувствовалась такая богатырская сила, которую не смогли бы одолеть и двадцать человек. Воин был так красив, что хотелось смотреть на него, не отрывая глаз. А как легки были его прыжки!.. Вот он словно перепрыгнул через какую-то пропасть, и в тот же момент воины Вантиана опять слышали: «Келабат! Келабат! Келабат!» Крики становились все громче и громче, они заглушили даже ураганный рев ветра и жуткий треск ненасытного огня, и казалось, что исходят они из груди какого-то исполинского неземного существа.

При звуках этого ледящего душу голоса, который почти одновременно слышался то совсем рядом, то со склона, то с вершины холма, пораженные вантиане только переглядывались в молчаливом изумлении, не в силах вымолвить ни слова. Они решили, что их врага, Воина горы Келабат, несут по воздуху на своих плечах сами боги или духи-великаны. Значит, они повинуются ему, значит, он повелевает ими так

же, как подчиняет своей волшебной силе все стихии природы.

— На колени! На колени! — вновь раздался громоподобный голос Ленгконга-Вуайя.

И даже Военачальник вантиан не посмел послушаться этого грозного приказа и повелел всем своим воинам исполнить его. Но тем хотелось лишь одного — подальше убежать от этого кошмарного видения, поскорее забыть этот ужас, от которого волосы дыбом поднимались на их головах. Они были убеждены, что настал их последний час, пришло страшное возмездие за совершенные ими злодеяния, что сейчас кровавый дух бросит их всех в огненную могилу, где тела и души вантиан превратятся в пепел...

— Вставайте на колени! Ложитесь на землю лицом вниз! — вопил насмерть перепуганный Военачальник вантиан. — Молитесь! Душа Вантиана переселилась в тело этого великана! Это его дух, он жесток и беспощаден, умоляйте же его о пощаде!.. — И он так затрясся от страха, что даже оружие выпало у него из рук.

Перед глазами вантиан чудовищный дух вырастал, становился все ужаснее и ужаснее, и все отчетливее вырисовывалась его танцующая фигура.

— Молите его! — закричал неистово Военачальник, уже не помня себя и думая только о том, что вот сейчас их настигнет тяжелая карающая рука небесного суда...

Ленгконг-Вуайя радостно улыбнулся: победил не какой-то великан, или дух, или посланец богов, а он, человек, воин, получивший от своих предков магическую силу, при помощи которой он смог обмануть и запугать врагов ураганом, огнем, грозой. А за это время его друзья уже достигли своего поселка.

Он был очень рад, что враги поверили в его сверхъестественную силу, сам же он еще больше убедился в могуществе своего тела и красноречивости языка.

Теперь он легко достигнет своей цели, добьется того, что задумал, тем более, что с ним верный меч, который всегда защитит его от любой опасности.

13. КАК ЛЕНГКОНГ-ВУАЙЯ ДОСТИГ СВОЕЙ ЦЕЛИ

Через некоторое время, когда воины Вантиана еще лежали ничком, уткнувшись в землю и моля всемогущего духа о прощении, они вновь услышали его громовой голос, на этот раз совсем рядом с собой:

— Хэй, вантиане! Знайте, что я — Ленгконг-Вуайя. Я обладаю магической силой, и мой огонь может поглотить и сжечь всех вас! Ха-ха-ха! Вы слышите звуки грозы? Вы слышите рев и хохот ветра и удары грома? Все эти силы подвластны мне, и если я захочу, они разобьют ваши пустые головы. Уже два раза вы становились на моем пути и не хотели послушать меня, поверить мне, — сейчас вы расплачиваетесь за свою глупость! Ведь вы думали, будто я обманывал вас.

Глупцы! Изгоните невежество и злобу, которыми наполнены ваши сердца. Будьте верны богам, поклоняйтесь им. Вы только что видели их могущество. Ярость грозы и грохот небес, свист ветра и бег облаков, треск огненного пламени и стон деревьев — все это, хэй, вантиане, доказательство моей власти, доказательство силы — моей и моих предков, которые стали богами. Боги сопутствуют мне, они все видят и все могут, и если я пожелаю, будете уничтожены и вы, и ваши жилища!

Поднимите головы, посмотрите на меня, посмотрите на этот волшебный меч! Стоит мне коснуться земли его острием — и покинут вас остатки жизни, которая еще теплится в ваших телах, исчезнут ваши души!

Вам и в голову не приходило до сих пор, что тому, кто ищет добра и взаимной дружбы, помогают все силы природы, слова его слышит и поступки его одобряет весь мир! Сила Дружбы и Любви враждает вселенную, и в этот вечный круговорот, подчиняясь законам раджи богов, будет втянуто все живое на земле.

Хэй, вантиане, я пришел сюда не как враг, а как посланец раджи небес, как слуга и сын богов, чтобы сказать вам, что все мы рождены и выращены ими и находимся в их власти. Поэтому Человек должен уважать и любить Человека.

Святой долг возложили на меня боги. Это мне доверили они прояснить ваши головы, очистить ваши мысли, укрепить вашу веру в магическую силу небес, в законы добра, справедливости и правды. Наша вражда должна смениться дружбой.

Да, я убил вашего старого вождя, но не думайте, что вы должны мстить за него: это было не убийство, жизнь Вантиана принесена в жертву богам, ибо так пожелал раджа богов.

Сейчас я скажу вам, что означает эта жертва.

Вантиан обманывал вас, вселял в ваши сердца неразум-

ную и преступную жестокость, приказывая вам убивать таких же, как вы, ни в чем не повинных людей.

Ваш вождь уже не мог понять всю глубину своих злодейств, потому что душа его стала черна, как небо темной ночью.

Эта жертва принесена для того, чтобы вы убедились в могуществе раджи небес, который двигал моим мечом, когда я отрубал голову Вантиану; теперь тот, кто так часто обманывал вас, не сможет больше творить свое жестокое, черное дело.

Так как ваш вождь уже мертв, он не помешает мне, и я смогу с помощью великой силы Дружбы и Любви освободить ваши души от тяжести тех преступлений, которые вы совершили, и они станут такими же светлыми и чистыми, как сиянье сверкающих звезд, ибо любовь Человека к Человеку — это сбиленный и прозрачный родник, воды которого, подобно тому как жир съедает ржавчину с меча, очищают все, к чему они прикасаются.

Теперь, когда Вантиана больше нет в живых, ваши глаза раскроются, чтобы познать все то доброе и хорошее, чем так богат мир, если он рожден Братством и Дружбой. Если мы достигнем мира, будем едины и дружны, будем помогать друг другу, — от этого только выиграют наши народы, и жизнь всех нас станет спокойной и счастливой!

Посмотрите на меня, взгляните на мое лицо! Видите — оно светло и чисто, потому что отражает чистоту моего честного сердца. Теперь я смотрю на вас уже не как враг, а как ваш верный товарищ. До тех пор пока я не пришел к вам сам, вы ничего не знали о той высокой чести, которой удостоили меня предки, живущие в облаках. Но сейчас, хэй, друзья мои, вы убедились, как священно и благородно желание моей души.

Пусть же ваши просветленные сердца тоже ответят мне добром и честностью, чтобы мирной и радостной стала наша жизнь, чтобы процветала и сияла под лучами Любви и Дружбы наша страна! И знайте, что отец мой, раджа небес, обладает куда большей силой и властью, чем все злые джины, которых вы призываете на помощь, когда идете воевать. Поэтому, хэй, друзья мои вантиане, если хотите вы безопасности и счастья для вашего народа, вы должны поверить мне. Если же вы предадите меня, то будете жестоко наказаны за это. Никто из вантиан не останется в живых, исчезнут с лица земли и все ваши жилища, и все имущество. Ни-

кто никогда не помянет ваш народ добром, и в памяти людей останется только проклятое, отвратительное слово «Вантиан» как знак преступного поведения недостойного человека!

Хэй, друзья мои, с большим желанием и с открытой душой пойду я сейчас вместе с вами к жене вашего старого вождя, чтобы отдать ей голову ее мужа. Я убил Вантиана ради Мира и Дружбы между нами, ради нашего Единства и Братства. Пройдет немного времени, и все вы до конца поверите в чистоту моего сердца, в силу моей любви к людям, которой я хочу наполнить и ваши сердца.

Ведите же меня к дому вашего вождя и военачальника, к дому Вантиана, и пусть меня видит весь ваш народ.

Встаньте все!..

С большим трудом поднялись на ноги вантиане. Расправляя затекшие члены и чувствуя себя очень странно, будто все это происходило не наяву, а во сне, они растерянно смотрели друг на друга, и языки их, точно одеревеневшие, еле ворочались во рту, так что они не сразу смогли заговорить.

Все, что сказал Ленгконг-Вуайя, глубоко запало в их души. Они поверили в его слова и в его магическую силу.

Огонь лесного пожара тем временем постепенно угасал, ветер стих, тучи разошлись, и небо опять посветлело. Вот появилось, наконец, солнце, и первые его лучи робко коснулись верхушек деревьев. В лесу, там, куда не проник огонь, трудно было после дождя найти хоть небольшую сухую полянку.

Тишина и спокойствие, воцарившиеся вокруг, словно подчеркивали всю торжественность обстановки; казалось, сама природа благословляет Ленгконга-Вуайя, одобряет его слова, хочет подтвердить, что он и в самом деле обладает чудодейственной силой и близок к богам. Да и внешность Молодого Воина — его гибкое, стройное и сильное тело, увешанное оружием, его горящие воодушевлением глаза, полные волшебных чар. — все это неожиданно привлекло сердца и души обступивших его вантиан.

— Идемте, — громко повторил Ленгконг-Вуайя. — Идемте, друзья!

И пошли вантиане, а Первый Воин народа Келабат шел среди них, как вождь или как раджа, окруженный своими подданными. И чем дальше, тем спокойней и радостней становились вантиане, тем быстрее крепла их вера в Ленг-

конга-Вуайя и тем больше казалось им, что он действительно потомок богов и богинь, а вовсе не человек из племени Келабат.

Они прошли еще совсем немного, когда Ленгконг-Вуайя велел им на минуту остановиться.

— Слушайте! — решительным и твердым голосом произнес он. — Я вижу, вы сопровождаете меня с охотой и добрым сердцем. Поэтому я прошу вас: когда мы достигнем дома Вантиана, — вы должны стать на колени и склониться головой до земли в знак глубокого уважения и почтения к жене вашего погибшего вождя. Если мы окажем ей почести, ее душа тоже станет светлой и чистой, не останется в ней ненависти ни ко мне, ни к вам. Ведь она думает, будто я пришел сюда только за тем, чтобы убить ее мужа. Я знаю, что она приказала вам схватить меня. Но вы видите, я иду к ней сам. Если бы я был трусом, то, конечно, убежал бы от вас. Но я не боюсь вас. Тот, кто несет в своем сердце Любовь и Дружбу, не боится никого и ничего. Я говорю это для того, чтобы вы помогли жене Вантиана поверить мне. И я сам воздам ей почести вместе с вами, потому что уважаю и почитаю ее. Тогда не будет у нее причины помешать миру между нашими народами. Вы поняли меня?

— Поняли! — ответили все воины, подивившись уму Ленгконга-Вуайя, и еще больше понравились им его добрые слова и поступки.

Они отправились дальше и вскоре вошли во двор дома Вантиана.

Жена убитого вождя вышла им навстречу, и все низко поклонились ей. Поклонился и Ленгконг-Вуайя. Увидев это, поразились старая женщина. А стоявшая рядом с ней дочь ее, красавица, что так полюбила Молодому Воину, взглянула на свою мать, на Ленгконга, на окружавших его людей, потом опять на мать... и вдруг склонила головку, опустила глаза, чтобы не разгадал никто, что творится в ее душе, не увидел, сколько любви к отважному юноше выражало ее лицо.

А он смиренно приблизился к ней и к ее матери и почти-тельно заговорил:

— Высокочитимая мать, мать вантиан, страдающая от скорби, которую разделяет вместе с тобой весь твой народ, любящий и прославляющий тебя, мудрую правительницу своих владений! Я хочу назвать тебя своей матерью, и пусть забудутся все недоразумения и оскорбления, которые

унижают честь и славу твоего слуги — посланца раджи небес, раджи богов всей вселенной.

По желанию и повелению моего всемогущего Отца пришел я сюда, мать, чтобы исполнить свой священный долг. И случилось так, как угодно было богам — жизнь твоего мужа принес я им в жертву, а голову его возвращаю сейчас тебе. Мать моя сказала своему слуге, что он может попросить у нее что хочет, если отдаст ей эту голову.

О мать, это мой свадебный подарок. Одна только цель, одно желание у твоего слуги — помирить наши народы, чтобы потомки горы Келабат и потомки Вантиана объединились и стали друзьями. Но для этого прошу я, о мать, разреши сначала соединиться сердцам слуги твоего и твоей дочери — тогда исчезнет вражда и между нашими народами, и они будут жить в мире, любви и дружбе.

Прими же, уважаемая и почтенная мать, этот подарок. Слуга твой выполнил свое обещание.

— Хэй, сын народа Келабат, — отвечала ему жена Вантиана, — я готова отдать тебе свою дочь. Но я не в силах отдать тебе ее сердце, заставить девушку полюбить тебя. Об этом ты должен попросить ее сам, я разрешаю тебе поговорить с ней.

— Если высокочтимая мать моя разрешает своему слуге говорить с ее дочерью, я охотно испытаю свою судьбу.

Повернув голову к девушке, жена Вантиана посмотрела на нее скорбным взглядом. В душе старой женщины вновь поднялась буря негодования против убийцы ее мужа, который осмеливается просить руки ее любимой дочери. Однако она ничем не выдала своих чувств, опасаясь, как бы Ленгконг-Вуайя не разгадал ее состояния, и, обращаясь к дочери, промолвила мягким и нежным голосом:

— Хэй, дитя мое, что скажешь ты? Я должна выполнить просьбу этого человека, но лучше всего тебе самой сказать ему, что чувствует твое сердце, чтобы я потом не была виновной перед собой, если мое желание не совпадет с твоим.

— О почтенная мать, желания твои всегда были для меня законом, — ответила улыбаясь девушка, и щеки ее зарделись ярким румянцем.

Так непередаваемо прекрасно было ее лицо и так прекрасен был стоявший перед ней Ленгконг-Вуайя, который своим видом напоминал сошедшего на землю юного бога, что окружавшие их воины в восторженном изумлении залю-

бовались ими, словно ангелами, чьи изображения высекают на массивных каменных тронах раджей.

— Хэй, дочь моя,— с гневом в голосе произнесла жена Вантиана, ибо ей одной не по душе пришлось такое зрелище,— не торопись отдавать свое сердце этому человеку, чтобы потом тебе не пришлось раскаиваться в своем поступке! Пойди-ка сначала в свою спальню и умой лицо чистой водой. После этого ты сможешь поговорить с ним в комнате для гостей.

Девушка поспешила в дом, быстро умылась и стала ждать прихода Ленгконга-Вуайя.

А тем временем произошло следующее. Как только дочь скрылась в своей опочивальне, жена Вантиана подняла руку и молча указала на Молодого Воина, давая этим сигнал своей страже, которая состояла из двух десятков солдат, схватить его.

Однако Ленгконг-Вуайя сразу же распознал намерение женщины. Он мгновенно выпрямился и грозным взглядом обвел всех воинов, и ни один из них не посмел двинуться, ни один не пошевелился. Мертвая тишина воцарилась вокруг.

Увидев, какой яростью вспыхнуло гордое лицо сына горы Келабат и как застыло в неподвижности все его войско, покоровшись магической силе его взгляда,— поверила жена Вантиана, что цель Ленгконга-Вуайя действительно священна, и сказала ему:

— Что ж, воин, иди посекретничай немножко с девушкой.

Твердыми и решительными шагами вошел юноша в дом Вантиана. Там его с почтением встретила дочь вождя и произнесла такие слова:

— Прошу тебя, садись, господин мой. Я надеюсь, ты охотно поговоришь со свсей слугой. Но прежде чем мы расскажем друг другу о своих чувствах и мыслях, пусть господин мой поест риса. О, он, конечно, устал и должен отдохнуть...

— Пусть лучше моя госпожа разрешит своему слуге сначала расколоть молодой и вкусный кокосовый орех*,— сказал Ленгконг-Вуайя, влюбленно смотря на девушку.—

* Игра слов: по-индонезийски «pinang» — кокосовый орех, «memi-pang» — расколоть кокосовый орех, а также просить руки девушки.—
Прим. перев.

Для такой цели твоему слуге стоило брать с собой этот длинный меч... ради тебя, прекрасная госпожа моя!..

— Хорошо, я разрешаю,— шепнула в ответ молодая красавица с нежной улыбкой на устах.

И понял Ленгконг-Вуайя, что она подарила ему свою любовь.

14. РОДИНА ЗОВЕТ

День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем тщетно ожидали жители страны Келабат возвращения Ленгконга-Вуайя. Одни из них решили, что он уже давно убит вантианами, другие думали, что враги схватили его и сделали своим рабом; нашлись и такие, кто утверждал, будто его утащил к себе в пещеру чудовищный великан или сожрали хищники, змей или крокодил, которых так много водится в море и на побережье, захваченном вантианами.

Лишь один человек не хотел поверить в гибель Молодого Воина — это был старейшина племени, которого люди знали также как мудрого звездочета и прорицателя. Но хотя уже многократно сбывались его предсказания, на этот раз потомки горы Келабат потеряли всякую надежду увидеть своего отважного Первого Воина в живых.

Он исчез бесследно, и сердца всех его друзей окутались скорбной печалью. Нескольким из них было велено искать его в самых различных местах, но все их поиски оказались напрасными.

Что касается тех четырех воинов, которые последними видели Ленгконга-Вуайя и благодаря его находчивости спаслись от преследования врагов,—они уверяли, что он был схвачен воинами Вантиана, так как убегал от них недостаточно быстро...

На самом же деле все обстояло иначе.

Ленгконг-Вуайя женился на дочери вождя вантиан, и они жили счастливо, ибо любовь их друг к другу была безгранична.

Однажды вечером, когда они сидели рядом, крепко обнявшись, дочь Вантиана спросила своего мужа:

— Любимый мой, веришь ли ты в сны?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? — отвечал тот с некоторым удивлением.

— Потому что становится тяжело на душе у твоей жены, когда вспоминает она сон, который снился ей прошлой ночью. Хочешь, я расскажу тебе его?

— Конечно, хочу, любовь моя. Но прежде чем слушать, любимый твой спросит, красивый ли это был сон?

— Да, но... красота его была страшной для меня, и с тех пор сердце мое не знает больше радости и покоя. Мне снились две звезды. Огромные и блестящие, они сражались друг с другом...

— О, мне все понятно! Моей любимой не стоило и рассказывать об этом. Если ты видишь во сне сражение — не ищи никакого другого смысла и поскорей забудь это... Разве не счастлива ты, выйдя за меня замуж? Разве не люблю я тебя больше всего на свете?

— О, и я тоже!.. Только... сон этот напомнил мне... Но если тебе не хочется слушать, лучше я сохраню его в своем сердце, — с печалью в голосе сказала молодая женщина, и глаза ее наполнились слезами.

Ленгконг-Вуайя о чем-то глубоко задумался... Неожиданно жена быстро спросила его:

— Ленгконг, но ты правда любишь меня?

Вздрогнул Молодой Воин, даже привстал со своего места и, удивленно посмотрев на жену, сказал:

— Откуда появились у тебя такие мысли? Неужели хоть немножко изменилось мое отношение к тебе?

— Нет! Но сердце мое чувствует, Ленгконг-Вуайя, что ты собираешься покинуть свою жену, оставить ее в одиночестве и сделать несчастной...

— Ах, это только кажется тебе, — ответил Ленгконг, придвигаясь к ней ближе и ласково обнимая ее, — потому что ты веришь в сны. Прогони эти глупые предчувствия из своего сердца. Лучше пойдем ляжем, ведь уже скоро ночь. Когда ты отдохнешь, исчезнут все твои тревоги...

И молодые супруги направились в свою опочивальню, и вскоре оба заснули крепким сном.

Ленгконг-Вуайя и его жена любили друг друга, любили так сильно, что казались одним нераздельным существом, и так же были слиты воедино все их чувства, мысли и желания... А между тем время шло, дни неотвратно сменялись ночами, и с такой же суровой неизбежностью течение жизни постоянно вызывало немалые изменения в земных делах мира и в сердцах многих людей. Так возникло и в сердце отважного сына народа Келабат чувство тоски по родным местам, где он был вскормлен, по родственникам и друзьям.

Чувство это неумолимо росло в нем изо дня в день. Сначала он пытался прогонять его, сдерживать, искать от него

спасения в любовных наслаждениях со своей молодой женой, но ничто не помогало. И наконец настало время, когда Ленгконг-Вуайя почувствовал, что он уже не в силах больше бороться с овладевшим всем его существом страстным желанием скорее возвратиться в родные края. Больно было ему огорчать жену, но он все-таки рассказал ей все и попросил разрешения вернуться на некоторое время к себе на родину.

Как только услышала молодая женщина эту просьбу мужа, горько заплакала она. Ведь ей было страшно даже подумать о разлуке.

— О любимый! — сказала она. — Если ты так хочешь этого, то возьми с собой и свою жену!

— Нет, пока ты должна остаться здесь, любовь моя, — ответил Ленгконг-Вуайя, и голос его дрогнул от волнения, — потому что...

— Почему? — быстро спросила она, испуганно вскинув голову. — Потому что мой муж больше не любит меня? О, если ты не хочешь взять меня с собой, то лучше не уходи, останься здесь. Вдвоем нам так хорошо, спокойно и радостно! Не возвращайся в свою страну, любимый мой, не покидай меня. Я отдала и готова отдать тебе и сделать для тебя все, что ты пожелаешь. Скажи, что тебе еще нужно? Или ты уже не веришь в мою любовь? О!..

— Ах, успокойся, — печально произнес Ленгконг-Вуайя. — Ты не думаешь о том, что мой народ проклянет меня, если узнает, что я не хочу вернуться к нему, потому что околдован женщиной.

— Околдован?! — воскликнула она с горечью. — Но разве я не жена тебе? О Ленгконг, твои слова так жестоко ранят мое сердце!..

— Не околдован, а очарован тобой, моей любимой женой, — поправился Ленгконг, желая успокоить жену.

— Если так, то оставайся со мной. Здесь только я, одна я владею моим любимым. Скоро у нас родится ребенок, которого я уже давно ношу под сердцем. Я подарю тебе мальчика или девочку, Ленгконг! Если ты больше не любишь меня, подумай хотя бы о твоём ребенке!..

— Нет, ты ошибаешься, если думаешь, будто я не люблю тебя. Только ради тебя я так долго оставался здесь. И когда мне уже не нужно будет думать ни о чем, кроме моего счастья, я вернусь к тебе, чтобы быть вместе с тобой до конца жизни! Но сейчас я не могу забыть о своем долге,

о том, что наши народы должны жить в мире и дружбе. А это — самое главное. Правда, любимая? Если я не вернусь к своему народу, меня назовут предателем. Я — воин народа Келабат, его Первый Воин! Моя жена хочет, чтобы я остался с ней, но кто тогда станет во главе моего народа, кто добьется для него мира и счастливой жизни? Мои соотечественники проклянут меня, и союз наших сердец не принесет нам счастья. Но если я некоторое время побуду в своей стране, наши народы помирятся и станут друзьями.

— Ах, Ленгконг, ты уже заболел, тоска по родине гложет твое сердце.

— Может быть, но ведь там и твоя родина. Ведь мы теперь стали одним, единым целым! Наша родина!.. Знаешь ли ты, любимая, что это такое? Это — и земли Тоулоур и Тусммум, и земли Тоумвудух и Туомпакева, это — все земли, над которыми господствуют и гора Локон и гора Келабат, и гора Мааву, и хребты Кунтунг-и-ваилан, вплоть до земель далекой страны Болоанг-Мангандо, — все это наша родина!..

Теперь ты понимаешь, как глупо воевать между собой двум нашим маленьким народам. Ведь все народы нашей огромной родины должны жить в мире! Видя гору Келабат, воины твоего отца всегда потрясали оружием, потому что смотрели на нее как на своего вечного врага. А потомки этой горы, конечно, нападали на них. Много, очень много крови пролито с обеих сторон, ибо жестокий дух войны требовал все новых и новых жертв, наслаждаясь тем, что уносит жизни тысяч людей. Но теперь ты знаешь, зачем я пришел сюда: наш любовный союз я превращу в союз наших народов, за который они уже заплатили такой дорогой ценой!..

Не плачь, жена моя, не надо грустить. Взгляни на меня, как прежде, своими ясными, чудесными глазами! Я ухожу только с одной целью — добиться единства нашей родины. И прошу тебя очень — не нужно плакать. Ведь моя любимая носит в своем теле такое сокровище — нашего ребенка; с его рождением еще теснее станет дружба между нашими народами!

— Да, если так прекрасна и благородна твоя цель, я готова отпустить тебя. Я буду ждать моего любимого и всегда-всегда помнить о нем! Бесценна, о Ленгконг, мудрость твоих слов. Небывало расцветет вся наша родина, когда ты исполнишь свой великий долг! Не обращай вни-

мания на мои слезы — это слезы радости, а не печали, слезы гордости за того, кого я люблю вечной любовью!..

И услышав эти прекрасные слова, которые слетели с уст его жены, подобно нежному, благоухающему цветку, Ленгконг-Вуайя вдруг почувствовал, как грусть охватила его сердце, ибо он понял, чего стоили его жене эти слова. В волнении он не смог сдержать слез и уже подумал о том, не отказаться ли ему от своей цели, не остаться ли навсегда со своей любимой женой, у которой такое славное, доброе сердце!.. Это чувство с еще большей силой вспыхнуло в нем, когда он вспомнил, что она ждет ребенка, вспомнил об их любовных ласках. Если он уйдет, кто тогда обнимет ее так же нежно и ласково, как он, кто сумеет развеселить ее сердце, кто будет ухаживать за ней, выполняя любое ее желание? Мать? Но старая женщина давно уже почила, не перенесла смерти своего мужа...

— Ленгконг-Вуайя, — прервала размышления Молодого Воина его жена, — муж мой дорогой, когда ты хочешь отправиться в путь?.. Ну, посмотри же на меня, не прячь от меня своих глаз... Да, я разрешаю моему любимому идти. Ты можешь пойти хоть завтра, и пусть не горюет твое сердце. Я приготовлю на дорогу еду, и ты возьмешь с собой воинов, чтобы они охраняли тебя в пути. Но обещаю, что ты опять вернешься сюда, обещаю мне это, чтобы радовалось мое сердце, когда я буду об этом думать. И помни о нашем ребенке, который уже скоро родится. Никогда не забывай о нем!..

Ленгконг-Вуайя печально вздохнул.

— Да, завтра я отправлюсь в путь, — тихо произнес он. — Но я пойду один.

— Один? Напрасно! Что если на моего любимого нападут враги?

— Не бойся за меня. Сюда я пришел тоже один, хотя тогда было очень трудное и опасное время. Какие же враги могут теперь напасть на меня? Разве у нас остались еще враги?

— Здесь — нет, но ты можешь встретить их по пути или в тех краях, куда ты отправишься потом.

— Не волнуйся. У меня есть воины, целое войско — это мой помощник, мой верный меч! А кроме того, ведь я иду с добром и хочу только добра — откуда же появиться злу?

— В лесу много хищных зверей. Если б вместе с моим любимым шел хоть один друг, чтобы нести его припасы...

— Я достаточно силен и понесу все сам...

— А кто будет готовить еду для моего любимого? Кто сварит ему рис и гулай? *

— Я сам.

— Все сам? О, я знаю, мой муж очень храбр и силен, но пусть он не забывает, что, с тех пор как он живет здесь, ему не приходилось сражаться с врагами. Любимый мой отвык от лесного воздуха, и он легко может заболеть. В лесу много опасных насекомых, они могут укусить его...

— Да, я знаю, моя жена очень любит меня! — сказал с улыбкой Ленгконг-Вуайя. — Но пусть она будет спокойна. Я — мужчина, Первый Воин, а настоящий воин никогда не поддается страху. Я силен, искусно владею оружием, всегда готов помочь человеку, которому грозит смертельная опасность, я умею лечить болезни, разбираюсь в звездах, могу красноречиво говорить и привлекать к себе сердца людей. Я честен, справедлив и всегда держу свое слово. Поэтому еще раз говорю я моей любимой: не беспокойся ни о чем и разреши мне идти одному.

Сказав так, Ленгконг-Вуайя нежно обнял и крепко поцеловал свою жену.

15. ВОЛШЕБНЫЙ БРАСЛЕТ

Наступил рассвет. На листьях деревьев, подобно жемчужинам, засверкали крупные капли росы. Вершина горы Келабат, которая виднелась вдали, все еще была окутана чадрой пепельно-серых облаков, и склоны горы по-прежнему казались обернутыми в голубой бархат, расшитый блестящей позолотой. Восходящее солнце окрашивало прозрачный, дрожащий воздух в самые различные цвета, которые то и дело менялись, но каждый раз удивительно красиво сочетались друг с другом. Изогнутая цепь далекого горного хребта отчетливо вырисовывалась на фоне светлого неба, линии ее были словно выведены тщательной рукой неведомого художника. Лесные птицы весело и звонко перекликались перед домом Вантиана.

Ленгконг-Вуайя пробудился от сна.

Увидев проникшие в комнату лучи солнечного света, он понял, что утро давно уже наступило, и поспешно разбудил всю жену.

* Гулай — индонезийское овощное блюдо с подливкой. — Прим. перев.

— Доброе утро, любимая! Как ты себя чувствуешь?
Отдохнула?

— Да, милый. А ты?

— О, моя сила возвращается ко мне. Но все же вчера вечером мы слишком долго разговаривали.

— Наверное... Но ведь мой любимый должен сейчас уходить, а я еще ничего не приготовила! — забеспокоилась жена Ленгконга, садясь на постели.

— Да, поторопись, жена моя, приготовь мне еды на пять дней, а я пока примерю мою походную одежду.

— Но если люди увидят моего любимого в этой одежде, они обязательно подумают, что началась война...

— О, не бойся, ни один человек меня не увидит, потому что я могу стать невидимым!

— Черная магия? — удивилась женщина. — Тогда сделай это сейчас, я хочу посмотреть!

— Хорошо, я пойду в ту комнату, где лежит мое оружие и спрятана волшебная одежда, а когда переоденусь, позову тебя...

Через некоторое время Ленгконг-Вуайя позвал жену в свою комнату и сказал:

— Смотри внимательно! Я досчитаю до трех, и больше ты меня не увидишь. Раз, два, три!.. — И в этот момент он исчез, словно испарился.

— Ленгконг! Любимый! Хватит, хватит, я уже верю! — в испуге закричала его жена. — Где ты? Иди сюда!..

— Ха-ха-ха! — громко расхохотался Ленгконг-Вуайя, вновь появляясь перед ней в своей походной одежде.

— В самом деле, мой любимый владеет искусством магии! Научи и меня ему!

— Оно передается по наследству, дорогая моя жена. Я обучу тебя, когда стану совсем старым и мне придет пора умирать. Если же у нас родится сын, я должен будет передать этот дар ему. Отцы обучают своих детей, дети — внуков, и так из поколения в поколение.

Но моему потомству не годится владеть одним только этим искусством, если дети мои, как и я, получают благословение богов. Первый ребенок обычно рождается под счастливой звездой.

— Значит, наш сын...

— Будет обучен всем наукам!

— А если девочка?

— Пусть будет девочка, но когда боги дадут ей свое

благословение, она тоже будет владеть моей магической силой.

— Когда мой любимый вернется?

— Я не могу сказать этого точно. Но если меня долго не будет и наш ребенок уже подрастет, ты дашь ему этот браслет. Храни его! И хорошо запомни мои слова: если у нас родится девочка, ты наденешь браслет на ее левую руку, а если мальчик — то на правую. Но только не перепутай, иначе над нашим ребенком нависнет страшная опасность. Поэтому еще раз я говорю тебе: если родится дочь — браслет должен быть у нее на левой руке, если сын — на правой.

— Хорошо, любимый! — сказала жена Ленгконга, потом быстро приготовила на очаге пищу и позвала мужа к столу.

Во время еды он объяснил ей, что этот волшебный браслет придает человеку чудесную силу и сослужит пользу не только их ребенку, когда тот подрастет, но и тому, кто будет хранить браслет, ибо он может предотвратить любое зло и выручить человека из беды. Вот почему она должна беречь браслет как зеницу ока и каждый день окуривать его парами фимиама, воздавая ему почести...

Долго еще говорили любящие супруги перед тем, как расстаться. Казалось, не будет конца их последним напутствиям, напоминаниям и советам друг другу.

Лишь в полдень распрощался Молодой Воин со своей любимой женой, и тяжело было у него на душе, потому что жена его горько-горько плакала...

Покинув свое жилище, Ленгконг-Вуайя вдруг сразу куда-то исчез, будто растворился в ярком свете солнечного дня.

16. РОДИЛСЯ СЫН

Невозможно описать тоску и печаль, которые сжимали сердце молодой женщины, оставленной в одиночестве ее горячо любимым мужем. Подолгу сидела она у окна в своей комнате, подперев голову руками и всматриваясь в то место, где она последний раз видела Ленгконга, когда он вышел из дому и так внезапно пропал из виду.

— О Ленгконг, о муж мой и повелитель! — причитала она. — Не успели мы вдоволь насладиться нашей любовью, радостями супружеской жизни, как ты уже покинул меня!..

Что скажет наш малыш, если мой любимый еще не вернется, когда он вырастет?

О любовь моя, не оставляй меня одну слишком надолго. Я не перенесу разлуки!.. Смотри, Ленгконг, солнце, опускается все ниже, лучи его все короче, слабее... вот оно уже садится, утопает в море... Ах, любимый мой муж, мой раджа, так же и радость в душе моей постепенно угасает, пока не исчезнет совсем, как это солнце.

Померк свет нашего счастья, поглотила его злая, холодная тьма и черной тенью тревоги окутала мое сердце. Я осталась одна, и судьба моя несчастна, муки одиночества терзают меня. Где взять сил, чтобы вынести их? О муж мой, я еще совсем молода, но уже отсюда, издалека, вижу я раскрытую дверь гробницы — это смерть зовет меня...

Ленгконг-Вуайя, скорее возвратись ко мне! Скорее!.. Чтобы мы могли опять наслаждаться любовью!.. Мы будем вместе хранить покой и счастье нашей родины. Любимый мой раджа и воин, иди же сюда, вернись ко мне!..

Так она причитала сквозь слезы...

В это время вошла в комнату ее служанка. Она помогла своей госпоже подняться на ноги, уложила в постель и, нежно лаская ее, принялась утешать:

— Успокойся, господин твой скоро вернется. Подожди только, пока луна станет круглой. Как в первый раз пришел он сюда в полнолуние, так будет и теперь. Потерпи еще немножко!..

И добрая женщина тихонько запела, как поет мать, убаюкивая свое дитя. Песня ее успокаивала сердце, была как целебный бальзам, от которого утихает даже самая острая боль и заживают раны.

И жена Ленгконга заснула. Но все же сон ее не был спокойным. Время от времени она вздрагивала, стонала, говорила во сне, то улыбаясь, то плача...

Сжалось сердце служанки от жалости, когда увидела она, что делается с ее госпожой. Взяв чашку, сделанную из скорлупы кокосового ореха, она наполнила ее холодной водой и смочила голову молодой женщины, которая металась словно в лихорадочном жару.

И в самом деле, госпожа ее была больна, и еще много дней не вставала она с постели, часто бредила, и бессвязные, непонятные слова то и дело срывались с ее запекшихся уст; иногда она даже рассказывала целые истории. А однажды услышала служанка о волшебном браслете, который нужно

надеть на левую руку ребенка, если у господина родится дочь, или на правую, если родится сын; так велел Ленгконг-Вуайя. Много раз повторяла этот рассказ больная женщина.

Две недели спустя она поправилась, но теперь ее трудно было узнать — так она изменилась. У нее всегда было мрачное, подавленное настроение, она легко раздражалась и целыми днями ни с кем не желала разговаривать. Ту работу, которую прежде она выполняла сама, теперь делали за нее слуги. Вялость и безразличие словно сковали ее тело, и почти все время она проводила в одиночестве, уединясь в своей опочивальне.

И вот однажды пришли к своей госпоже старейшины во главе с вали *, чтобы спросить ее, где Ленгконг-Вуайя. Женщина ответила:

— Он ушел охотиться на оленей.

И потом, каждый раз, когда старейшины приходили в дом Вантиана, повторялось то же самое: Ленгконга они не заставляли, а его жена встречала их с задумчивым и грустным лицом.

— Скажи нам, госпожа, — спрашивали они, — где же твой муж, где Ленгконг-Вуайя? Уже давно мы не видим его, слишком долго он охотится. Мы хотим знать, правда ли, что он в лесу? Несколько раз появлялась полная луна с тех пор, как мы впервые пришли к тебе узнать о нашем господине, но он все еще не возвратился!

— Успокойтесь, уважаемые старейшины. Мой муж в самом деле ушел на охоту, и скоро он вернется.

Так всегда отвечала жена Ленгконга-Вуайя, потому что муж ее крепко-накрепко наказал ей держать все в секрете: он боялся, что если вантиане узнают о том, что он вернулся в свою страну, они опять станут непокорными и поднимутся на войну против народа Келабат.

И сказал ей однажды вали:

— О супруга нашего вождя, которую мы все так любим и уважаем! Не успокоятся наши сердца, пока мы не увидим опять Ленгконга-Вуайя. Неужели он так долго может быть на охоте? Разрешите нам поискать его. Что, если он попал в беду? Когда человек охотится, на него может обрушиться любое несчастье!..

— Нет, — ответила жена Ленгконга. — Не нужно пока

* Вали — здесь старейшина племени, в отличие от старейшин родов, входящих в данное племя. — *Прим. перев.*

искать его. Он не возвращается так долго потому, что ему, наверное, захотелось сначала уединиться в лесу и помолиться богам, попросить у них благословения для нашей страны.

— Если так, то поистине прекрасна эта мысль нашего вождя и военачальника!..

Старейшины разнесли эту весть по поселку, и весь народ поверил словам своей госпожи...

А между тем для молодой женщины наступило время родов.

Позвала она свою верную служанку, которой доверяла во всем, и велела ей послать за повитухой. Для матери с ребенком было приготовлено роскошное ложе. Около больной все время сидело несколько пожилых женщин.

...В страшных муках жена Ленгконга родила сына. Мальчик был намного крупнее, чем обычно бывают новорожденные. Его первый крик прозвучал так громко, что, казалось, заполнил всю комнату, в которой он родился, хотя комната была большая. Все слуги, что были на дворе, сбежались на этот крик, стараясь, рассмотреть через приоткрытую дверь, кто родился у их госпожи — мальчик или девочка.

А женщина, которая приняла ребенка, очень обрадовалась; покачивая младенца на руках и ласково кивая ему, заговорила:

— Мальчик, мальчик, как прекрасно твое лицо, как белоснежно твое тело, как красива твоя головка! Ты богатырь, у тебя такие большие ручки и ножки... Смотрите, он уже дерется, хватает меня за щеки!.. Ау, ау!..

Счастлива будет наша страна! Мальчик вырастет настоящим мужчиной, с которым никто не сможет справиться! Это сын знаменитого Ленгконга-Вуайя, сын самого сильного из сильных, искусного из искусных, мудрого из мудрых и всеми любимого воина! Он тоже станет защитником нашего народа, отважным военачальником, и будет носить такой же длинный меч, как и его отец. А лицом он похож на свою мать, на нашу красавицу-госпожу!..

Очень приятно было молодой матери слышать эти слова, но она совсем обессилела после тяжелых родов и от слабости не могла даже открыть глаза. Быстро взяв лекарство, истолченное в мельчайший порошок, повитуха стала натирать им лоб больной женщины, потом приложила к ее горячей голове большой прохладный банановый лист.

Жену Ленгконга трясла сильная лихорадка...

Болезнь долго не проходила, и старухи, охранявшие ее

покой, уже заволновались, опасаясь, что молодая мать не выживет.

Но, к счастью, через две недели она выздоровела. С какой радостью в сердце обнимала она своего малыша, целовала его, ласкала, называя именем любимого мужа.

— Хэй, дитя мое, маленький Ленгконг, плод материнской любви! Отца твоего нет с нами. Наверное, он уже забыл твою мать, а может быть, не вспоминает и о тебе... Но не надо печалиться, мы будем терпеливо ждать, ждать до тех пор, пока он вернется к нам. Не плачь, мой сынок! Ротик твой так же нежен и сладок, как рот твоего отца. Дай я поцелую его!.. О, как я люблю тебя! Ты вырастешь и станешь Первым Воином и мудрым раджой.

Лицо твое, как у ангела! Поцелуй же свою мать сладко-сладко!.. Ну вот ты и улыбнулся. Как счастлива я, когда смотрю на тебя, сокровище мое бесценное! Если бы и твой отец увидел тебя, необычайно обрадовалось бы его сердце и стало бы оно огромным от счастья.

Ленгконг-Вуайя, о любимый мой, взгляни на своего сына, посмотри, как он красив... Опять улыбнулся... О прелесть моя! Дай я еще раз поцелую твои щечки, глазки, ручки... тихонько укушу тебя... Ну иди ко мне, попей молочка!.. Ты уже хочешь спать, да, дитя мое, мальчик мой, раджа мой?.. Ру... ру... ру... Ах, какой же песне научил меня твой отец?.. О да, слушай хорошенько, она понравится тебе. Ру... ру... Ешь, ешь, побольше, пока не будешь сыт, а мама споет тебе, чтобы ты потом спокойно уснул:

- О мать маленькой девочки,
Откуда ты идешь?
- Я ходила в Венанг *
Покупать хлопковое масло.
- О дай немножко и мне!
- Оно уже кончилось,
А ты просишь...

И уснул малыш под звуки этой песни, которую несколько раз повторила его мать. Все более тихо и грустно звучал голос молодой матери, потому что все тоскливее становилось у нее на душе. Хотя в этой простой песенке не говорилось о горе, о каких-нибудь трудностях или опасностях, мотив ее был так печален и трогателен, что слезы невольно брыз-

* Венанг — древнее название порта Менадо.— *Прим. автора.*

нули из глаз женщины. Они катились по ее щекам, и она смахивала их, даже не сознавая, что плачет...

Чувство любви и радости перемешалось в сердце ее с чувством тоски и печали: любовь к мужу и сыну давали ей счастье, а долгое отсутствие Ленгконга заставляло ее страдать.

Не отрывая глаз, смотрела она на личико спящего ребенка — ведь это был самый ценный сувенир, который оставил ей на память ее прославленный муж.

Подумав так, она вспомнила о волшебном браслете, который дал ей перед уходом Ленгконга-Вуайя.

— Спи, сынок, спи крепко, — прошептала она, — а мама сейчас возьмет браслет твоего отца, обладающий магической силой, и наденет его тебе на ручку, чтобы ты вырос большим, могучим и храбрым воином, которого все будут бояться.

Разыскала она спрятанный в укромном местечке браслет, и только хотела надеть его на руку ребенку, как тот проснулся и заплакал: он не хотел надевать браслет, отталкивал его обеими ручонками, отчаянно вертелся и кричал.

— Хэй, сынок мой, почему ты не хочешь дать мне свою ручку? Какой же ты глупенький! Ну, ну, не толкайся, не кричи так громко и не дерись. Такой маленький, а уже дерешься!.. Ну, успокойся, успокойся... Вот так!.. Теперь я поймала твою левую ручку. Если ты не хочешь дать мне правую, пусть браслет будет на левой, если только он на ней удержится...

С большим трудом удалось ей наконец успокоить ребенка и уложить его в колыбель. Потом она долго укачивала его и тихонько пела ему своим нежным голосом ласковые песни, пока малыш опять не заснул крепким сном...

Жена Ленгконга-Вуайя забыла наказ своего мужа, забыла о том, что она должна была надеть волшебный браслет на правую ручку ребенка — ведь у нее родился сын. Она помнила только, что браслет должен быть у него на руке. А так как это она сделала, то теперь чувствовала себя спокойно и радостно.

17. О ЧЕМ ГОВОРИЛИ СТАРЕЙШИНЫ

Быстро рос сын Ленгконга-Вуайя. Всем жителям поселка было велено заботиться о нем, пока он не вырастет. Каждый, кто проходил мимо дома Вантиана, должен был

приносить ему дары: фрукты, овощи — все, что нужно было мальчику. Маленький Ленгконг заметно выделялся среди других детей. Когда ему исполнился год, он уже мог поднять и далеко отбросить тяжелый камень. Как-то, играя с большой собакой, он одной рукой схватил ее за лапы, а другой свернул ей шею.

Мать только удивлялась, глядя на него:

— Ты еще совсем маленький, но уже такой сильный! Когда отец твой увидит, каким богатырем ты растешь, он будет очень доволен.

С тех пор как мальчик появился на свет, в дом Вантиана опять вернулось веселье. Здесь всегда было шумно, то и дело слышался громкий, счастливый смех матери и малыша — это молодая мать играла со своим сыном.

Весь народ надеялся и верил, что этот мальчик, который уже сейчас изумлял всех своей силой и умом, будет достоин своего могущественного отца. Добрая служанка жены Ленгконга души не чаяла в ребенке. Она любила поговорить о своем любимце и часто рассказывала людям, какой удивительный сын растет у их госпожи. И люди верили каждому ее слову. Часто можно было слышать о мальчике:

— Да, это будет небывалый богатырь! Ведь он потомок Первого Воина.

Другие предсказывали:

— Он станет повелителем и властелином всего мира!

А третьи вспоминали о его отце.

— Отец его необычайно искусен в магии. Сейчас он уединился в лесу, чтобы еще больше увеличить свое волшебное могущество.

Да, имя сына Ленгконга-Вуайя не сходило в те дни с уст людей.

Как-то раз один из старейшин племени вантиан пришел к вали, который был его другом, и сказал ему:

— Хэй, друг мой, уже давно Ленгконг-Вуайя покинул нашу страну. Прошло слишком много времени с тех пор, как он ушел в лес. До сих пор он не вернулся. Что думаешь ты об этом?

— Меня поражает, что сын его — такой удивительно сильный мальчик, — заметил вали, не отвечая прямо на вопрос своего друга. — Большую, толстую палку он переламинает так же легко, как взрослый — тонкую тростинку бамбука. Наверняка ему помогает магическая сила браслета, который мать его надела ему на руку.

— Может быть. Но веришь ли ты тому, что отец его действительно ушел в лес, чтобы там молиться за нас? Что-то очень долго его нет. Мне кажется, или он уже мертв,— потому что если бы он был живой, он давно бы вернулся к своей жене, которую так любил,— или он возвратился к себе на родину.

— Я тоже так думаю,— уверенно произнес вали, усаживаясь поудобнее.

— Конечно, он опять ушел к своему народу и забыл о нас. Сначала он изменил своей родине, а теперь изменил и нам! Вот увидишь, не пройдет много времени, как Ленгконг-Вуайя явится сюда с огромным войском. Ведь он теперь хорошо знает и расположение нашего поселка и все места вокруг, где мы можем укрыться от врагов... Я скажу тебе еще больше: один из потомков Вантиана хочет, чтобы он навсегда остался нашим властелином и повелителем!

— Кто?

— Его жена! Да, это она, дочь Вантиана, желает, чтобы этот чужеземец и предатель всегда правил нашим народом!.. Глупая женщина! Выйти замуж за изменника, за убийцу своих отца и матери.

— Матери?.. Этого не может быть!

— Конечно! Ведь всем известно, что жена Вантиана умерла от горя, скорбя о своем муже, который погиб от руки этого негодяя. Вантиан был убит вражеским мечом, жена его — горем. И, кто знает, быть может, и все мы, потомки Вантиана, скоро будем уничтожены этим предателем...

— Ты прав,— неторопливо ответил вали,— дело это серьезное. Нам нужно обсудить его на Совете старейшин вместе с женой Ленгконга-Вуайя.

— Как? Звать женщину на Совет старейшин? Советоваться с ней?

— Что же тут плохого? Она — дочь Вантиана, дочь нашего вождя. Мы будем говорить о ее муже, так почему бы нам не посоветоваться с ней?

Вали пристально посмотрел на своего друга. Чувствовалось, что он озабочен чем-то еще, но пока не решается поведать собеседнику свои сокровенные мысли... Помедлив минуту, он заговорил опять:

— Друг мой! Есть одна тайна, которую я хочу открыть тебе. Уже давно волнует и тревожит она мое сердце, не дает мне покоя. Но готов ли ты поклясться, что, если я расскажу тебе все, ты не выдашь меня?

— Гм... Хорошо! — согласился старейшина и, взяв в правую руку свой меч, поднял его высоко вверх в знак того, что клянется сдержать свое слово, если же он нарушит клятву, то пусть этот меч поразит его... Затем он спросил улыбаясь: — Что же это за тайна?

Осторожно, обдумывая каждое слово, поведал вали старейшине свои сокровенные мечты: он хочет сразиться с одним очень сильным и могущественным воином и убить его. Тогда жена этого человека сможет выйти замуж за другого воина — одного из славных сыновей народа вантиан, который вполне достоин того, чтобы занять место Вождя. Если же она не захочет стать его женой, ему придется покинуть родину.

— Однако невозможно, чтобы она не согласилась, — медленно говорил вали, — потому что тот человек, который хочет жениться на ней, потомок великих воинов, прославленных всем нашим народом!.. Я надеюсь, хэй, друг мой, что ты хорошо продумаешь это очень важное дело и дашь мне совет.

— Я понял, о какой женщине ты говоришь. Но кто этот человек? — спросил старейшина, в душе которого уже зародилось подозрение. — Не ты ли?

Вали утвердительно кивнул головой.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся старейшина. — Вот уж действительно смешно! Ты!.. Ведь у тебя уже седые волосы! Дочь Вантиана прекрасна, как восходящее солнце, а твое лицо — как солнце перед закатом! Ты почти так же стар, как Вантиан, а хочешь жениться на его дочери! Ха-ха-ха!..

— Замолчи! — крикнул вали, чувствуя, как краска заливает его лицо — и от стыда и от гнева одновременно. — Вспомни клятву, которую ты только что дал!

— Не сердись... Ох, не могу!.. Хэй, друг мой, прекратим этот разговор, а то я, кажется, лопну от смеха! Ха-ха-ха! — хохотал старейшина, держась за живот.

— Послушай, замолчи сейчас же, или я... — рассердился вали. Но он не договаривал, потому что старейшина опять покатился со смеху.

— Ну, если так, — гневно сказал вали, — оставим этот разговор!

— Успокойся, — ответил его друг, перестав наконец смеяться. — Значит, это серьезно? Ты в самом деле любишь дочь Вантиана?

— Разве ты перестал понимать наш язык?

— Я думал, ты шутишь.

— Я люблю ее, и я люблю нашу родину. Ради мира и блага моего народа хочу я жениться на дочери Вантиана. Она не должна быть женой чужеземца!

— Но почему бы ей не выйти замуж за какого-нибудь юношу? За одного из наших молодых воинов?

— Конечно, она может это сделать. Но у молодых людей слишком мало опыта и мудрости. Дочери вождя достоин только старый, прославленный воин, почти такой же знаменитый, каким был ее отец.

— Слова твои справедливы, но мы не можем силой заставить эту женщину поступить против ее желания. Из этого не выйдет ничего хорошего: не только в стране, но и в твоём доме не будет мира, в нём поселится вечная вражда. Ведь когда ты женился в первый раз, ты не только сам любил свою жену, но и она очень любила тебя.

— Жена Ленгконга-Вуайя тоже полюбит меня.

— Не ослышался ли я? Неужели ты воображаешь, что ты так красив?! Ха-ха-ха!..

— Ты опять смеешься надо мной!

— Да, потому что ты говоришь, как безмозглый человек!

— Хэй, друг мой, лучше бы ты не смеялся, а помог мне достичь моей цели. Как я буду счастлив, когда женюсь на этой женщине!..

— Ты видишь одну лишь ее красоту, но совсем не знаешь ее сердца.

— Пусть так!

— Ты словно ослеп! Ты забываешь о маленьком сыне Ленгконга-Вуайя! Ведь он тоже обладает магической силой. Если ты женишься на его матери, что будет потом, когда мальчик узнает, что он вовсе не твой сын? Конечно, он не станет считаться с тобой и уважать тебя, потому что ты ему не родной отец.

— Ах, зачем так много говорить? Надо собрать Совет старейшин и решить это дело.

— Хорошо. Но только ты не надейся, что я буду помогать тебе. Будет так, как скажет сама жена Ленгконга-Вуайя. Любовь нельзя принуждать, и нельзя купить ее.

— Кто же хочет ее купить?

— Ты! Ты хочешь купить любовь этой женщины в обмен за твои заслуги и власть. Но мы, другие старейшины,

разделяем эту власть с тобой и не можем помогать тебе в таком недостойном деле.

— А что, если я скажу Совету старейшин так: у меня одно желание — мир, спокойствие и процветание нашей родины, но мы добьемся этого лишь в том случае, если дочь нашего вождя Вантиана выйдет замуж за одного из самых почтенных воинов своего народа. Такими словами можно привлечь на нашу сторону других старейшин, которые не так сильны и уважаемы, как мы с тобой. Разве это плохо? Что ты скажешь теперь?

— Я скажу, что поступать так — недостойно такого почтенного мужа, как ты, и нечестно. Если ты в самом деле хочешь жениться на этой женщине, лучше пойди сам в дом Вантиана и попроси разрешения поговорить с ней. Но не торопись открыть ей свои чувства. Сначала ты должен склонить к себе ее сердце почтением и приятными словами. Приходи к ней почаще, говори, что это твой долг, долг вали — заботиться о ее благе и спокойствии. Только так ты сможешь ей понравиться. Беседуй с ней по-дружески, и тогда ни у кого не зародится никаких подозрений. Только умом и лаской, может быть, сумеешь ты завоевать любовь дочери Вантиана. И тогда ты скажешь ей, что, по словам одного звездочета, ее муж, Ленгконг-Вуайя, уже оставил этот мир. Это самый лучший путь. Неприлично такому старику, как ты, говорить на Совете старейшин о своем желании жениться на молодой женщине. К тому же, если все и одобрит твою цель, но сама она не пожелает выйти за тебя замуж, разве мы сможем принудить ее к этому?

Жена Ленгконга-Вуайя — наша госпожа. Народ очень любит ее за доброту, ум и красоту. И если узнают люди о твоей затее, они наверняка высмеют и опозорят тебя, ибо сразу поймут, что ты думаешь лишь о том, как бы взять в жены красивую и молодую дочь Вантиана, а вовсе не о благе своей родины!..

Умолк старейшина. А вали задумался, но, кажется, послушался совета своего друга, так как через некоторое время сказал ему: «Спасибо!»

18. КАК БЫЛ ПРИСТЫЖЕН ВАЛИ

— Да будет вечно благословенна и счастлива твоя жизнь, о госпожа наша! Да воздастся хвала той, чье правление так мудро и справедливо, и да исполнятся все ее жела-

ния! Слуга твой верный пришел сюда, чтобы выразить свое почтение и спросить госпожу о ее делах, принести слова любви и уважения всего народа к той, которая несравненна и...

— О спасибо тебе, спасибо! — улыбаясь, прервала жена Ленгконга-Вуайя приветствие старого вали.— О каких же важных делах пришел ты говорить со мной?

— Прости, госпожа, слугу своего...— в замешательстве ответил вали.— Я только хотел узнать...

— Почему вали не решается сказать мне о своем деле? Пусть он ничего не боится.

— Слуга твой... хочет спросить... об одном...

— Говори же, ты можешь смело довериться мне. Я помню, когда мой отец был жив, вали всегда приходил советоваться с ним о делах. Что же случилось сейчас?

Старик попытался улыбнуться, но не смог: он только смешно скривил рот и стал очень похож на обезьяну, когда она сердится. Потом он растерянно поскреб затылок, и все лицо его и даже уши покраснели от волнения и смущения, которые он испытывал перед этой красивой женщиной. И хотя она ласково улыбалась ему, вали казалось, что она уже угадала цель его прихода, но просто не подает виду.

— Слуга твой,— решил наконец вали,— хочет... хочет спросить, что случилось с нашим отважным и мудрым воином.

Жена Ленгконга-Вуайя на мгновение нахмурилась и с удивлением взглянула на вали, но тут же лицо ее вновь озарилось такой прекрасной улыбкой, что влюбленный старик задрожал от волнения.

— Мой муж еще в лесу,— ответила она.— Но почему ты спрашиваешь меня об этом?

— В лесу? В... в... каком лесу?

— Не знаю.

— Госпожа моя! У нас нет сейчас военачальника, и потому... я хотел бы стать им.

— Хотя мой сын еще не вырос, нашим Военачальником будет только он, потомок двух могучих и прославленных воинов — моего отца Вантиана и моего мужа Ленгконга-Вуайя, которого я очень люблю.

Когда вали услышал последние слова женщины, чувство зависти и ревности с необычайной силой вспыхнуло в его сердце, и от этого он побагровел еще больше. А жена Ленгконга добавила:

— Сын мой будет таким же сильным и добрым, таким же мудрым и искусным в магии, как и его отец.

— О да, госпожа моя, несравненна магическая сила Ленгконга-Вуайя, но... прости слугу твоего за то, что не осмеливается он сказать об одном... очень важном деле...

Чем дальше, тем все больше охватывало душу молодой женщины какое-то смутное беспокойство. Почему этот старик так странно ведет себя? Он как будто чем-то смущен или испуган! Что он задумал, зачем он пришел к ней?

— Не гневайся на меня, госпожа,— продолжал между тем вали,— но я должен сообщить тебе, что муж твой, Ленгконг-Вуайя, как сказал звездочет... уже... явился...

— Ах! — воскликнула жена Ленгконга.— Какую радостную весть принес ты мне, вали!.. Но где же он? Почему он не пришел сюда?

— Нет, нет, госпожа не поняла меня,— испуганно забормотал старик и торопливо добавил: — Я не договорил... Он явился на небеса, к своим предкам. Он умер!..

— Что?! Что ты сказал?.. Ум...

Но несчастная женщина не смогла договорить. Страшное известие поразило ее в самое сердце, кровь застыла у нее в жилах, и силы вдруг оставили ее. Ленгконг-Вуайя, которого она так любила, которого она так ждала все это время, умер!.. Она замертво рухнула на пол.

— На помощь! На помощь! — испуганно закричал старик.— Госпоже плохо!..

В доме поднялась суматоха. Сбежались слуги и принялись хлопотать вокруг бедной женщины. Бережно подняв, они перенесли ее в опочивальню, послали за лучшим в поселке лекарем, приготовили воду. Вскоре явился лекарь. Он смочил ей голову холодной водой, потер лоб, и через несколько минут женщина открыла глаза, но, придя в себя, сразу же разрыдалась, вспомнив, что сказал ей вали.

Никто не мог утешить жену Ленгконга, она не хотела никого видеть и велела всем уйти. Как только несчастная осталась одна, крикнула она свою служанку и, когда та подошла к ее изголовью, сказала:

— Где мой сын? Приведи его скорее сюда!

Мальчика привели к матери. Он весело смеялся, ничего не зная о постигшем их горе.

— Хэй, дитя мое,— со слезами в голосе произнесла мать, когда они остались в комнате вдвоем.— Теперь ты будешь один на всем свете. Мама твоя тоже умрет... Да,

я не перенесу этого! О боги, чем я провинилась, за что я так страдаю?.. Сын мой любимый, отец твой умер!..

Но глупый малыш, услышав эти слова матери, в ответ залился звонким смехом...

Крепко прижала бедная женщина к своей груди сына и стала целовать его. Видя ее непривычно печальное лицо, мальчик почувствовал что-то неладное и заплакал. А мать, сердце которой разрывалось от невыносимого горя и жалости к своему ребенку, зарыдала еще сильнее...

А в это самое время вали рассказывал своему другу старейшине обо всем, что произошло. Рассказал и о том, как жена Ленгконга-Вуайя прогнала его из дому; теперь ему так стыдно, что он не осмелится больше пойти туда. Но все же он не оставил мысли жениться на прекрасной дочери Вантиана и просит созвать для этого Совет старейшин.

Выслушав рассказ вали, друг его рассмеялся, а потом спросил:

— Что ты сказал ей, от кого ты узнал о смерти ее мужа?

— Я сказал, что узнал об этом от... от нашего звездочета,— неуверенно ответил старик.

— Но ведь это ложь!

— Мы позовем его и прикажем, чтобы он подтвердил мои слова, если она спросит его об этом.

— Гм... Значит, он тоже должен солгать!.. И ты еще хочешь, чтобы я помог тебе в твоём грязном деле!

— Хэй, друг! — сердито закричал старый вали.— Как поворачивается твой язык говорить так со мной!..

— Тише, тише! — спокойно ответил тот.— Если бы я не помнил о нашей дружбе, я бы уже давно прогнал тебя отсюда. Если бы это был не ты, а другой человек, я приказал бы повесить его, потому что поступки твои подлы и нечестны. Кто дал тебе право обманывать нашу госпожу и оскорблять ее своим низким желанием? Ведь я говорил тебе, что если ты и правда любишь ее и хочешь ей понравиться, то должен действовать умно и осторожно. А ты сразу же солгал ей и теперь требуешь, чтобы и наш звездочет, и даже я тоже стали лжецами! Если народ узнает правду, он убьет тебя. А меня все назовут негодяем и скажут, что я хотел помочь тебе совершить такую подлость. Нет, я не хочу этого! Ты должен отказаться от своей затеи, иначе мне придется забыть о нашей дружбе.

И если народный сбор решит, что тебя нужно повесить, не жди от меня защиты.

Когда вали услышал такие слова и увидел негодование своего друга, он затрясся от страха и пробормotal:

— Если так, лучше я не стану этого делать.

— Чего?

— Собрать Совет старейшин. Теперь я понимаю, что не годится мне просить дочь Вантиана стать моей женой.

— Верно, друг мой, но все же над тобой нависла опасность. Ведь ты сказал нашей госпоже, что Ленгконг-Вуайя умер. Конечно, она захочет проверить это и спросит тебя, какой звездочет поведал тебе о смерти ее мужа. Что ты ей на это ответишь? Укажешь на нашего звездочета, чтобы очернить ни в чем не повинного человека?

— Как же мне быть? — растерянно спросил вали.

— Я дам тебе совет: лучше всего, если ты скажешь, что этот звездочет — ты сам, но что ты только недавно изучил эту науку и тебе показалось, будто звезды в самом деле предсказали смерть Ленгконга-Вуайя. Поэтому если ты и ошибся, никто тебя не осудит.

— И тогда меня не повесят?

— Нет! Ибо люди, которые не стали еще настоящими звездочетами, часто ошибаются в своих предсказаниях.

— Спасибо тебе, друг мой!..

Прошло две недели... Ранним утром жители поселка услышали громкие звуки гонга, доносившиеся со двора дома Вантиана. Это означало, что супруга Вождя желает обсудить со знатными представителями своего народа какое-то важное дело. Когда все военачальники и старейшины во главе с вали и его другом были в сборе, жена Ленгконга-Вуайя обратилась к ним с такими словами:

— Уважаемые и почтенные отцы народа, собравшиеся на этот Совет, прошу вас принять мой поклон и благодарность!

Она была очень красноречива, и все с восхищением слушали ее.

— Я хочу сказать вам о чувствах, надеждах и мыслях моих. Я хочу сказать о жизни нашего народа и народа Келабат, к которому принадлежит мой муж Ленгконг-Вуайя. Давно уже думали мы о том, почему между нами всегда была вражда, хотя на самом деле мы не два разных, а один-единный народ. И, как сладкий и приятный

плод наших размышлений, созрело в нас желание — установить между нашими народами Мир и Дружбу.

Разве дружба эта не принесет нам спокойствия и безопасности? Разве не будет от этого жизнь народа нашего лучше и счастливее?

Таков совет богов, который вложили они в самое сердце мое и моего мужа. И тогда он решил уединиться в лесу, чтобы просить благословения небес и предков своих в священном деле, которое мы задумали. Как семена посею, если за ними заботливо ухаживают, дают хорошие всходы и богатый урожай, так и мы нашими усилиями должны взрастить могучее и пышное дерево Мира, потому что оно принесет нам чудесные плоды — богатство и счастье для всех людей, священную чистоту их сердец!

Ради этого отданы в жертву богам жизни моего отца и матери, ради этого готовы пожертвовать собой и я, и мой сын. Но если даже погибнет род Вантиана — муж мой, Ленгконг-Вуайя, останется жив! Да, он не погиб, не умер, — так говорит наш звездочет! Но он уже ушел из леса и находится сейчас у себя на родине, где будет до тех пор, пока добьется великой цели — примирения наших народов.

Знаете ли вы, что могущественное племя, которое называется племенем Мангиндано, готовится напасть на эти земли и захватить все владения потомков горы Келабат? Когда Ленгконг-Вуайя говорил со мной об этом, он сказал: «Мы должны объединиться, чтобы выросли наши силы, и все вместе мы сможем отбить нападение чужеземцев». Раньше люди Келабат считали своим врагом и наш народ, но теперь благодаря мужу моему они видят в нас своих друзей и братьев.

Поэтому я прошу и призываю вас помочь мне, чтобы общими силами посеяли мы в сердцах нашего народа благородные семена Мира и Любви к народу Келабат, народу Ленгконга-Вуайя, и эти семена принесут нам невиданные еще, прекрасные плоды!

Настанет день, и вернется к нам мой любимый муж. Он придет, когда на небе будет ярко сверкать, заливая все своим блестящим светом, полная, круглая луна. И надеюсь я, что он увидит, как уже выросло и расцвело пышным цветом посаженное нами деревцо Мира и Счастья.

И этим первым деревцом будет мое дитя, молодой

Ленгконг, обученный разным наукам, полный добродетелей, сын обоих наших народов, которого мы вырастим все вместе...

Вали слушал речь жены Ленгконга-Вуайя, низко опустив голову от стыда, боясь встретиться с ней взглядом; из ее собственных уст услышал он, что муж ее жив и вернется сюда. Значит, она не поверила его предсказанию о гибели Ленгконга. Что же теперь будет?.. Он умоляюще посмотрел на своего друга старейшину. Тот понял его взгляд, быстро поднялся и сказал громким и торжественным голосом:

— Разреши сказать мне, госпожа! Как до сих пор был я верным твоим помощником во всех делах правления, так и теперь одобряю твою благородную цель и клянусь, что буду вместе с тобой добиваться ее достижения всеми силами ради мира и спокойствия нашей родины! И я призываю к этому всех моих друзей, которые собрались на этом Совете.

Старейшины и военачальники дружно закивали головами, и никто не стал больше говорить. Вали, который обычно был очень красноречив, на этот раз тоже молчал, словно ему рот зашили. Тогда сказала жена Ленгконга-Вуайя:

— Я вижу, вам всем понравились мои слова и вы согласны со мной. Спасибо! И знайте, что если мне придется ждать моего мужа даже до самой смерти,— я буду ждать его. Я говорю это для того, чтобы не надоедали мне напрасно неженатые мужчины. И никогда не изменю я своего слова, потому что любовь моя вечна!

Сказав так, она отпустила всех с миром.

Вали, которого она так умно и тонко пристыдила, был очень сконфужен. Мудрость этой женщины оказалась сильнее его...

А ведь сначала жена Ленгконга-Вуайя поверила словам старика. Но когда оправилась она от потрясения, подумала: откуда старик мог узнать о смерти ее мужа, какой звездочет сказал ему это? И почему он все время смущался и краснел? Станным показалось ей поведение вали, и, позвав к себе самого лучшего, самого ученого звездочета, велела она ему выяснить все, что он может, о судьбе ее мужа.

Необычайна была радость молодой женщины, когда она услышала, что Ленгконг-Вуайя жив и не забыл о ней,

что он находится в своей стране и в его благородных делах сопутствует ему успех. Узнала она и об истинных целях старого вали и, чтобы проучить его, созвала Совет всех военачальников и старейшин. Что было потом, мы уже рассказали.

С тех пор вали всегда безропотно повиновался своей госпоже.

19. ГИБЕЛЬ СЫНА ЛЕНГКОНГА

Прошло четырнадцать лет.

Жена Ленгконга-Вуайя, теперь уже почти тридцатилетняя женщина, по-прежнему славилась своей красотой. Лишь на лбу у нее появились тоненькие морщинки. Все время проводила она вместе со своим сыном, который стал уже таким большим, что скорее походил на ее младшего брата.

Юный Ленгконг был еще совсем молод, но уже считался Первым Военачальником страны; перед его силой не мог устоять ни один из воинов. Народ полюбил юношу за его честность, веселый нрав и простоту в обращении с людьми. Как и его отец, молодой Ленгконг всегда был готов помочь тому, кто в этом нуждался: от матери он унаследовал доброе, отзывчивое сердце.

Юноша был очень красив. Голову его украшали длинные, до плеч, выющиеся волосы. У него были большие лучистые глаза, окаймленные тонкими дугами темных бровей, нежный рот, и над верхней губой уже пробивались маленькие усики. Высокий, стройный и сильный, он вызывал в сердцах людей такое восхищение, что всем, кто смотрел на него, казалось, будто перед ними не потомок обыкновенных людей, а дитя богов.

Молодой Ленгконг очень любил свою мать. Как приятно и радостно было видеть их вместе, веселых и счастливых! Когда мать обнимала сына, он легко поднимал ее своими сильными, крепкими руками и бережно кружил. И со стороны казалось, что это двое влюбленных — жених и невеста или даже муж и жена, особенно когда мать, положив голову юноши к себе на колени, целовала и гладила ее, ласкала его мягкие, волнистые кудри...

А Ленгконг-Вуайя все еще был у себя на родине. Все эти долгие годы, годы разлуки со своей любимой женой, посвятил он одной цели — объединить земли страны и до-

биться мира и дружбы между всеми населяющими ее мелкими племенами.

И когда наконец эта великая и благородная цель была достигнута, сразу же вспомнил он о жене и ребенке, и страстное желание поскорее увидеть их охватило его душу. Он быстро приготовил себе еду на дорогу, взял оружие и ранним утром, когда весь поселок еще спал крепким сном, отправился в путь. Однако свою походную одежду он не надел, а нес ее в руках, потому что вокруг уже не было врагов и некого было бояться.

И в тот же самый день вместе с вали и несколькими друзьями молодыми воинами пошел в лес на охоту его сын.

Охота длилась до самого вечера... Уже поднялась луна. Круглая, огромная и очень светлая, она озарила небосклон ярким трепетным светом. Но что это?.. Поплыли по небу темные тучи, а навстречу им — светлые облака... Они столкнулись, перемешались и вдруг окрасились в багровый цвет! Зрелище это было красивое и в то же время зловещее, оно словно предвещало какое-то ужасное несчастье.

С удивлением смотрела на небо жена Ленгконга-Вуайя. Сердце ее тревожно застучало, охваченное непонятным волнением. Да, красивы лучи сверкающей полной луны, но почему облака стали такими красными, будто обагрила их чья-то молодая, горячая кровь? Что это может означать?.. Подумала она о своем сыне... потом о муже, которого не видела уже много-много лет. Где он сейчас, что с ним?..

Необычайный цвет облаков привлек внимание и Ленгконга-Вуайя. В душу его тоже закралось смутное предчувствие какой-то беды. Ему вдруг показалось, что где-то рядом притаились враги, выжидающие его приближения... Он быстро надел боевые доспехи, приготовил оружие и продолжал свой путь.

Достигнув густых зарослей, в которых обычно водятся дикие кабаны, он остановился и осмотрелся кругом. Внезапно раздались громкие, возбужденные возгласы:

— Вrag! Вrag!

Ленгконг-Вуайя слегка вздрогнул от неожиданности, но быстро овладел собой, отбросил в сторону узелок с провизией, правой рукой обнажил свой меч, левой поднял щит. Он был готов к бою.

В тот же миг из-за кустов выскочили несколько вооруженных воинов, и один из них, как молния, стремительно бросился на Ленгконга. Это произошло так быстро, что тот, несмотря на яркий свет луны, не успел рассмотреть, кто на него напал. Он заметил только, что противник его совсем еще юноша, но самый высокий и рослый из всех врагов...

Начался ожесточенный поединок.

Никогда еще в жизни своей не приходилось Ленгконгу-Вуайя встречаться с таким врагом! Этот Молодой Воин почти не уступал ему в силе и искусстве сражаться.

Нельзя было без страха и в то же время без восхищения смотреть на эту беспощадную схватку двух богатырей. словно жестокие духи, стремились они поразить друг друга, то и дело со звоном скрещивая свои мечи, отражая и нанося удары, отскакивая назад и устремляясь вперед, но ни одному из них не удавалось ранить своего противника.

— Кто он? — думал Ленгконг-Вуайя. — Его приемы в сражении похожи на мои. И сам он похож на меня. Кто же это?

Скрещивались в воздухе мечи, и отлетали от них огненные искры, вызывая изумление и ужас у воинов, которые обступили храбрецов и растерянно ждали, что же произойдет дальше. Разлетающиеся во все стороны искры казались им злыми молниями, которые вот-вот снесут им головы, и тогда они испуганно вскрикивали и отступали подальше.

...Уже целый час бились два богатыря и все же никак не могли осилить один другого. Ленгконг-Вуайя весь покрылся потом, но почувствовал, что и противник его начал уставать. Кто же из них одержит победу?

Отпрыгнув назад, Ленгконг-Вуайя неожиданно кинулся на врага, высоко подняв над головой свой меч, словно намереваясь нанести удар сверху вниз, но когда Молодой Воин подставил свой щит, он мгновенно опустил меч и с силой ударил воина по ногам. Зашатался отважный юноша и... рухнул на землю.

И когда Ленгконг хотел уже отрубить побежденному голову, луч луны осветил упавшего и на руке его что-то сверкнуло. Содрогнулся всем телом Ленгконг-Вуайя, кровь застыла в его жилах, и он быстро нагнулся, чтобы получше рассмотреть блестящий предмет.

Но в этот момент на него напали другие воины во главе с вали. С гневом выпрямившись, Ленгконг стал яростно осыпать врагов тяжелыми ударами своего длинного меча, и вскоре всем им пришлось спасаться бегством.

А Ленгконг-Вуайя вернулся к тому месту, где лежал сраженный им Молодой Воин, стал на колени, наклонился к нему... и вдруг тишину леса прорезал душераздирающий крик ужаса и отчаяния: на руке у юноши был браслет, тот самый браслет, который Ленгконг когда-то оставил своей жене! И понял Ленгконг, что перед ним лежал, обливаясь кровью, не кто иной, как его сын...

— О мальчик мой, сын мой! — застонал Ленгконг-Вуайя. — В чем же я провинился перед богами, за что так жестоко наказан? Я сам, сам убил тебя!..

Как только Молодой Воин услышал эти слова, прерываемые рыданиями, раскрыл он глаза и тихо, еле слышным голосом спросил:

— Кто ты?

— Твой отец. Я узнал тебя по этому браслету. Но почему же он надет на твою левую руку? О злой рок!..

— Мать моя... Значит... — Юноша говорил медленно, прерывисто, с большим трудом, все больше слабая от потери крови. — Значит, ты... мой отец... отец! Помогите!..

Быстро развязав свой узелок с провизией, Ленгконг-Вуайя достал бамбуковый сосуд, наполненный водой, и, поддерживая бессильно падавшую голову сына, напоил его.

— Теперь я, наконец, вижу моего отца, — прошептал умирающий. — Как искусно... мой отец... сражается!..

— О мальчик мой! Это я во всем виноват!.. Но ничего, ничего, я дам тебе лекарство...

— Напрасно, отец!.. Не надо. Поздно... Я умираю... Сжалось от страшного горя сердце Ленгконга, не смог он сдержать своих слез и опять зарыдал.

— Не плачь, отец!.. Скажи матери, что это моя вина, я первый напал на тебя... Наверное, рука всевышнего...

— Нет, сынок, это ошибка твоей матери. Она надела тебе браслет на левую руку, а надо было на правую, потому что ты мужчина... Тебя еще не было на свете, когда я оставил вас... О судьба!..

— Отец... Так угодно было богам... Прости мать, прости меня!.. Нет больше сил... Я умираю... Раны мои... уже не залечить...

Это были последние слова Молодого Воина. Тело его дернулось, он вытянулся и перестал дышать. А Ленгконг-Вуайя упал рядом с ним на колени и, обнимая тело своего мертвого сына, зарыдал горько и безутешно...

Когда он немного пришел в себя, первой его мыслью и желанием было — убить себя. И, схватив меч, он уже занес его над собой, чтобы пронзить свое сердце, но в этот момент на небе блеснула молния и раздались такие оглушительные раскаты грома, что, казалось, сейчас обрушится сама гора Келабат. Ленгконг-Вуайя вздрогнул и выронил меч из рук.

Выплыла из-за туч круглая сверкающая луна и опять озарила небо странным, зловещим багровым светом. Подул сильный ветер, разогнал плотные облака, зашумел, загудел между деревьями, раскачал их верхушки. От шума и свиста ветра казалось, будто в воздухе, громко перекликаясь между собой, носятся многочисленные духи и джины.

Ленгконг-Вуайя еще раз взглянул на тело своего сына, потом поднял его на руки и понес.

Он шел в поселок вантиан, и губы его были сжаты в суровом и горестном молчании.

20. С ПЕЧАЛЬНОЙ ВЕСТЬЮ

В полночный час, когда все небо было затянуто черными скорбными тучами, поглотившими радостный свет луны, Ленгконг-Вуайя достиг поселка вантиан. Здесь ждет его жена, которую он не видел четырнадцать долгих лет...

Подумав минутку, он повернулся и быстро пошел назад в лес. Разыскав ту пещеру, в которой он ночевал когда-то после сражения с Вантианом, Ленгконг оставил в ней тело своего сына, завалив вход в нее огромным камнем, и вновь направился к поселку.

Было уже далеко за полночь, когда он подошел к дому своей жены. Сердце его трепетно билось... Тишина!.. Слышалось только негромкое пересвистывание птиц.

В это время опять поднялся ветер, небо очистилось от туч, и засияла луна. Ленгконг-Вуайя уже хотел войти в дом, чтобы разбудить жену, но перед ним внезапно появился — словно вырос из-под земли — стражник.

— Хэй, кто это? — послышался строгий окрик, и Ленгконг увидел направленное на него острие копья.

— Здесь ли госпожа? — спокойно спросил он.

— Кто ты такой и как смеешь спрашивать госпожу поздней ночью?

— Что в этом плохого?

— Ты недостойн того, чтобы беспокоить ее, — сердито ответил стражник. — Убирайся отсюда или... — И он угрожающе поднял копье.

— Хорошо, я уйду, — сказал Ленгконг-Вуайя и в тот же миг... исчез на глазах у недоумевающего воина.

Войдя в дом, Ленгконг несколько раз тихонько кашлянул.

— Кто там? — донесся до него из-за дверей опочивальни голос его жены.

— Я! — ответил Ленгконг-Вуайя.

— Кто? Назови свое имя... Сын мой?.. Нет, это не его голос...

— Отец твоего сына! Открой же дверь, любимая моя!..

— Ленгконг-Вуайя?! О, ты ли это, муж мой...

Распахнулась дверь, и муж и жена бросились в объятия друг друга. Несказанно счастлива была жена Ленгконга, но он, так же сильно взволнованный этой долгожданной встречей, все же не сумел скрыть горя, которое переполняло его душу. И еще больнее сжалось его сердце, когда он подумал, что должен будет сообщить жене ужасную весть о гибели сына.

Но она каким-то чутьем угадала состояние мужа и, выпустив его из своих объятий, пристально посмотрела на его печальное, задумчивое лицо.

— Любимый!.. Что с тобой? Случилось какое-нибудь несчастье? Тебе не удалось достигнуть своей цели? О, скажи мне все! Пусть исчезнет тревога из моего сердца!..

— Успокойся, дорогая, — тихо произнес Ленгконг, сядя рядом с женой. — Благодарение богам, цель моя уже достигнута — вся страна наша объединена... Но ты еще не сказала мне, где наш сын.

— Да, я совсем забыла об этом... Так неожиданно твое возвращение!.. О, сын наш уже большой, он очень похож, во всем похож на тебя. Наверное, это благодаря волшебному браслету, который тогда оставил мне мой любимый.

— На какую руку надела ты ему тот браслет?

— На левую.

Ленгконг-Вуайя грустно поник головой, и на глаза его опять навернулись слезы.

— Что случилось? — спросила его жена, и сердце ее тревожно забилося. — Он еще днем ушел на охоту и до сих пор не вернулся. Ты встретил его?..

Не смог Ленгконг выдержать ее пристального, вопрошающего взгляда и, обняв жену, сказал глухим, прерывающимся голосом:

— Ошиблась моя любимая... Родился сын, а браслет у него на левой руке... И случилось несчастье... Он погиб...

Последние слова так потрясли бедную женщину, будто она своими глазами увидела, как наступает конец мира: подкосились у нее ноги, и она лишилась сознания. На какое-то мгновение Ленгконгу показалось, что и его покидают силы, но он быстро овладел собой и, применив все свое умение, привел жену в чувство.

— Любимая моя! — сказал он. — Мы оба с тобой виноваты и за это несем теперь наказание. Крепись, потому что еще много тяжелых испытаний будет у нас впереди... Поднимись же, успокойся и послушай, как это случилось.

И Ленгконг-Вуайя стал рассказывать жене о своем сражении с сыном. Слушая его, она плакала все сильнее и сильнее, так как поняла, что мальчик их погиб из-за ее небрежности. Как горько она упрекала себя за это! А муж пытался успокоить ее, утешить ласками и уговорами.

— Не надо плакать, любимая моя. То, что свершилось, свершилось по воле богов! Завтра мы похороним его рядом с твоим отцом и матерью... Не плачь. Тяжелое горе легло на наши плечи, но все мы в руках всевышнего. Он жестоко наказал нас, принес нам такое страдание, но мы должны собрать все наши силы и мужество, чтобы и впредь твердо и бесстрашно выдержать любое испытание, которое может выпасть на нашу долю.

Поддаться горю и слабости, показать всем печаль своего сердца — значит признать себя беспомощным и побежденным. Хэй, жена моя любимая, не рыдай так, успокойся. Нельзя, чтобы наш народ увидел нас такими бессильными — тогда и он может потерять мужество. Не нужно больше плакать и убиваться. Старые люди говорят: как бы много страданий и испытаний ни перенес человек, он должен знать, что этим боги хотят укрепить и закалить его сердце и душу и воздадут по заслугам тому, кто

выйдет из этих испытаний с честью благодаря своей твердости и мудрости. Запомни это.

Помни и о том, что ты дочь Вождя, а я — Первый Воин, и потому мы должны быть достойны уважения народа и во всем быть для него примером. Если же люди увидят нашу слабость, они перестанут верить в нас.

Так изгони же из сердца своего печаль, чтобы завтра ты смогла проститься с нашим сыном. И если ты сдержишь себя и не уронишь ни одной слезинки, народ наш скажет:

— Необычайна сила сердец госпожи нашей и Ленгконга-Вуайя. Не может быть для нас лучшего примера!..

И затихла, успокоилась жена Ленгконга, и он умолк.

Уже близок был рассвет, но они не легли спать, а стали готовить все необходимое для того, чтобы наутро похоронить своего сына по всем обычаям их страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки одного из трех тысяч островов	5
--	---

I. Сказки

1. Остров Корабль	15
2. Кот и Обезьянки	18
3. Кольцо	20
4. Орел и Воробей	24
5. Сказка о Перепелочке и двух мальчиках	26

II. Сказание о мудром юноше, или Принц-Чародей

1. О любви	33
2. Сердце принуждать нельзя	39
3. Они хотят нарушить обычай раджей	46
4. Чародей	51
5. Как принц Менан-Сенданган был с позором изгнан раджой небес	56
6. Совет учителя Рае-Римае	58
7. Перед побегом	63
8. В море	65
9. Корабль терпит крушение	70
10. В плену	75
11. Спасение	80
12. Расставание	83
13. В поисках принцессы Запада	87
14. Горлица в золотой клетке	90
15. Как встретились принц Востока с принцессой Запада	94
16. Испытание	98
17. На волшебном корабле	102

18. Вероломная служанка	105
19. В страданиях и муках	109
20. Петушиный бой	111
21. Принц-Чародей разъясняет все тайны	115
22. Заключение	120

III. Герой Минахасы

1. Внуки горы Келабат готовятся к войне	125
2. Совет старейшины	131
3. Перед уходом	134
4. Друзья отправляются в путь	138
5. Смерть Вантиана	141
6. Ленгконг-Вуайя не вернулся	143
7. Смятение во вражеском племени	153
8. В поисках Ленгконга	155
9. Как Ленгконг-Вуайя встретился с женой и дочерью Вантиана	162
10. Ленгконг-Вуайя собирается идти в стан врагов	166
11. Ленгконг-Вуайя встречается со своими друзьями. Враги настигают их	159
12. Вантиане повергнуты в ужас	177
13. Как Ленгконг-Вуайя достиг своей цели	179
14. Родина зовет	185
15. Волшебный браслет	191
16. Родился сын	193
17. О чем говорили старейшины	193
18. Как был пристыжен вали	203
19. Гибель сына Ленгконга	210
20. С печальной вестью	214

М. Р. Даёо
ИНДОНЕЗИЙСКИЕ
СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

Редактор Г. РОЗАНОВ
Художник В. Н. Вакидин
Технический редактор А. Д. Хомяков
Корректор К. И. Иванова

Сдано в производство 6. V 1957 г.
Подписано к печати 10. XI 1957 г.
Бумага $84 \times 108^{1/32}$ = 3,4 бум. л. 11,3 печ. л.
Уч.-изд. л. 11,4. Изд. № 12/3366.
Цена в переплете 7 р. 70 к.,
в обложке 5 р. 70 к. Зак. 2544.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская. 52.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры
СССР.

Москва, Краснопролетарская. 16.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ
НОВЫЙ РОМАН**

Л. Фейхтвангера

«ИСПАНСКАЯ БАЛЛАДА»

Перевод с немецкого

Действие романа происходит в XIII в. в Испании. Одна из основных тем — тема войны и мира. Через все произведение проходит противопоставление сознательного труда разрушительным силам войны. Роман пронизан оптимистической идеей — даже ценой жизни человек утверждает подлинный гуманизм.

